18+

Мария Капшина

Идущая

Филологический анализ одного психического расстройства

Мария Капшина

Идущая. Филологический анализ одного психического расстройства

«Издательские решения»

Капшина М.

Идущая. Филологический анализ одного психического расстройства / М. Капшина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938017-3

Студентка Вика попала под машину и оказалась в другом мире, где её появление и дальнейшая судьба предсказаны древним пророчеством.К сожалению (или к счастью?) не все пророчества сбываются, и не на всякую уготованную судьбу стоит соглашаться. А иногда и победа почти неотличима от поражения.Из цикла о Центральной Равнине.

ISBN 978-5-44-938017-3

© Капшина М.
© Издательские решения

Содержание

1 – БРОДЯГА 6
I 6
II 18
III 22
IV 32
V 44
VI 54
VII 63
VIII 74
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Идущая
Филологический анализ одного психического расстройства
Мария Капшина

Я мечтою ловил уходящие тени
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
К. Бальмонт
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя.
Ф. Тютчев

© Мария Капшина, 2018
ISBN 978-5-4493-8017-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 – БРОДЯГА

I

В этой горнице колдунья
До меня жила одна:
Тень её ещё видна
Накануне новолунья…
А. Ахматова: «Хозяйка»
(из цикла «Новоселье»)

– О чем вы молитесь, Ваше Величество? – голос святейшего Мастера звучал так скорбно и проникновенно, так уместно окутал пять колонн часовни, заполняя ниши, что Шгдару стоило некоторого труда не впасть в священный трепет. – Вечные могут даровать прощение, но не могут лишить воздаяния… **е**

– Оставь этот слог для проповедей, святейший Мастер, – скривился император. Очертил разведенными пальцами прямой крест между собой и алтарем и поднялся с колен, смахнув с краев бордовой куртки облачко пыли. – Моя душа – не твоя забота! – добавил Шегдар через плечо и рефлекторно отряхнул с кистей теплую патоку священнического голоса, который не спешил затихать между полом и куполом.

– Белый плащ Судьи вручил все души Центральной равнины моему попечению, – возразил Ксондк, смиренно опуская двустволку глаз. **а**

– Угу. А меч Таго вручил мою душу мне, – не слишком почтительно отозвался Шегдар, поворачиваясь, наконец, лицом. Его святейшество стоял, сложив узкие руки на призрачно-белом полотне куртки, и разглядывал розетку солнечных пятен на плитах.

– В делах земных порой полезнее быть умудренным старцем, а не яростным мужем.

– Ты можешь говорить по-человечески? – сквозь зубы спросил Шегдар. – Просто и ясно: что за надобность привела твое святейшество к бедному императору?

– Забота о душе Вашего Величества, – наклонил голову Ксондак. – Вам наверняка ведомо, что колдовство, иначе называемое магией, пристойно только священнослужителям, совместно с тремя другими способами. Но никак не светскому лицу, ибо тогда колдовство обращается во зло…

– Мастер, обвинивший богоизбранного императора в ереси, сам еретик ещё худший, – усмехнулся Шегдар.

– Я не помышлял оспоривать писания, – сказал Мастер. – Я лишь пекусь о душах человеческих. А ваша душа, сын мой, в тени Предателя.

– И не прискучила тебе эта тема? – дернул углом рта Шегдар, явственно демонстрируя, насколько тема прискучила ему. – Магия – не помеха в управлении государством, а подмога. И ересью она становится тогда лишь, когда маг взывает к нечисти.

– Неужто призвание ведьмы не есть призыв к хаосу? – Его святейшество вскинул глаза, нанизав на них фигуру Шегдара, исчерканную тенями и светом из витражей под куполом. – Неужто возрождение ведьмы есть итог молитв к Вечным? Будь воля судьбы на то, мерзость проявилась бы, но…

– Значит, на то и верно воля Вечных! – расхохотался Шегдар. – Твоему святейшеству ещё не донесли? Мне удалось! Лэнрйна ол Тэн, Рда вернулась, Мастер! **а о е**

Ксондак оторопел настолько, что внимательный зритель сумел бы даже заметить это: по тому, как дёрнулись руки его святейшества, задев и качнув серебряную подвеску на поясе.

– Не может ли это быть ошибкой, Ваше Величество? – мягким голосом начал увещивать слуга Вечных, вновь соединив кончики пальцев.

– Не может, – усмехнулся Шегдар, направляясь к двери. Лучи, расцвеченные витражным стеклом, на миг плеснули ему в лицо. – Она в чёрно-серебряной комнате. Обряд я проводил в лаборатории, а появилась она в чёрно-серебряной комнате.

– И вы оставили её там одну? – Ксондак был вынужден зашагать следом, догоняя. – Предоставили возродившейся полную свободу?! Да ведь…

– Что это, святейший Мастер, ты способен потерять самообладание? – изумился Шегдар, поворачивая голову.

– В подобной ситуации малый грех простителен! – назидательно сказал тот, мгновенно леденея обратно. – Ваше Величество! Призвать возродившуюся – само по себе ужасно, но оставлять её свободной…

Шегдар повёл бровями:

– Оставь, священник! Никуда она не денется – она обычная девчонка сейчас, ничего не помнит, и вспомнить не сможет, пока я не совершу второй обряд, пробуждая сознание Реды. Девчонка не захочет сдаваться, а в своей комнате возродившейся проще будет взять верх. Думаю, я мало в чём ошибся: свидетельств довольно для воссоздания. Вещи не те, что стояли там триста лет назад – не беда: сами стены ещё пропитаны ею, её магией.

– Да, ещё… – Шегдар приостановился, ухмыляясь. – Если вздумаешь послать кого-то с подарком Кеила, гвардейцы под её дверью поблагодарят за развлечение. [1]

Для многих свойственно, просыпаясь, какое-то время ещё балансировать на грани сна, не вполне понимая, кто ты и на каком ты свете. Вика всегда выпадала в реальность резко и окончательно, зная, с какой стороны дверь и чья это жилплощадь – даже после какого-нибудь шабаша в родной общаге. Именно потому, открыв глаза, она ясно поняла, что ещё спит. Ну, приснилось тебе, что ты просыпаешься – с кем не бывает!

Просто настоящей эта комната быть никак не могла. Вернее, как-то, наверняка, могла – но не с Викой.

А комната приятная, кто же спорит. Эффектная. Два цвета, черный и серебристо-стальной, и их сочетания. Низкий и широкий диван – как раз подошёл по росту. Чёрный бархат, тёплый и мягкий, расшит серебром: металлически жёсткая нить царапнула голую руку. Поверх ткани – две подушки с таким же, плавным и хищным узором.

Изюминку придаёт небольшая коллекция средневекового оружия на стене над диваном. Стены обтянуты серебристо-серой тканью вроде шёлка, но над диваном шёлк скрыт под тёмным ковром с коротким ворсом, и на этом ковре до того стильно смотрится сталь… По большей части копья («и эти… алебарды?…"), клинок, пара луков, нечто топорообразное…

Около дивана – сундук под куском вышивки. В сундуке оказались какие-то тряпки: часть – с рукавами или штанинами, часть – подобие стёганых одеял, часть идентификации не поддавалась в принципе.

Напротив – окно. «Убиться веником, окошки у вас! Начинается на уровне груди (я понимаю, что росту во мне – метр в прыжке, но…), узкое, сквозь стену в полтора метра толщиной – готика да и только! А стекло – хуже чем в отечественных гостиницах…»

Столик черного дерева, чуть правее окна, сперва показался отделанным светлым, слегка желтоватым пластиком, но подойдя вплотную, Вика поняла: это что-то натуральное («кость?..»). На стене над столиком крепились два подсвечника (свечи уже горели, хотя сумерки ещё только наметились); перед ним стояло кресло с высокой ажурной спинкой. Правее столика – дверь (толстые доски вдоль, металлические зигзаги поперёк).

[1] зд.: смертью

Стену напротив скрывали два книжных шкафа, тяжеленные и очень старые даже с виду. По темным полкам вилась причудливая посеребренная резьба. Изящная и легкая. Красивая резьба, которая на пару минут полностью завладела вниманием Вики.

Потом девушка вздохнула и прекратила делать вид, будто всё нормально. Да, комната слишком похожа на сон. Потому что только во сне бывает такое чувство, когда знаешь, что эта комната твоя, хотя в глубине недозаснувшего сознания вертится ясное: ты её впервые видишь. И потому, что только во сне обыкновенная студентка может оказаться в таком неожиданном месте, не помня, как сюда попала и когда. И главное, зачем. Но… но кто же совсем не умеет отличить себя спящую от себя же бодрствующей? Вика трагически возвела глаза к потолку (потолок был тёмный, закопчённый, балочный), опустила их – и наткнулась на камин, с потрескиванием шевелящий гибким рыжим языком между диваном и книжными шкафами.

Ладно, попытка не пытка…

Огонь, как ему и положено, жёгся. Не столько больно, сколько обидно. Что за чертовщина? Бред какой-то…

Тихо шоркнула по меху дверь, пропуская чьи-то шаги.

Вика обернулась, по-прежнему сидя на пятках, только оперлась на правую руку для равновесия. Позади нее, как пишется в старых романах, стоял человек в черном. В другой ситуации она отметила бы, пожалуй, странный покрой одежды, тонкие брови и смугловатую кожу лица в сочетании с прямыми черными волосами почти до плеч… Но в первый момент она определила его именно как «человека в черном», заметив, кроме цвета одежды, только глаза. Жесткие, со стальным блеском, цепкие. Очень неприятные какие-то глаза. Ещё миг, и Вика отвела бы взгляд, но вдруг увидела в горящих зрачках неоспоримо четкий насмешливый приказ: «Ну же! Отвернись!»

«Ах ты хамло нечёсанное!» – совершенно искренне возмутилась Вика, сужая глаза в ответ…

Впервые в жизни она поняла, что такое «тяжелый взгляд». Подумалось, что если б её накрыли пыльным матрасом, усадив на него слона, ощущения были бы примерно те же. И ещё – как хорошо сидеть; стоячую точно затылком в камин унесло бы. «Вот же говнюк!» – подумала с неожиданной экспрессией.

…И вдруг поняла, что отпихивает всех троих – говнюка, слона, матрас, – хоть и не понимает, как.

Неожиданно для всех, пронзительно громко в застывшей тишине стукнула дверь. Неизвестный обернулся на звук; и, прежде чем девушка успела что-нибудь сообразить, выбросил вперед руку – кто-то, показавшийся в дверном проеме, качнулся к окну и беззвучно осел на пол. Из рук белобрысого мальчишки выскользнул поднос. Мягко стукнула оплетённая бутыль, звякнули боками два металлических кубка, один затормозил о рассыпавшиеся фрукты, а второй откатился к ноге упавшего.

– Вы спятили! – возмутилась девушка, в три скачкообразных шага обходя «человека в чёрном» и заслоняя мальчишку. «Определенно бред, – почти уверенно подумала она. – Причем такая дикая фантасмагория только мне прибредиться могла…»

Шегдар застыл на секунду, криво усмехнулся, прошёл к креслу у стола, едва не задев девушку полой куртки, и сел.

– Прошу мне извинить некоторую бестактность. Я – Шегдар нок Эдл, император Кадра.

о а

– Ну очень приятно, – буркнула Вика. Глупо было стоять перед этим нахалом, словно провинившаяся школьница перед директором, и она устроилась на подлокотнике дивана, закинув ногу на ногу. Насмешливый взгляд «императора», ожидавшего реакции на свои слова, она старалась не замечать.

– Надеюсь, вам понравилась комната… Виктория.

Ох. Имя прозвучало странно, с придыханием на «к» и «т», и «р» как-то слишком твёрдо, и гласные глубже, чем обычно… Словом, не так. Вика обнаружила, что успела нервно сложить руки на груди.

Весь диалог, начиная с её возмущённой реплики, прозвучал на том же языке. Не по-русски.

– Комната хороша… – осторожно сказала девушка, наклоняя голову чуть вбок. – В моём стиле.

– Рад это слышать, – улыбнулся Шегдар. Искренне, но чем-то неприятно. – Надеюсь, это смягчит неприятные новости. Домой вы не вернётесь. Я вызвал вас в этот мир, и обратной дороги нет.

Кхм. Хорошая штука – литературный вымысел. Но при чём здесь я?!

Бред какой-то! – уже в который раз подумала она. Разве такой бред может быть реальным? Хотя, с другой стороны, реальность иногда бывает ещё более бредовой, чем любая выдумка. И кроме того – обожженная рука… Нет, удобнее, конечно, считать это глупым сном. Во сне тоже больно бывает. Сто раз такие видела… А от любого сна когда-то проснешься. Если сон – не смертный… – выплыла вдруг леденящая мысль: Вика вспомнила гудок машины и глухой удар, которые этому сну предшествовали… Нет, она сразу отогнала эту мысль, и без того забот хватает! Пока удобнее, приятнее считать, что проснусь. Но до того ещё дожить надо, вот в чем беда! Особенно, если больно бывает… Чёрт.

Она даже не задумалась о том, почему так быстро и безоговорочно в этот бред поверила. Словно так и должно было быть.

Захотелось заплакать, зареветь по-детски, в голос… Но… Если уж где и плакать, то только не здесь! Ну что ж. Раз вы так… Надо принимать правила игры.

– Допустим… – проговорила она вполголоса. – Допустим, – повторила девушка уже погромче. – Что вам от меня нужно?

– Приятно говорить с деловым человеком, – усмехнулся Шегдар. – Думаю, лучше изложить все по порядку. Это длинная история, но я постараюсь быть краток и придерживаться фактов в ущерб легендарности.

Все началось лет триста назад. Впрочем, мир с тех пор ничуть не изменился. Так же как и сейчас, одни стремились к свободе, другие – к богатству, и все, в конечном итоге, мечтали о власти. Одни преуспевали в этом, другие – не слишком; Лэнрайна ол Тэно, прозванная Редой, была в числе первых. Она всегда твердо знала, чего хочет, и, не будучи сентиментальной, умела идти к цели, не останавливаясь перед препятствиями и не стесняясь в средствах. Совсем ещё девчонкой, когда заполучила престол Старой Империи.

Реда не верила никому. Она отлично понимала, что, если важно что-либо выполнить хорошо, за это надо браться лично. Это правило неоднократно оправдывало себя, но… Один человек все же смог завоевать доверие императрицы. В решающий момент она поверила ему, и это погубило все. Её предали, битву проиграли, а вскоре и сама Реда была убита.

Шегдар выдержал паузу, наблюдая, какой эффект произвел его рассказ. (По совести говоря, почти никакого). Вводить её в курс дела было необязательно, но император был человеком любопытным, и ему хотелось прежде понять…

Вика чувствовала себя настолько выбитой из колеи, что упустила даже случай съязвить. Её голос звучал просто устало, потому что больше всего на свете ей хотелось сейчас уснуть и забыть обо всех этих нелепых событиях, а проснуться дома…

– Все это очень занимательно, и рассказчик вы отличный, но какое все это имеет отношение ко мне? (Послать бы тебя далеко и матом!)

– О, это всего лишь прелюдия (Вика не стала скрывать огорчения), как бы вступление, – отозвался Шегдар, – но без предыстории нельзя понять самого рассказа. А рассказ начинается так…

Реда погибла, но не была забыта. Сохранилось множество легенд, преданий и пророчеств, связанных с её именем. Все они сильно разнятся, но неизменно сходятся в одном: Реда возродится в прежнем облике, чтобы обрести невиданное могущество, став способной покорить весь мир. Это не могло не заинтересовать меня, и за несколько лет я собрал богатейшую коллекцию сведений, так или иначе относящихся к делу. В итоге мне удалось не только выяснить, что Реда уже родилась, но и вычислить, где это произошло. Вызвать её в этот мир было непросто, но, в конце концов, удалось, – тут Шегдар окинул девушку довольным взглядом и замолчал. Прежде, чем пробудить прежнюю Реду, ему хотелось понять, какова она теперь, возродившаяся через триста лет.

– Вы о чём? – ошарашено проговорила Вика. – Вы что, всерьёз…

Шегдар усмехнулся. Она младше, много младше. Но смела и упряма. И горда. До сих пор только один человек мог выдержать магическую атаку правителя Кадара, но тот человек много опытней этой девчонки. К тому же, сильный маг. Впрочем, девчонка – тоже, только сама она об этом пока… Ну, когда проснется Реда, она все вспомнит.

Если бы дело происходило в её мире, Вика вынесла бы диагноз «шиза на почве фэнтези». Шегдар слова «фэнтези» мог не знать, поэтому она сказала:

– Похоже, вы перечитали старинных легенд. Я не только не знала ничего о Реде, я даже имени её не слышала до сегодняшнего дня! Боюсь, у вас все прошло не так гладко.

– Не бойтесь, – посоветовал Шегдар. – Так и должно быть. Реда спит, а своим «Я» вы считаете прочую часть сознания. Фактически же вы – два человека.

«Будь здесь Иришка, – отстранённо подумала Вика, – она была бы если не очарована, то уж заинтересована настолько, насколько это вообще возможно – и ещё чуточку. Сама ведь признавалась, что без ума от демонических мужчин. А этот… Портрет классический до банальности. Вот уж не думала, что такие встречаются не только в готических романах…» Вика так и видела сестру, восторженно оглядывающую замок и стреляющую глазками, и с трудом подавила желание рассмеяться – последние остатки нервозности разлетелись в пыль, к удивлению девушки, особым героизмом, вроде бы, не страдавшей.

– Допустим. И что дальше? – легкомысленно спросила она.

– Завтра Праздник изобилия. Ближе к вечеру, сразу после восхода луны – полной луны, – я проведу обряд. Вы уснёте, чтобы Реда проснулась.

– Нет, постойте! – подскочила Вика. – В каком смысле «усну»? Я умирать не намерена!

– Вы и не умрёте. Вы станете Редой.

– А чёрта с два! Никем, кроме себя, я быть не собираюсь!

– Это совершенно не имеет значения, – покачал головой Шегдар, не обращая внимания на возглас на чужом языке. – Это предначертано. Мне суждено возродить Империю, вам, Лэнрайна ол Тэно, суждено возродиться…

– Да откуда вам знать, что должно произойти, что не должно?.. – скорчила презрительную гримасу Вика.

– Для того, чтобы мы знали, написаны пророчества – несколько сот лет назад.

– Ну да, – усмехнулась она. – Такие пророчества всегда можно отнести к чему угодно, и каждое поколение толкует их на свой лад.

– Я докажу, что пророчества не врут, – заявил Шегдар, вставая. – Прочитаете, и если не согласитесь, что это о вас…

– То что? – рассмеялась Вика.

– Я скажу, что вы либо лжёте, либо не умеете читать, – сказал Шегдар, решительно подходя к книжным полкам.

– Это ваша комната, – пояснил он, обернувшись. – Именно здесь вы оказались, когда я вызвал вас в этот мир, – тоном «я-ни-на-что-не-намекаю». – Хотя обряды проводил в северном крыле.

Вика дернулась, но сделала вид, что поверила в отсутствие намека.

– Именно здесь нашли ваш труп, – голосом заправского гида продолжал Шегдар. Вика не удержалась от нервного смешка. – И, самое странное, на нём не было ни Олинды – медальона, символа вашей магической силы, с которым вы никогда не расставались, – ни вашего меча, Ланг-нок-Зеер («Лезвие ветра» – поняла Вика, отстранённо как-то, почти не удивившись). Ни того, ни другого так и не удалось отыскать, как не удалось и выяснить, зачем вы вернулись сюда. Зачем, кстати?

– Странный вопрос, – пожала плечами Вика. Она всё пыталась убедить себя, что манера Шегдара рассказывать о чём-то, как о событиях её жизни, забавляет, а не пугает. – Неужели не ясно, почему она пришла умирать сюда, если кроме этой комнаты у нее не было ничего? Вы же сами сказали, что комната была Реде дороже всего остального вместе взятого…

– А я ничего подобного не говорил, – вежливо удивился Шегдар. – Не упоминал, кажется, ни словом… С чего вы взяли, что комната была вам дорога?

– Вы сами так сказали!

– Нет, – беспечно ответил он. – Вот! – выудил пыльный том с одной из полок. – Слушайте, – положил раскрытую книгу на стол, и начал читать. Звуки чужого языка перекатывались, текли и шуршали, как прибой. – Да. А переводится приблизительно так…

– Я знаю перевод! – перебила Вика раньше, чем сама успела удивиться этому факту. Шегдар, похоже, не удивился вовсе. Он лишь немного отодвинулся от стола, приглашая девушку занять это место. Она наклонилась над книгой, опершись о край стола. С первого взгляда буквы показались неожиданно странными: ленты утолщений и тонкие волосинки линий располагались совершенно хаотично, без намека на строчки, столбики или хоть какую-то систему. Но уже в следующую секунду хаос обрел упорядоченность, а путаница линий – смысл, и Вика начала переводить. Ясно было не всё, но очень многое, и незнакомые слова удавалось понять по контексту.

– …Она придет… когда начнут… когда о ней уже начнут забывать, когда жизнь станет… станет неспокойной и неустойчивой. Она придет в день перед… равноденствием, за ночь до полнолуния. Она придет в этот мир неподалеку от места, где она ушла из этого мира, и одежда на ней будет знаком её отличия от всех, живущих здесь, ибо никто здесь не носит такой одежды. И корона… на ней… которая будет на ней, будет частью её самой, и никто не снимет с нее короны. Вернувшись, она немедля начнет борьбу, но никому не дано победить своей судьбы… Чушь какая! – сказала Вика, выпрямляясь. – Я так и думала: ни одного конкретного указания. Ни о времени, ни о месте, ни о внешности. Все это можно отнести к кому угодно.

– Не думаю, – усмехнулся Шегдар. – Умерли вы здесь, в замке – и появились здесь же. Одежда, которая была на вас, действительно ни на что не похожа, видит Тарсе! (Теперь усмехнулась Вика, представив, какой был бы шок у местных, явись она сюда не в брюках-блузке, а в ультрамодных мини). Под короной, – продолжал между тем Шегдар, – наверняка подразумевается ваша прическа (он указал на уложенную венком косу), а что касается времени, то полнолуние, к вашему сведению, не столь уж часто совпадает с осенним равноденствием. **и**

«Чтоб тебя!» – подумала Вика.

– Почему именно осенним? – спросила она нарочито безмятежным голосом.

– Потому что именно оно упоминается в некоторых других текстах. Кстати, как вы иначе объясните знание староимперского языка, кроме как тем, что шестьсот порогов назад он был вашим родным?

Вика смешалась на секунду, но быстро придумала объяснение, которое сама сочла вполне убедительным:

– А что, может, дома я знала три языка, кроме родного («Врём, и не краснеем?»), почему бы мне не знать столько же и здесь? Раз уж меня сюда забросило, должна же я на каком-

то языке разговаривать! – закончила она с вызовом, потому что усмешка Шегдара ясно демонстрировала его отношение к этому заявлению.

– Это, по-моему, и не важно! – продолжила она. – А чем так важно полнолуние в ночь осеннего равноденствия? – это, на её взгляд, тоже было неважно, но надо же перевести разговор на другое.

– Этот день, – ответил Шегдар, положив локоть на край стола, – а вернее, эта ночь – одна из сильнейших по своей энергии. В этой связи она наилучшим образом подходит для магии. В эту ночь луна оказывает наибольшее влияние на людей, усиливая оккультные способности. Завтрашний день будет равен следующей ночи, ночи полнолуния, когда я введу вас в транс и Реда проснется. Я ждал этого несколько лет, теперь же осталось чуть более суток.

Вика, решившая не спорить на эту скользкую сюрреалистическую тему, пропустила большую часть мистики мимо ушей, лишь вскользь подумав с некоторым злорадством, какое Шегдара ждет разочарование. «Сам виноват, надо было внимательней читать заклинания, чтобы вызвать действительно Реду, а не совершенно постороннюю меня!» Но мысль об этих «чуть больше суток» взаперти в комнате с серым пейзажем за окном навела на нее тоску.

– А до этого времени мне придется сидеть взаперти? – спросила Вика почти без надежды на отрицательный ответ.

– Есть альтернатива? – Шегдар, похоже, считал вопрос риторическим, но у девушки вдруг мелькнула идея, имевшая некоторые шансы на реализацию.

– Нельзя ли мне побродить по замку? – как можно более невинным тоном спросила Вика. – Все же хоть какое-то развлечение.

Шегдар усмехнулся в полном соответствии с её ожиданиями, и теперь главным было добиться нужной интонации: наивно, слегка заинтересованно, немного удивленно и ещё добавить чуточку иронии:

– Вы всерьез полагаете, что мне удастся отсюда сбежать? Да кто я, по-вашему? – самую малость приподнять брови…

– Лэнрайна он Тэно, прозванная Редой, – охотно пояснил Шегдар. – Дворянка захолустного рода, сумевшая в пятнадцатилетнем возрасте пробиться на трон Империи при трёх опытных конкурентах, изначально имевших огромное преимущество, и общей сваре в столице и государстве.

Вика прищурила один глаз на верх окна, над головой Шегдара.

– Лестно, конечно… – перевела взгляд на него, хмыкнула:

– Не похоже!

– Более, чем похоже, – заверил Шегдар и перешёл на деловой тон. – У вас есть время до завтрашнего вечера. Беспокоить вас не будут, еду принесут в комнату, просто скажите охране (двое стоят за дверью) распорядиться. До встречи.

Вика проводила его взглядом – и увидела белобрысого, который неподвижно лежал у стены и о котором совсем позабыли. Первой выпрыгнула дурацкая мысль позвать «скорую» и никак не хотела уходить, навязчиво крутясь в голове, пока девушка, собрав рассыпавшееся на поднос и поставив всё вместе на край стала, присела на корточки возле лежавшего без сознания и застыла в нерешительности. её подопечный был совсем мальчишкой, даже младше её – лет семнадцати-восемнадцати, может, – среднего роста и несколько худой, с вьющимися светло-русыми волосами чуть ниже ушей. Отмахиваясь от надоедливой мысли о спасительном 03, Вика припоминала все, что удалось почерпнуть из курсов по оказанию первой помощи. Как выяснилось, почёрпнуто не было почти ничего. Но понемногу Вика успокаивалась. Пульс, хоть и слабый, прощупывался. Девушка поудобнее устроила лежащего, осторожно ощупала руки и ноги – переломов, вроде бы, нет, растерла холодные ладони и сильно нажала большим пальцем во впадинку над верхней губой. «Пациент» поморщился открыл глаза. Она довольно

выпрямилась. Но едва в раскрывшихся карих глазах появилось осмысленное выражение, они распахнулись ещё шире, и их обладатель в ужасе прошептал: «Реда!»

Вика отшатнулась, вскочила на ноги. Резко отвернулась. Ах ты!.. Что ж теперь, каждый встречный будет тыкать этим именем в нос – даже если чертов экспериментатор Шегдар все напутал спьяну?.. Какого дьявола!..

…А обратной дороги нет?!

Она не слышала шагов за спиной, и вздрогнула, когда совсем рядом раздалось:

– Прости меня!

Вика удивленно обернулась. Говоривший глядел смущенно и виновато.

– Да что там! – зло сказала она. – Называйте меня все, как вам угодно! Мне уже плевать! Домой я вернуться не могу – отлично! Каждый встречный меня принимает за дуру какую-то, триста лет как сдохшую – ещё лучше! А в случае чего всегда извиниться можно! Только с чего это вдруг так внезапно переменилось мнение?

Тот замялся от язвительного тона, но вдруг взглянул прямо и весело.

– Нет, правда, извини. Я глупость, конечно, сморозил – видно чересчур сильно головой в полете стукнулся. Не говоря уже о том, что у Реды не могло быть таких глаз, ей не пришло бы в голову вступиться за совершенно неизвестного и ненужного ей человека, который иначе не надоедал бы никому после… А вот интонации подошли бы как раз Реде.

Вика невесело рассмеялась.

– Очень милая манера приправлять гадости комплиментами! Тебя как зовут?

– Ликт.

– Виктория.

– Ну что ж, приятно…

В окно протиснулся гулкий звук. Ликт вскинулся, что-то говоря, но слышно его не было. Явившийся звук подрожал под потолком, стих, – и тут же ему на смену явился ещё один. И ещё. Всего шесть.

– Это что? – спросила Вика, уверившись, что седьмого не последует.

– Это часы, дурья моя башка! Я сколько здесь провалялся?

– Ну… С четверть часа…

– Пёсьи потроха! Всё, я сбежал, бывай!

Он пулей вылетел из двери раньше, чем Вика успела открыть рот. Девушка пожала плечами и отвернулась. В проёме виднелась только стена напротив и никаких людей. Затем голоса (сперва один, потом второй) гулко и глухо послышались откуда-то слева, из конца коридора, противоположному тому, куда убежал Ликт. Потом что-то негромко стукнуло, и голоса принялись переругиваться по нарастающей: «Э! Э нет, не мухлюй! Я что, по-твоему ослеп, что ли?» – «Да уж видать ослеп!.. Я…» – «Ша! Ещё десятник припрётся…»

Голоса стихли. Закрывать дверь Вика поленилась.

Медленно прошлась, присела в кресло. Полированное дерево стола отозвалось прохладой на прикосновение рук. Нужно было придумать, что делать дальше, но, как назло, не думалось совершенно. Девушка взяла одно из перьев с подставки рядом с чернильницей, тронула остро заточенный кончик, провела пальцем по упругим ворсинкам. Три столетия назад за этим столом сидели, писали, задумчиво глядя в огоньки свеч… О чем здесь думалось Реде? И что она могла писать? Впрочем, она ведь издавала какие-то указы для своих владений; письменно, наверное, передавались планы действий, приказы войскам, ведь не всегда она сама участвовала в сражениях… За этим столом решались судьбы городов и поселков, обрекались на смерть сотни, тысячи жизней… Да уж, пафосное местечко. Затрещали и вновь ярко вспыхнули свечи, бросая красный отблеск на полированную поверхность. Девушке вдруг показалось, что это кровь растеклась по столу, заливая её пальцы. Она резко вскочила, отдергивая руки, отряхивая внезапную жуть.

Стук опрокинувшейся шкатулки привел её в себя. Из-под приотворившейся крышки с легким звоном высыпалось несколько безделушек. Серебристо поблескивающая вещица покатилась в сторону девушки, та подставила руку, и украшение, тихо звякнув, скользнуло с края стола прямо в раскрытую ладонь.

Вика подошла ближе к горящим свечам и подняла мягко мерцающий предмет к глазам. Небольшой круглый кулон крепился на причудливой тонкой цепочке. Противоположные стороны внешнего ободка соединялись ажурной полосой. В центре и на концах она сужалась и делила внутренний круг на две половины в форме капель, втекавших одна в другую. Под отверстием для цепочки поблескивала гранёная росинка со странным оттенком: словно дым, вмерзший в камень. Стоило чуть повернуть медальон, и в глубине камня вспыхивала радуга огоньков.

Девушка зачарованно любовалась волшебной игрой света в росинке и мастерской резьбой, украшавшей медальон. По форме похож на один из узоров с книжных полок. Она подошла к стене, у которой размещалась библиотека, и нашла резьбу с тем же символом, что и на медальоне. Две капли, размещённые по кругу, здесь были выступами, а не прорезями, но остальное совпадало в точности. Даже размер, похоже. Девушка приложила медальон к резному дереву – и он подошел к резьбе, как ключ к замочной скважине! Что-то тихо щелкнуло, полки вместе со стеной беззвучно заскользили в сторону, открывая площадку в метр на метр. Справа на площадку выводил горизонтальный ход, а впереди уходили вниз, в темноту, ступени; пол был покрыт толстым слоем каменной крошки и пыли. В лицо девушке пахнуло тяжёлым запахом застоявшегося воздуха и пыльной сырости. «Ну ни черта себе, голливудские сюжеты!» – потрясённо подумала Вика, всё же слегка гордясь своей проницательностью. Она вынула медальон из паза, но дверь не закрылась. Прежде, чем девушка успела о чём-либо подумать, в коридоре у входа в комнату послышались шаги и голоса. Вика растеряно завертела головой. Входную дверь закрыть успеешь – а толку? Если идут сюда… Главное – открытый ход – не спрячешь, не зная, как его закрыть. Внезапно девушка шагнула в темный проход. Оглянулась, впиваясь в дверь взглядом, и машинально потянула на себя какой-то рычаг, попавший под левую руку. Часть стены заскользила, так же беззвучно, как и когда открывалась. «Ты чего здесь ошиваешься?» – донеслось до неё. – «Я не ошиваюсь, я так, мимо бежал.» – «Ма-алчать! Твоё дело подчиняться!» – «Да молчу я, молчу.» – «Вот и молчи! Тебя велено найти и поговорить!» Один из голосов показался Вике знакомым, но она не успела додумать мысль: люди слишком быстро приближались, а дверь закрывалась чересчур медленно…

Перед дверью появились, когда щель в стене, хоть и узкая, ещё оставалась. Шедший первым повернулся к Вике лицом. Это был давешний знакомый, Ликт. «Хоть бы не заметил!» – взмолилась Вика, но её мольба не была услышана. Девушка увидела, как распахнулись его глаза, прежде чем парень одним быстрым движением закрыл дверь. Мгновением позже и стена, наконец, стала на место.

Вика замерла в непроглядной темноте, не снимая судорожно сжатых пальцев с рычага, закрывшего дверь. Поверхность была чуть тёплой и приятной на ощупь, чуть шероховатой, как старая кожа. Страх или благоразумие, или даже любопытство – что-то перебороло первую безотчетную мысль бежать вперед, вниз, по уводящим в неизвестность ступенькам, только подальше отсюда, где её застали на месте преступления. Эта мысль ушла – и оказалась единственной: после неё в голове стало удивительно, ошеломляюще пусто. Слева смутно слышались шаги. Вика подумала и шагнула в ту сторону, в обход комнаты. Метра через четыре ход упёрся в стену, из-за которой гудели голоса: один громкий, одышливый – незнакомый, другой, потише – Ликта. Не подслушивать в подобных обстоятельствах было бы не тактичностью, а просто глупостью, решила Вика и со всей возможной осторожностью приникла ухом к камню.

– … что играете в кости на посту – все оба отправитесь денники чистить! – внушительно и импульсивно вещал незнакомый голос. – А ну, живо встали, как положено! Ты куда в меня

копьём тычешь? Ты в потолок тычь, а не в меня! Вот так и стойте! А ты сюда иди! – рявкнул он, поборол кашель и продолжил. – С тобой про эту… неё поговорить велено.

Вика передвинула руку рядом со щекой, совсем забыв о зажатом медальоне, – серебро мерзко скрипнуло о камень. Девушка передёрнулась: и от звука, и от мысли, что услышат, – и отшатнулась от стены так, что едва не протаранила противоположную. Постояла, стискивая безделушку и прижимая ей выпрыгивающее из нагрудного кармана сердце. Было тихо. Вика вдохнула, выдохнула, снова прижалась ухом к холодной шершавости стены.

– …будет проще войти в доверие, чем кому другому, – продолжал всё тот же голос. – Напирай на чувство своей благодарности за спасенную жизнь. От тебя требуется следить за ней и докладывать обо всем подозрительном. Что здесь не ясно?

– Все яс… – начал Ликт, но «инструктор» прервал его:

– Ма-алчать! Кто тебе позволял открывать рот? Кто, я тебя спрашиваю?! Маалчать! Я тебе, дураку, кому говорю: от тебя требуется молчать, когда разговариваешь с благородными! Молчи и слушай! Да… О чем я говорил?..

– Докладывать о подозрительном.

– А? А, да, конечно. Я и сам знаю! Ты что это, учить меня вздумал?!

– Что ты, господин. Тебя учить ни к чему.

– Да! А твое дело – не учить, а докладывать о подозрительном. Особенно при наличии обнаружения приготовлений попытки к бегству! Вот теперь отвечай: ясно?

– Дело ясное, что дело темное, – сказал Ликт негромко, так что Вика скорее угадала знакомую присказку, чем услышала её. Знанию местной фразеологии она постановила не удивляться.

– Что?

– Ясно, господин.

– Хорошо. И запомни: скроешь что, так будешь иметь дело с самим хозяином! Или ты уже чего видел? Ошивался тут!

Вика сжалась в темноте, чувствуя, как исчезает едва успевшая затеплиться надежда.

– Нет, – ответил Ликт, и она с трудом поняла, что он сказал. – Нет. Я ничего не видел. Когда бы я мог успеть?

– Это твое дело! Как ты смеешь задавать вопросы? А когда ты успеваешь красть из кладовых всё, что плохо лежит, ворья шкура?

– Никто не докажет, что это я, – беспечно возразил Ликт.

– А и незачем! Незачем доказывать! И так ясно! – рассвирепел его собеседник, наделённый одышкой и административной властью. – И ясно, кто распускает по замку эти невозможные, крамольные шуточки! У каждого порядочного офицера руки чешутся при виде тебя! Но если выполнишь в точности, то хозяин, – на этом слове он сменил голос на приторно-почтительный, – хозяин в своей беспредельной снисходительности соизволит простить твои выходки и даже повысить в чине. Так что спасай свою шкуру! Потому что, будь моя воля, тебя не повысили бы, а повесили! Иди, считай, что ты на посту!

Сердито протопали грузные шаги, что-то грохнуло поодаль и все стихло. Минуты на две. Потом Ликт негромко позвал из комнаты:

– Виктория!

Она стояла в нерешительности. Ликт снова позвал. «Ладно, не вечно же здесь отсиживаться», – подумала Вика. Вернулась ко входу и вернула рычаг в исходное положение. Дверь открылась.

– Я так и подумал, что ты ещё где-то тут, – приветствовал её Ликт.

– Странный ты, – ответила Вика, щурясь от свечного света, показавшегося ярким после темноты за дверью. – Почему было мне помогать? – Вернувшись в комнату, она мимоходом

заметила, что рычаг – это меч со странной рукояткой, и пошарила глазами: чем бы закрыть дверь. Дверь закрылась сама.

– Нет, это ты странная, клянусь зубами моей бабки! – возразил Ликт. – Сперва спасаешь жизнь совсем незнакомому человеку, а потом удивляешься, что он тебе благодарен!

– Я удивляюсь, что ты согласен иметь дело с Шегдаром.

– А дело-то как раз в том, что я больше вовсе не желаю иметь с ним дела! – объяснил Ликт. – Ты нашла выход из замка – позволь мне пойти с тобой! Я буду вести себя смирно и не помешаю! – добавил он прежде, чем Вика успела открыть рот.

– Ты хочешь бежать? – переспросила она.

– А то! Думаешь, тут так здорово жить?

– Ещё бы! – хмыкнула Вика. – Замок с привидениями, хозяин – граф Дракула, начальник – говорящий дуб… Сказка да и только! А по совести… Ну нашла я… ход. Я ж понятия не имею, куда он ведет и куда идти оттуда! Может, и вовсе не из замка… Хотя мне почему-то кажется, что нам повезло. Но я страны не знаю, и нас обоих поймают. – Чем дальше она говорила, тем более безумной казалась ей сама эта затея с побегом. – А когда поймают, меня, может быть, ещё убивать не будут, пока Шегдар считает меня… этой. Но с тобой-то, судя по тому, что я слышала, уж точно церемониться не станут!

– Ты хочешь меня испугать? – спросил Ликт. – Чтобы я перепугался и отстал?

– Нет, – честно ответила Вика. – Просто размышляю вслух. Вообще-то, вдвоем не так страшно. Просто я не хочу быть виноватой, если…

– Не будешь! – прервал её Ликт. – Я знаю, кто переведет нас через границу, если ты выведешь из Даз-нок-Рада! **а**

– Дазна… чего?

– Даз-нок-Раад. Замок. Ты что, не знаешь, где находишься?

– Доброе утро! А кому я рассказывала, откуда я? Я знаю, что страна называется «Кадар», но ни о каких «раз-два-радарах» и не подозревала. (Тут она немного уклонилась от истины. Услышав второй раз название замка, она снова ощутила себя гением лингвистики: сочетание звуков означало «зуб дракона»).

– А, и правда. Ну, Даз-нок-Раад – это просто название замка, где мы сейчас и стоим. Раад – кадарская столица, а Даз-нок-Раад – её центр, замок. Но ты не ответила на вопрос. Вернее, это я его ещё не задал, – Ликт хмыкнул. – Так если я найду этого человека, – ты согласна?

– Согласна?.. – Вика задумалась на пару секунд. – Да, пожалуй. Почему бы нет! Втроём веселее. Но… – запнулась она, – а этот твой таинственный некто согласится?

– Это я беру на себя! – радостно пообещал Ликт.

– Ну, как знаешь.

– Но у нас мало времени! – спохватилась Вика. – Завтра будет уже поздно, потому что завтра, скорее всего, уже не будет меня. Значит, нужно уходить этой ночью. А уже вечер!

– Время – как ветер. Постоянно уносится мимо и никогда не заканчивается полностью, – философски заметил Ликт. Вика удивленно на него покосилась, но парень уже переключился на хозяйственный лад:

– Еду я добуду. А вот где раздобыть оружие?.. – повертел головой и рассмеялся. – А, вот уж глупый вопрос! Тут на десяток хватит!

– Оно нормальное? – неловко спросила Вика. – Ну, качественное? А то мой максимум – отличить копье от меча…

– Оно не нормальное! – гордо простёр руку Ликт. – Оно великолепное! А топорик для дров я и на кухне стащу. И одежду… Нет, на кухне одежды нету… – он призадумался, почесав за ухом. – А, знаю где!

– Отлично! – улыбнулась Вика.

– Значит, тут, в полночь, – подытожил Ликт. – Идет?

– Идет. Нет, подожди! Сколько до полуночи? И как вообще здесь время измеряют?

– До полуночи ещё часов пять. Чуть больше, может, – не успел толком удивиться Ликт. – А время измеряют в часах. Дюжина часов – день, дюжина – ночь. Полночь – шесть часов ночи. Часы услышишь.

– Хорошо. Значит в полночь, по бою часов, будем здесь!

Минут через двадцать в комнате Реды было тихо и темно, как в тот день, наверное, когда хозяйка бежала из замка, окружённого врагами.

II
Реда. 2 года до смерти.

История не терпит сослагательного наклонения. Но – увы, терпит повелительное.
А. Кнышев

Дело шло к полудню. Хотя в коридор не проникало света снаружи, было, тем не менее, светло – достаточно, чтобы читать. Свет расходился от закреплённых на стенах по обеим сторонам факелов. Впрочем, читать здесь едва ли кто-то вздумал бы. Да и некому, собственно: два одетых в бирюзовое человека, неподвижно стоявших с алебардами у полированной деревянной двери в конце коридора, не умели, кажется, даже моргать – как статуи. (Вообще-то, читать они тоже не умели, но этого на лбу не написано). Было душно, но оба замерших навытяжку караульных и не к таким запахам привыкли. Только когда один из факелов забился в конвульсиях и испустил дух: тёмно-серый, почти чёрный, маслянистый и едкий, – стоявший справа от двери закашлялся, но тут же поспешно принял исходное положение. Как раз вовремя: в противоположном конце коридора показались трое. Невысокая женщина в охотничьем костюме из зеленой парчи, переливавшейся серебром, уверенно и быстро шла впереди, не оглядываясь на своих спутников – двоих мужчин в дурацких оранжево-зеленых камзолах с высокими неудобными воротниками. Эти двое остались за дверью, когда Реда вошла в библиотеку. Её там уже ждали.

Тшадно Нга, родом из Знги, представлял собой весьма своеобразную личность. Учёный, поэт и философ, он сознательно отказался изучать магию по совершенно неясным ни для кого (кроме, возможно, самого Тшадоно Нга) причинам, тем самым отказавшись стать Мастером, хотя многие всё отдали бы за это звание. Выделялась из общего ряда и история его появления при имперском дворе. Удивляло, впрочем, вовсе не то, что многие представители интеллигенции были собраны в столицу со всех концов Империи, и не то, что Тшадоно оказался в их числе. Хотя поговаривали (очень тихо и очень нервно оглядываясь), что императрица – «…нет-нет, вы только не подумайте, что я осмеливаюсь судить или, охраните Вечные, осуждать, но мне всё-таки странно…» – многим казалось «странно», что пригласили не арнского Мастера, например, а «этого зангского недоучку». Главной же странностью нужно признать то, о чём едва ли кто-то знал (кроме императрицы, разумеется, и самого Тшадоно): в письме, пришедшем ему из Даз-нок-Раада, содержался не приказ явиться, а просьба, причем особо оговаривалось, что в случае отказа никаких репрессий не последует. Более чем неординарное заявление от всегда на репрессии щедрой Реды. Тем более, что слово своё она обычно держала (хотя всё-таки обычно, а не всегда). Так или иначе, но «зангскому недоучке» было высочайше позволено выбирать, служить императрице, или нет, и он выбрал первое, хотя порой не слишком лестно (и слишком по тем временам неосмотрительно) отзывался о некоторых её действиях. И приехав, пожилой ученый не стал менять своих убеждений, более того, он и скрывать их не вздумал, время от времени позволяя себе критиковать Реду. Но что самое странное, он, после вот уже полутора лет такого поведения при дворе, оставался в живых. И оставался единственным, кому императрица старомодно говорила «вы». Об этом последнем, впрочем, тоже мало кто знал. Реда предпочитала беседовать с ним наедине: скорее всего, она не хотела, чтобы у непочтительного поэта нашлись последователи, – но беседовала довольно часто. Тшадоно рассказывал о поэзии, в которой разбирался великолепно, а императрица редко упускала возможность пополнить своё образование. Тшадоно пытался время от времени переключиться и на более насущные проблемы, но его политические, экономические и в особенности соци-

альные выкладки императрица упорно игнорировала. А на сегодня как раз была назначена очередная беседа. **о а**

Реда оставила своих провожатых за дверью и вошла. Просторное помещёние библиотеки, окрашивали в тёплые коричневые тона и шкафы с книгами, и стены, отделанные деревом, и тяжелые шторы, подобранные в тон. И великолепная подборка книг на семи известных императрице языках со всех концов света, тысяч двадцать томов. Впрочем, здесь хранились не все книги: часть их, самые нужные, императрица предпочитала держать под рукой, в своем кабинете, потому хотя бы, что работала она обычно именно там.

Беседовать с кем бы то ни было Реда любила сидя, потому обстановку дополнял небольшой стол с тремя креслами вокруг; вино, хлеб и фрукты стояли ещё на одном легком столике рядом. Некоторым (очень немногим) императрица позволяла присоединиться. Тшадоно в число таковых входил. И вряд ли причина крылась в том, что он являлся, фактически, её учителем. К социальным предрассудкам Реда относилась своеобразно: из всех привилегий она уважала удобные для себя. Свои, большей частью. Она отличалась, пожалуй, своеобразной демократичностью: оценивая людей исключительно за их личные достоинства, а никак не за наследственные должности и титулы.

Тшадоно ждал императрицу, стоя у окна: невысокий, начинающий полнеть пожилой человек, уже седой, но с яркими молодыми глазами. Императрица кивнула в ответ на приветственный поклон, села и жестом пригласила Тшадоно к тому же.

– Могу я задать вопрос? – в меру почтительно спросил он.

– Можете, – небрежно кивнула Реда. – Спросить всегда можно, это ответ не всегда можно получить.

Тшадоно вздохнул.

– Я всё-таки надеюсь на ответ, тем более, что вопрос не слишком дерзок. Я просто хотел узнать, что за беспорядки были сегодня в городе?

– Беспорядки! – фыркнула Реда. – Пара сотен горожан собралась на площади и робко сообщила, что есть хочется – теперь это называется «беспорядки»!

– И что вы сделали?

– Пообещала им хлеба и наказала зачинщиков, – пожала плечами Реда.

– Но почему было не начать раздачу хлеба ещё месяц назад, когда начались первые голодные смерти?

– Потому что тогда его не хватило бы до весны, а в таком случае действительно начались бы беспорядки. К тому же, до сих пор никто не просил.

– Вы прекрасно знаете, почему никто не просил! – сердито сказал Тшадоно. – Никто не хочет попасть вам под горячую руку! За что, во имя Хофо, вы засадили в тюрьму столько народу?

– Всего десяток тупых бездельников, – лениво сказала Реда. Она сидела, облокотившись на спинку кресла и затенив ресницами изумруд глаз. – Вы опять забываетесь, Мастер Тшадоно. Мне надоело напоминать вам, что я ни перед кем не намерена отчитываться. Лучше налейте нам немного вина.

Тшадоно встал и завозился с кубками на маленьком столике. (Для этого ему пришлось повернуться к императрице спиной, но правила этикета в Старой Империи писали люди практичные и осторожные: спиной к правителю поворачиваться можно, это у него за спиной нельзя стоять никому, кроме телохранителей) Возвращаясь к столу с кубками, он повернул голову вправо: Реда пристально смотрела на него. Впрочем, может быть, это только показалось – в следующее мгновение она уже со скучающим видом перевела взгляд к окну. Тем не менее, Тшадоно вздрогнул – едва заметно, но пряжка на его рукаве громко звякнула об один из кубков.

– Садитесь, – сказала Реда. – Расскажите лучше о поэзии, это я послушаю с куда большим удовольствием.

И Тшадоно рассказал. Он понимал и любил поэзию, кроме того, он её знал, и говорить на эту тему мог часами. И рассказывал он вдохновенно: если бы в этот момент из-под стола выполз огнедышащий дракон, Тшадоно ничего не заметил бы. Реда слушала внимательно, время от времени отправляя в рот какую-нибудь мелочь с блюда. К вину она не притронулась.

Вернись Тшадоно ненадолго с небес на землю, и ему нестерпимо захотелось бы забраться под стол, даже если бы огнедышащий дракон действительно там уже сидел: изумрудные глаза императрицы просвечивали ученого насквозь. Но он был слишком увлечен, и его взгляд приобрел осмысленное выражение только по завершении пламенного монолога.

С полминуты они молчали, а потом Реда вдруг заговорила безо всякой видимой связи.

– Вы ведь неглупый человек, Тшадоно. Вы, что я куда больше ценю, отличный поэт. Более того, вы один из тех редчайший людей, с кем мне приятно беседовать. Я даже закрывала глаза на ваши посиделки в доме на Жёлтой улице… Вы плохо владеете своим лицом. Ну разумеется, я знала, неужели я похожа на полную идиотку? Это было даже забавно: пятеро мальчишек и один старик так искренне надеются свергнуть жестокую тиранию… А седьмой внимательно всё слушает и раз в десять дней подробно докладывает. Я вполне могла позволить себе смотреть на это сквозь пальцы из уважения к вашему таланту. Но скажите, Кеила ради, ну на кой бес вам понадобилось меня травить? – она легонько постучала короткими ухоженными ногтями по хрусталю кубка.

Тшадоно на мгновение вскинул глаза на императрицу.

– Отравить? – глухо спросил он, но следующие слова звучали уже вполне обыденно:

– Какая странная мысль! Но это очень просто опровергнуть, я сам отопью из вашего кубка… Позвольте…

– Не позволю, – жёстко сказала Реда, жестом останавливая протянувшуюся руку. – Я хочу знать: зачем? Неужели, из-за вашего сына? Я думала, вы уже успокоились.

Тшадоно поднял глаза от нервно теребивших манжет пальцев.

– Мальчик ни в чем не был виноват перед Вашим Величеством. Он даже не знал о моей связи с подпольщиками. Он не заслуживал такой смерти! – его голос на мгновение дрогнул. – Но, как вы справедливо заметили, я действительно уже… успокоился.

– Так в чем же дело? – спросила Реда, глядя густое красное вино на свет.

– Скажу я, скажу, – сердито огрызнулся ученый. Помолчал. – Вы – лучшая моя ученица, хотя я не знаю, чем вы чувствуете поэзию, если у вас нет сердца! Одна только логика, холодная и равнодушная, как ваши глаза. Вы – чудовище! – почти выкрикнул он и зашелся в сухом кашле.

– Выпейте, – посоветовала Реда. – Из своего, своего бокала, – добавила она, усмехнувшись. Тшадоно сверкнул глазами, сквозь выступившие слезы, но послушался. – Как много интересного о себе можно услышать от человека, решившего, что ему нечего терять, – ехидно протянула Реда. – Вам не по душе моя логика? По её законам строится этот мир. По законам логики, а не эмоций или, тем более, морали. А я не хочу переворачивать мир. И сворачивать себе шею не хочу. И пока… Разве логика меня подводила? Разве Империя потеряла от моей логики? Вы мудрый человек и умеете быть беспристрастным: скажите, сильнее или слабее стала страна при мне?

– Сильнее, – выдавил он, с ненавистью глядя на императрицу.

– И я так думаю, – кивнула Реда. – А вот где ваша логика? Как вы себе представляете человека вашего возраста в пыточной камере?

– Да, я уже стар, и хотел сделать доброе дело! – заявил он. – А потом… Мне всё равно скоро умирать!

– И всё равно, как умирать? – язвительно прищурилась Реда. – То-то вы так жадно смотрите на мой кубок! Вы ведь хорошо помните, что полагается за покушение на императрицу!

– Чудовище! – убежденно повторил старик, исподлобья глядя на неё.

– Ха! – скривила губы Реда. – А мне вот только что пришло в голову… Помните наш прошлый спор: что важнее, говорящий или сказанное? А ведь выиграла я: если я сейчас позову стражу и скажу увести вас в подвалы, они послушаются, не задавая даже вопросов. А если то же самое попросите вы… – она снова усмехнулась. – Важнее кто говорит, а не что сказано. Выпейте ещё, вы слишком бледны. Я могла бы оставить вам жизнь, вы слишком хороший поэт. Но вы чересчур упрямы, и будете повторять свои идиотские попытки раз за разом, раз за разом тупо пытаясь меня убить или переделать, и в конце концов мне это надоест, и всё равно придется избавиться от вас. Так что лучше не тянуть, как вы думаете?

Она замолчала, давая поэту время на последнее слово, наблюдая за ним со сдержанным интересом исследователя. Как ни странно, Тшадоно был уже совершенно спокоен, и когда он заговорил, то заговорил уверенно и ровно, хотя и не скрывая сквозящей горечи.

– Я шёл сюда с уверенностью, что это – мой последний урок, и мой последний день – неважно, удалось бы мне выполнить задуманное или нет… Я ещё не совсем выжил из ума, и понимал, что обречён в любом случае, что из этой комнаты мне уже не выйти живым. Я должен был убить вас, потому что ваши методы не оправдать никакой целью, потому что средства определяют результат, и если они недостойны цели, то и результат окажется вовсе не тем, о чём мечталось. Не только, чтобы остановить вас, но чтобы доказать: таким путём невозможно добиться чего-то стоящего! Конечно, глупо бороться со злом его же методами, но другого выхода я не видел. И не мог не попытаться. И получил подтверждение собственной теории: убийством не принесёшь пользы. Но одно я могу вам сказать точно: вы плохо кончите. Вы уже прокляты, и однажды вам придётся платить за все, и это будет нелёгкая плата. А я… Что ж, я готов сполна платить и за свои убеждения и за свои ошибки.

Реда встала налить себе вина в чистый кубок, а кубок с ядом взяла в другую руку.

– Очень героически и трогательно, поэт, – усмехнулась она. – Не беспокойтесь о моей, как принято считать, отсутствующей душе. Я сумею расплатиться за всё – когда-нибудь. За готовность платить по счетам! – объявила она, протягивая отравленное вино. Тшадоно принял кубок, и они выпили одновременно.

Реда с холодным любопытством наблюдала. Золотой с хрусталем тяжёлый кубок зазвенел, ударившись о стол, и с глухим стуком упал на пол, Тшадоно с перекошенным лицом схватился за шею, разрывая воротник, но не издал ни звука: похоже, горло свело судорогой, – только беззвучно хватал ртом воздух, выпучив глаза. Через минуту он затих. Реда отставила свой кубок и хлопнула в ладоши. В дверях замаячили двое стражей.

– Уберите это. И пусть мне приготовят ванну.

III

А что тут думать, прыгать надо!
Старый анекдот

Заперев дверь, Вика первым делом тщательно обыскала помещение на предмет потайных глазков и прочих средств слежения, которые легко обнаружить под большей частью глянцевых обложек и едва ли возможно, даже при их наличии, отыскать в действительности – на то они и потайные! Как бы то ни было, Вика обыском удовлетворилась (а что, спрашивается, ей ещё оставалось?) и принялась за переодевание. В любом случае, брюки да блузка тут не приживутся: вряд ли здешние достаточно терпимы к подобной эксцентричности в вопросах моды. Минут десять наблюдения за окном и такой же продолжительности копание в сундуке дали следующие результаты: узкие кожаные штаны (своё бельё, разумеется, она оставила при себе из обыкновенной брезгливости), полотняная рубашка, что-то шерстяное и вязаное неопределённо-балахонистого фасона, а поверх – туникообразная куртка, как и штаны, кожаная, на коротком меху. Из обуви Вика выбрала мягкие полуботинки, удобные, как хорошие кроссовки. После чего вплотную занялась сборами, благо в её распоряжении имелся огромный сундук с тряпьем и целый оружейный склад на стене. Процесс так её увлек, что если бы минут сорок спустя кто-то заглянул в чёрно-серебряную комнату, он не сразу обнаружил бы девушку: комната походила на полигон для ядерных испытаний, а виновница всего этого безобразия стояла перед огромной кучей одежды и оружия, глядя то на пол, то на стену и прикидывая, стоит ли взять лук со стрелами ещё и для себя. Стрелять она, разумеется, не умела, она вообще никаким оружием не умела пользоваться, кроме, разве что, газового баллончика, на который в этом мире едва ли стоило рассчитывать. Но с другой стороны, она прекрасно понимала, что научиться быстро бегать, хорошо прятаться и хоть как-то защищаться (а лучше и то, и другое, и третье) придётся, если она хочет дойти хоть куда-нибудь (и не в качестве чьего-то движимого имущества).

Себе она меча не выбирала, подумав, что возьмёт тот, в роли рычага за дверью. По совести, она не могла знать, что это меч, так как на рычаг не смотрела. Но это соображение не пришло ей в голову.

Упаковав, наконец, свою «добычу» в сумку, Вика окинула развороченную комнату взглядом, несколько удивлённо покачала головой и усмехнулась: «Ну надо же, прямо как дома!» Потом в ней вдруг взыграла чистоплотность, и девушка взялась за уборку, так что минут через пятнадцать комната выглядела уже вполне прилично, а сумка с отобранным в дорогу благополучно уместилась под кроватью. После чего Вика поняла, что устала. Часы во дворе недавно пробили три раза, значит до полуночи ещё три часа. «Посплю немножечко, а потом хоть на край света…» – подумала Вика. Размышляя логически, спать ей не стоило, потому как будильника она, не трудно догадаться, не захватила, а проспать назначенное время побега было бы слишком глупо, чтобы это можно было счесть смешным. Но мыслить логически Вике не хотелось, ей хотелось спать. «Я совсем чуть-чуть вздремну…» – пообещала она совести и логике, устраиваясь поудобнее. «Всего часик», – добавила она, поворачиваясь на бок, клубочком. Рука по давней, детской ещё привычке потянулась к крестику, но нащупала только обрывок цепочки. От неожиданности сон слетел, виновато махнув хвостом. Вика села в кровати, растерянно шаря у основания шеи, потом вскочила, перетряхнула покрывало, всю постель, обыскала комнату. Крестика не было. Даже если он потерялся уже в этом мире, то идти обыскивать замок все равно бессмысленно. И тогда Вика вдруг села, где стояла, на ковер, обняла колени руками и заплакала. Не то чтобы она была так уж религиозна. Просто крестик вдруг представился символом дома, её мира, и порвалась не цепочка, а последняя ниточка, её с домом связывавшая.

И Вике стало так одиноко и страшно, и жалко себя, и так глупо и бессмысленно всё, и больно из-за абсолютной своей ненужности никому в этом мире, и ясно вдруг – слишком ясно, что она влипла всерьёз и надолго, если не навсегда, тем более, если уже умерла там, на дороге… Слёзы текли сами собой, беззвучно, и Вика легко отдалась сомнительному, но всегда привлекательному удовольствию жалеть себя. А потом слёзы как-то вдруг кончились, и она просто сидела без мыслей и эмоций: странное состояние, когда голова пуста совершенно, и времени словно нет. Оно не останавливается, оно просто перестаёт иметь значение, течёт, не задевая тебя.

Вика вдруг шевельнулась, словно просыпаясь. Послышался второй удар часов… третий… шестой. Надо же! её «вневременной транс» оказался прекрасным средством быстро отдохнуть: девушка чувствовала себя бодрой и прекрасно выспавшейся. Она выудила из-под кровати свою сумку, вышла на середину комнаты, огляделась, вернулась за прицепленным на спинку кровати медальоном – ну даю, чуть ключ не забыла! – ещё раз напоследок огляделась и… И принялась в одиночестве изучать книжные полки: остальные до явочной комнаты ещё не добрались. Минут через пятнадцать в дверном проеме нарисовался Ликт, радостно с Викой поздоровавшийся, а следом за ним ещё один человек. Одного возраста с Шегдаром, кажется (лет двадцати семи-тридцати), высокий, с лицом того типа, который принято называть «нордическим» – разве что чуть пауже, – и с совершенно неподходящими к нордическому лицу тёмными глазами и волосами.

– Рар, это Виктория; Виктория, это Раир, – скороговоркой сообщил Ликт. Вика с некоторым усилием вернула подпрыгнувшие брови на место. – Слушай, как он глуханул охрану – это ж песня! Я одного отвлёк, он второго – по темечку, мой услышал, стал отворачиваться – и тоже… **и**

Раир особой радости от знакомства не выказал.

– Это она выведет нас из замка? – холодно спросил он, дождавшись паузы в излияниях Ликта. – Вот уж не думал, что когда-нибудь мне случится довериться Реде.

– Реда уже триста лет как мертва! А я к ней ни малейшего отношения не имею! – вызывающе сказала Вика.

– Заметно, – Раир окинул её взглядом.

Вика вспыхнула, почувствовала, что вспыхнула, и разозлилась на себя за это.

– Что, за столько лет не мог родиться никто похожий на неё? Разве не бывает случайностей? Я-то тут при чём!

– Возможно. Но причин не верить вам у меня куда больше, чем поводов верить.

– Ну и отлично. В конце концов, это была не моя идея, – сказала Вика, бросая косой взгляд на Ликта. – Если бы я не согласилась подождать, я бы уже далеко была от этого чёртова замка!

– Может и была бы, – согласился Ликт. – И что бы ты делала в чужой стране без карты, оружия, еды и огня? Далеко бы ушла?

– Ну ладно. Я же всё-таки согласилась.

– О! А ты где переодеться успела? – попытался сменить тему Ликт.

– Тут, – пожала плечами Вика. – Вон, сундук…

Раир подумал, что сейчас она выгладит девчонкой, немногим старше Ликта, и уж на Реду действительно ничуть не похожа.

Ликт повернулся к нему.

– Она не Реда, уж поверь мне!

– Почему бы? – спросил Раир, но улыбнулся, и ясно было, что он уже почти согласен.

– Потому, что иначе у тебя останется одно из двух: возвратиться в камеру самому или подождать, пока тебя вернут туда силой.

– Просто, – невозмутимо сказал Раир, – мне хотелось бы достоверно знать, что ни один из моих спутников не подарит мне нож в спину.

– Некоторые и такого подарка не заслуживают! – с готовностью отозвалась Вика.

– Во имя Хфо, до чего жестоки Вечные, – философски изрек Раир, – наделить человека таким характером! **o**

– Ну знаешь ли, – сказала Вика тоном выше, – пока на мой характер никто не жаловался!

– Я отнюдь не ставлю этого под сомнение! – заверил Раир. – Согласно дошедшим сведениям, там, где проходила Реда, не оставалось никого, достаточно живого, чтобы жаловаться.

– Если бы я была Редой, – в полный голос начала она, – кое-кто тут уже точно был бы «недостаточно живой»!

– Тише! – страшным голосом прошептал Ликт. – Вы что оба, спятили? Только не хватает, чтобы нас услышали!

Спятившие послушно замолчали.

– Во имя Килре! – проворчал Ликт. – Было бы из-за чего ругаться! Чай я вас не сватаю! Всего-то и нужно – смыться из этого не в меру гостеприимного дома. Заключаем сделку: Виктория выводит нас из замка, а Раир – из страны.

– А ты зачем нужен? – полюбопытствовал Раир.

– Ха! Так вы ж без меня, кажется, пяти минут спокойно общаться не можете! – лукаво сощурился Ликт. – Ладно, – посерьезнел он, – хватит время терять, у нас его и без того с гулькин нос. Давай, открывай дверь, Виктория!

Девушка без лишних слов повернулась к стене: Ликт на самом деле здорово напугал её, напомнив, что их в любой момент могут обнаружить, и тогда всё закончится, не начавшись. У слова «закончится» был какой-то жутковатый гнилостный привкус. Вика передёрнула плечами и гордо выпрямилась, тряхнув головой. Черта с два – «закончится»!

Она нажала на деревянную панель между полками, что-то тихо щёлкнуло и часть стены беззвучно отъехала в сторону. «Как всё просто! – усмехнулся Раир. – Право, любопытнейшая случайность: именно теперь, именно здесь появляется девушка, по всем приметам похожая на Реду. И обнаруживает потайной ход, о котором до того никто и не слышал. Но это, конечно, не она. Это, конечно, случайность…»

– Значит, не Реда? – проговорил он чуть слышно, но Вика разобрала слова, поворачиваясь лицом, и презрительно поджала губы. «Вот ещё! Не верит и не надо! Его дело, и меня не касается!» Она поймала себя на том, что ей не так уж все равно, и хотелось бы понравиться Раиру, а поняв, снова разозлилась на себя. Тихо, девочка, успокойся, разве можно позволять первому попавшемуся симпатичному парню так себя бесить!

– Проходите, – сказала она, посторонившись и пропуская Ликта. Раир стоял, глядя на неё, и где-то в глазах пряталось насмешливое выражение. Виктория почувствовала, что сейчас взорвётся (и ей очень хотелось взорваться), но заставила себя успокоиться и сказать ровным голосом (с такой же долей насмешки, как и в глазах её собеседника):

– Проходите, я не собираюсь тратиться вам на подарок, мне просто нужно закрыть дверь.

Раир вошёл, несколько досадуя на себя, что не нашёлся с ответом. Девушка кинула в проход объемистый сверток, глухо звякнувший о каменный пол под слоем вековой пыли, сказала Ликту зажечь факел из стойки в углу (где их достаточно было на целую роту), вынула из «замочной скважины» и вернула на шею медальон и вошла сама. Убедившись, что факел светит, она потянула рычаг на себя, а когда стена скользнула на место, дёрнула тёплую рукоятку – меч, негромко зашуршав, легко вынулся. Первым делом девушка хотела разглядеть его хорошенько, но увидев, как на неё смотрит Раир, решила отложить это исследовательское мероприятие на неопределенное потом.

– Прежде, чем идти, давайте разберемся, что у нас есть, – предложила она, приседая на корточки перед своим весьма основательным узлом. – Ликт, посвети, пожалуйста.

Часа приблизительно через пол, разобрав припасы, одежду и оружие, трое двинулись в путь, освещая коридор двумя факелами.

– Ликт! – тихонько позвала Вика. – А он кто? Этот Раир…

– Живая легенда, – ухмыльнулся Ликт. – Странствующий рыцарь Раир Лаолиец, он же Ведоирр, Северный ветер. Главный враг моего бывшего (это слово Ликт сказал с особым удовольствием) хозяина. **е**

– Псих-одиночка? – подняла одну бровь Вика. – Один в поле не воин, разве нет?

– Этот – воин, клянусь зубами моей бабки! Я ж говорю, живая легенда…

– И что он тут делает? – скептически покосилась через плечо Вика.

– А пёс его знает! – весело пожал плечами Ликт. – Если б он не попался, через пару дней весь Кадар гудел бы, уж верно: все бы знали, зачем сюда приходил Лаолиец. А теперь… Если сам не скажет, что вряд ли…

– Попался? Так он в тюрьме был?

– Ага. Почти: там перед пыточной каморка такая, для временно заключённых…

– И как он оттуда вышел?

– Я выпустил, – небрежно сказал Ликт. – Охрана – олухи, – пояснил он и подмигнул Вике.

Разговор заглох. Вика шла впереди, где-то раз в десять минут пытаясь ответить, как далеко ещё до выхода. Говорить о том, о чем не было ни малейшего представления, получалось у нее из рук вон плохо. Наконец она решила, сама не зная, почему, что подземный ход должен быть должен быть длиной километра в два, а так как шли они уже около двадцати минут, оставалось всего метров шестьсот. Растолковав, что метр это примерно два шага, и выяснив, что во всех почти странах измеряют именно шагами, Вика была на время оставлена нетерпеливым Ликтом в покое, так как он взялся от нечего делать считать шаги. Она шла и представляла, что будет, когда они пройдут эти злосчастные шесть сотен метров, а выхода не наметится и в помине. Она уже жалела, что вообще ввязалась в это.

– Тысяча сто, – вслух сказал Ликт. – Уже должно бы светлеть!

Света не было. Вика так и видела выражение лица Раира.

– Сто пятьдесят, – сказал Ликт.

Проход вдруг свернул и круто пошел вверх. Впереди завиднелся голубоватый свет.

– Есть! – воскликнул Ликт.

– Вначале посмотрим, где мы оказались, – сказал Раир.

Никто не возражал, и они посмотрели. А оказались они, пробравшись сквозь кусты, на залитой лунным светом естественной террасе на склоне оврага, поросшего чахлой дикой вишней и кустарником с феноменально цепкими ветками. Кое-где росли ободранные какие-то кусты боярышника с начинающими краснеть терпкими ягодами. Дно оврага было почти ровным и с виду удобным для ходьбы.

– Ты знаешь это место? – спросила Вика Раира, предлагая пока перемирие. Тот перемирие принял.

– Да. Это Вишнёвый овраг. Если идти сперва по нему, потом дальше прямо на восток, то мы, поторопившись, возможно, будем в горах уже на шестые сутки.

– При условии, если никого не встретим, – вставил Ликт.

– И при некоторых других «если», – кивнул Раир. – Наиболее неприятным из них мне представляется «если не случится ничего непредвиденного».

– Тшш! – вдруг прервала его Вика. – Смотрите!

Внизу, прямо под террасой, где они расположились, что-то неспешно двигалось. По рассмотрении нечто оказалось лошадью под седлом и взнузданной. Неподалёку обнаружились ещё две, а под развесистым кустом сирени с посеребренными луной мягкими листьями – их хозяева: трое спящих вповалку вооруженных людей. Которых Ликт и Раир идентифицировали как кадарских солдат.

– Шесть суток, это ж пешком имелось в виду? – тихо спросил Ликт.

– Верхом выйдет, я полагаю, втрое быстрее, даже если мы не станем гнать во весь опор.

Переглянувшись, они направились вниз.

– Постойте! – сказала Вика. – А что если они проснутся?

– Я б на их месте лучше дрых, – пожал плечами Ликт.

«На войне, как на войне?» – грустно подумала девушка и начала спускаться следом, стараясь при этом не слишком шуметь. Спустившись, отошла к рощице поодаль и присела на влажную траву, ожидая развития событий и надеясь, что развиваться они будут не слишком интенсивно. Ждать пришлось недолго. Похоже, всё обошлось: никто не кричал, не лязгал железом и не издавал подозрительных хрипов. Первым звуком было тихое фырканье, следом за которым нарисовался верховой Раир, а за ним – полностью довольный жизнью Ликт с двумя конями в поводу.

– Выбирай! – весело предложил он.

– Да мне, в общем-то, всё равно, – улыбнулась девушка, поглаживая мягкую и теплую, словно плюшевую, морду ближнего к ней коня: вороного, без единого светлого пятнышка. Он обнюхал руку, раздувая ноздри, тряхнул головой и шагнул ближе к Вике.

– Зато он уже выбрал! – рассмеялся Ликт. – Значит, его и бери.

– Ага, – весело сказала Вика. – Всегда обожала вороных…

Раир косо на неё посмотрел.

– Ну и что я на этот раз сделала не так? – сердито спросила она.

Раир не удостоил её ответом.

– Мне и взглянуть на неё нельзя? – сказал он в пространство. – Хватит уже. Поехали.

– Вот именно, хватит, – проворчала Вика.

– Да, – спохватился Ликт, садясь в седло. – Ты хоть скакать-то умеешь?

– Да как сказать… – неопределённо проговорила Вика, взбираясь на своего коня. Амазонкой она, конечно, не была, хотя в определенном возрасте и очень хотела. Но как в седле сидеть, она знала, и имела некоторое представление о рыси и галопе. Но представление это оставалось весьма поверхностным, и если на спине шагающего коня она чувствовала в себе силы неописуемые, то рысь… Вика болталась в седле из стороны в сторону, всеми силами пытаясь не вылететь из него. А вылететь очень хотелось, причем в двадцать сторон одновременно. Немного придя в себя, она вспомнила, чему учили на уроках верховой езды, и попыталась «облегчаться»: приподниматься на стременах в такт ударам копыт. (Там, дома, когда тренер сказал им «облегчаться», они с подружкой долго покатывались со смеху, прежде чем им объяснили, что требуется совсем не то, что первым делом пришло на ум). А в общем-то, смешно это лишь со стороны, а не когда это именно тебе безумно хочется обнять коня за шею, как родного, а тренер кричит выпрямить спину, опустить руки, не дергать повод, держаться коленями, опустить пятки, не наклоняться вперед, попадать в такт и при этом ещё управлять конем…

На роль тренера к ней с самого начала пристроился Ликт, давая советы и подбадривая. Хотя по срывавшимся репликам ясно было, что ему куда больше хочется комментировать, а не сочувствовать.

…А седло, вместе с этим самым конём, так и норовит выскочить из-под тебя. А неумолимые законы физики – сделать твоё падение по возможности менее комфортабельным. Не говоря уж о том, что конь о тебе, как наезднице, совсем не высокого мнения, чего и не думает скрывать.

Уже через четверть часа Вика взмокла, через полчаса перестала смотреть на что бы то ни было, кроме шеи своего коня с ритмично вздрагивающей гривой, а через час вымоталась до предела. За пределом, к её собственному удивлению, стало гораздо легче, и она подумала, что второе дыхание, выходит, не выдумка.

– Нельзя ли помедленнее? – улучив момент, спросила девушка.

– До рассвета нужно уйти подальше, – ответил Ликт. – Потерпи ещё чуть-чуть.

– Утром устроим привал, – подключился Раир, притормозив и повернувшись (вместе с конем). – Поедим и передохнём, а днём придется двигаться медленно и осторожно.

На слове «осторожно» он послал коня вперёд, и Вика с тихой паникой подумала, что такое «медленно» оптимизма не внушает. Её вороной рванул с места в карьер, не дожидаясь инструкций. Вика охнула, но равновесие восстановила. С равновесием душевным вышло похуже: воображение живо рисовало две морды: ехидную конскую и презрительную Раирову.

В отношении последнего воображение нагло врало. Именно Викины мучения заставили Раира сменить гнев на милость: незаметно для самого себя он увидел в ней не Реду, а беспомощную девочку, находящуюся на его попечении.

К тому времени, когда взошло солнце, овраг кончился. Деревья росли всё реже. Трое остановились под невысоким раскидистым орешником. Маленькая рощица возвышалась как последний опорный пункт леса на границе рыжевато-серой равнины, заросшей кустарником и высокой жесткой травой. Позаботившись о конях, парни занялись лежанками. Вике популярно объяснили, что лучшая помощь, на которую она способна – это сидеть в стороне и не шевелиться. Она слишком устала даже для обид и ругани, и потому молча осуществляла моральную поддержку, глядя на запад, где в серой мути таяла равнина, гладким покрывалом уходя вдаль.

Трое поужинали и легли спать. Было колко и холодно, но Вика провалилась в сон, едва легла, и ей показалось, что она только на мгновение закрыла глаза, когда, часа четыре спустя, Раир (не спавший вовсе) счёл нужным продолжить путь.

А путь этот пролегал теперь по местам практически нехоженым, что было хорошо (меньше вероятность ненужных встреч), но не слишком (дорога не радовала гладкостью). Собственно, и не дорога вовсе, а узёхонькая тропка, сжатая с двух сторон кустарником. Два пешехода ещё могли бы здесь разминуться, если один из них вжался бы в упругую и колючую стену, но двум верховым проще было научиться летать, нежели проехать бок о бок. И они медленно продвигались гуськом, нос в хвост, устало отбиваясь от неутомимо цепких веток. Вика спала на ходу.

Солнце зависло чуть справа от зенита. Тропинка всё больше петляла, то лениво заворачиваясь кверху, то стекая под горку вниз. Раир и Ликт уже дважды спешивались, чтобы расчистить дорогу там, где она совсем уж заросла бесконечными кустами с некрупными ржавыми листьями, и видно было, что оба они тоже утомлены этим медленным продвижением под лучами подслеповатого солнца на мутном небе.

Наконец тропа, извернувшись, выползла на пригорок, и взглядам путников открылась ласкающая воображение картина: узкая прорезь в бурых зарослях темной змейкой вливалась в большую дорогу, медленно изгибавшуюся вдоль реки под сенью плакучих ив. В несколько минут путники были уже на берегу. Напоив коней, вволю напившись холодной вкусной воды и заново наполнив флажки, все приободрились. К огромной радости Вики, Раир объявил привал. Место для этого ответственного мероприятия они, для вящей безопасности, искали в стороне от дороги. А попутно обнаружили на небольшой возвышенности у реки странное, на взгляд Вики, сооружение. На пятиугольном каменном основании в метр высотой и с таким же диаметром стояла полутораметровая трехгранная призма из того же светлого камня, похожего на гранит. Раиру и Ликту, впрочем, это сооружение странным определённо не показалось. Во всяком случае, направились они туда вполне уверенно.

– Подожди секундочку! Что это такое? – спросила Вика Ликта.

– Тагл, – пожал плечами Ликт. – Ты что, не видишь? А, ну да… **а**

Засим Ликт поспешил догонять Раира, но Вика направилась туда же, а по дороге усвоила в общих чертах следующее: тагал – культовое сооружение в честь пяти стихий, трех основных божеств и двух изначальных противоположностей. Установлены тагалы обычно на расстоянии около двадцати тысяч шагов один от другого, потому слово «тагал» служит ещё и обо-

значением этого расстояния. Подойдя ближе, Вика обнаружила, что на каждой из трёх граней полутораметровой призмы странным темно-зеленым металлом изображен один и тот же узор: пересекающиеся под прямым углом узкий, вытянутый горизонтально овал и такой же узкий ромб, но вертикальный. Поверхность камня, когда-то полировано-гладкую, дождь, снег и ветер почти везде зашершавили, но центр каждой грани, на пересечении ромба и овала, был гладким по-прежнему. Через минуту, когда её спутники прижали ладони у двум граням тагала, Вика поняла, почему: это был какой-то обряд, и руки всех путников, проходивших или проезжавших мимо тагала, заново отполировали камень. Она подошла к третьей грани и тоже подняла руку и приложила ладонь (левую почему-то, а не правую, как Раир и Ликт) к пересечению линий.

Раир первым открыл глаза и увидел девушку, прижавшую к камню левую ладонь. Ну и откуда она, гостья из чужого мира, знает, что женщинам нужно именно левую? Он снова почувствовал уверенность, что это Реда. Это была не логическая, разумная уверенность, а необъяснимое ощущение чужой, недоброй силы, идущей от девушки. С первого же взгляда Раир был уверен, что это она, а предчувствия его редко обманывали. Но в этом случае всё складывалось как-то странно: уверенность то поднималась безоговорочно четко, то вдруг сходила на нет, будто перед ним стояли два человека, поочередно попадавших в поле зрения.

Трое вернулись к привязанным лошадям, расседлали их и сами прохлаждались до тех пор, пока солнце не начало потихоньку сползать к западу. А как раз перед тем, как отправляться дальше, произошел неприятный (в основном для Вики неприятный) инцидент. Раир заговорил с Ликтом на каком-то другом языке, названия которого Вика не знала, но слова и строй речи которого вдруг оказались знакомыми. Ликт, в отличие от нее, признаков знакомства с языком не проявил. Девушка честно предупредила Раира на том же языке, что если в будущем он захочет посекретничать, то лучше сначала отойти в сторону или ей (Вике), или им (секретничающим). Добилась же она этим заявлением очередного непередаваемо выразительного взгляда Раира и язвительно-вежливого вопроса, какие ещё языки она знает.

– Здесь или там, у меня? – спросила Вика, решив по возможности сохранять спокойствие, не беситься, тшш, тшш, девочка…

– Где это «у вас»?

– Там, – ответила Вика, – откуда меня высвистал один наш общий знакомый, перепутав с той, за кого вы меня так упорно принимаете.

– Ах, значит, перепутав?

– Именно.

– Может, потерпите до гор? – уныло спросил Ликт. Его проигнорировали.

– Так какие здешние языки вы знаете? – продолжил допрос Раир.

Вика помедлила, честно прикидывая.

– Вот этот знаю, – сказала она на языке, которым с ней говорил Шегдар.

– Староимперский, – кивнул Раир.

– Ну, ещё этот, – на котором была книга с предсказанием.

– Арнакйский. **и**

– И этот, пожалуй, – на том, на котором Раир пытался поговорить с Ликтом. Сказала, и потом задумалась: а это не тот же, на каком была книга?

– Арнский.

– Ну и ещё, разумеется, этот, – на котором говорили всю дорогу. – Или нет, это же тот же самый, да? («Ё-мое, много-то как!» – попутно удивилась она).

– Эрлк или центральный, – отметил Раир. – В самом деле всё? А этот язык вы разве не понимаете? Или этот? Нет? А вот этот? И как насчет этого? **и**

По мере того, как Раир говорил, глаза Вики открывались все шире: она действительно знала ещё и все эти языки. От удивления она смогла только кивнуть.

– Алер, лаолйский, зангский, и кадрский, – резюмировал Раир. – Реда знала восемь языков. Владение ими вы только что продемонстрировали. И это тоже – совпадение? Хоть бы не раскрывались так опрометчиво, встретиться всё же могут не только скорбные на голову! Поехали! **и и а** [2]

Вика чувствовала себя так, словно её при всем честном народе ни за что ни про что отодрали за уши. Причем никто из зрителей не знает, что отодрали не за дело. Она даже почувствовала, как горят уши.

По дороге двигаться было легче, но опасней, и они пускали коней вскачь там, где дорога простиралась прямо и можно было не опасаться неожиданного появления кого бы то ни было. На извилистых же участках приходилось двигаться медленно, внимательно прислушиваясь и готовясь тут же свернуть и спрятаться, едва наметится что-то подозрительное. Часа за три пути прятаться пришлось однажды, когда мимо шумно прошествовал сторожевой отряд в коричневых куртках и багровых с жёлтым плащах.

К исходу третьего часа начались предгорья, живо напомнившие девушке родные места: ковыльные холмы, дальше – невысокие лесистые горы, сыплющий желтой листвой орешник на склонах, багряные клены, серебристые тополя, каштаны, липа, алыча и кизил. И ягоды шиповника, боярышника и терна: что-то в самый раз, а что-то с пьяным переспелым привкусом.

Дорога между тем сворачивала к северу, а Раир повел своих спутников прямо к востоку, через холмы, туда, где темнели в сиреневой дымке мощные, с седыми, вечно снежными вершинами Великие горы. Здесь, когда дорога, а вместе с ней цивилизация и солдаты Шегдара остались позади, хорониться было не от кого, и трое всадников спешили на восток, за горы. [3]

Вика ещё на дороге обнаружила, что когда-то успела наловчиться довольно сносно держаться в седле, и теперь ловила одобрительные взгляды Ликта и выразительные – Раира, который уже, похоже, полностью уверился, что всю первую часть пути она просто ломала комедию. Впрочем, из-за того, что мысли Вики были заняты преимущественно предстоящей едой и долгим, спокойным сном, взгляды эти трогали её куда меньше, чем можно было бы ожидать.

Всё и впрямь складывалось очень даже неплохо. Погони за ними пока не ощущалось. К наступлению сумерек беглецы въехали уже в лес, покрывавший западные отроги Великих гор, перетекавший через их главный хребет и соединяющийся по ту сторону гор с Восточными чащобами. А две птицы неизвестной Вике породы (вообще-то орнитолог из неё всегда был тот ещё), которых успел в пути подстрелить Раир, обещали вкусный ужин.

Небо было закрыто тучами, но сквозь прорехи в них виднелись звёзды, каких Вика не помнила в своем мире. Луна поднялась уже высоко, но только угадывалась по смутному, бледному пятну света, пробивавшемуся сквозь тучи над кронами на юго-востоке. В лесу на западном склоне Великих гор было бы совсем темно, если бы не костер, первый за трое суток. Вика смотрела в огонь, с некоторым удивлением понимая, что поужинав, больше не голодна, а впереди прекрасная возможность исполнить давешнюю мечту: выспаться. Мысли текли легко и довольно бестолково, в несколько слоёв, переплетаясь и аукаясь. Потом, ни с того, ни с сего, вдруг всплыла неприятная очевидность, что кому-то надо ведь будет стоять сейчас на страже. Все бы ничего, но следом подумалось, что именно она, от которой в дороге так мало проку, должна взять на себя эту почётную обязанность. Никуда исчезать мысль упорно

---

[2] Строго говоря, не совсем так. Как родные языки она знала староимперский (и его разговорный вариант, арнеи) и кадарский. Могла объясниться на алеире и умела читать на зангском. Арнский и арнакийский в то время были диалектами в составе староимперского; эрлик окончательно сложился намного позже, вобрав лексику из всех языков Центральной равнины, но был бы понятен Реде, так как возник на базе арнеи.

[3] здесь и дальше: в основном тексте в переводе на русский язык даются названия на эрлике, в эпизодах о Реде – на арнеи. Остальные названия, имена и др. даются в приблизительной транскрипции

не желала, мухой крутясь на периферии внимания. Минут пять помучавшись под этой капельницей на мозги, Вика поняла, что переубедить себя не получится.

– Сегодня первой подежурю я, – решительно сказала она, стараясь не воображать себе все прелести вдохновенного клевания носом на протяжении ещё двух с половиной часов…

– Нет, – не поворачивая головы сказал Раир, сидевший к огню и девушке спиной.

– Почему? – обиделась Вика. – Думаете, я засну? Но я же…

– Я сказал, нет, – тем же равнодушным тоном сказал Раир. Вика открыла рот ещё повозмущаться, но тут до неё дошло – поленом по макушке.

– Ну конечно! Как же можно доверять Реде, она же, только вы заснёте, испепелит вас на месте или помчится, с высунутым от счастья языком, к Шегдару, докладывать, под каким кустом вы дрыхнете! Всё, уже побежала!

Она подхватила свои вещи и направилась в первую попавшуюся сторону, очень жалея, что поблизости нет двери, которой можно было бы смачно хлопнуть.

– Ты куда? – подорвался Ликт.

– Достали! – честно сказала Вика. – Всё, я свое сделала, из замка всех, как ни странно, вывела, а терпеть чьи-то идиотские намеки, хотя сто раз уже объяснили, или косые взгляды постоянные я не обязана! Так что теперь с чистой совестью могу идти на фиг, счастливо оставаться!

– Э… эй! Постой! – Ликт успел уже подскочить к ней и захватить в безраздельное пользование одну из конечностей: левую, верхнюю. – Ну куда ты пойдешь, чокнутая! В этом лесу и втроем небезопасно, а одна ты что делать будешь? Толку, что меч на поясе, ты ж его держать не умеешь!

Вика к концу его речи прекратила попытки выдернуть руку, сообразив, как глупо это выглядит. На последние слова Ликта она усмехнулась, кинув быстрый взгляд на Раира.

– Ты так думаешь? Очень оригинально! А вон тот, возле костра, совершенно уверен в обратном, зуб даю! Будь добр, верни мне мою руку, мне идти пора, а с ней как-то привычнее.

– Нет уж, – сказал Ликт. – Да ты сама пошевели мозгой, ну куда тебя несёт? Ночь же!

Вика посмотрела. Глаза, отведенные от огня, немного приспособились к ночному отсутствию освещения, но лишь самую малость. Небо потемнело, затянутое тучами, и если где-то и взошла луна, светлее не стало. Круг красноватого света от костра был совсем мал, а вокруг лес затапливала чернильная темень. На ближних деревьях ещё плясали отблески огня, переплетаясь с густыми тенями странной формы, но сразу за ними не было видно уже ничего. Если отойти немного подальше, когда костер скроется из виду, там темнота наверняка абсолютная, что закрыть глаза, что открыть их… И темнота эта полнилась незнакомыми звуками, она шевелилась, живая, шуршала, поскрипывала, потрескивала, и ещё что-то слышалось, совершенно ни на что не похожее. Вика в лесу бывала только на пикниках, да ещё в турпоходах, с кучей друзей и тренером.

– Хорошо, – сказала она. – Я останусь. До утра.

Спать ей совершенно расхотелось, и Вика прямо так – не снимая сумки, не отцепляя оружия, – села опять возле костра, ещё не совсем успокоившись, ещё злая на Раира и на свою нерешительность. Но минут через пятнадцать девушка обнаружила, что усталость никуда не исчезла, и на злость сил тоже нет, так что она просто сидела и смотрела в огонь, стараясь не коситься на спину Раира слева.

«Интересно, – думалось, – что я решила бы, увидев над этим огнем надпись «вода»? Как у Козьмы Прутков, молодец он… или они, черт её разберет, грамматику… Всё-таки, как там: «Если над клеткой слона увидишь надпись «буйвол», не верь глазам своим…»

Поняв, что не коситься влево слишком сложно, девушка фыркнула и отвернулась вправо. Прикрыла глаза, давая им отдохнуть. Слева сквозь веко просачивался свет костра, чуть расцвечивая темноту под веками в оттенки красного. Снова открыла глаза, глядя в темноту. Ей

вдруг показалось, что впереди и чуть справа что-то блеснуло. Девушка присмотрелась, пламя костра взвилось от ветра, и на миг высветило: блестел наконечник стрелы, лежащей на тетиве.

– А… – сказала она. И подскочила одновременно с Раиром, крикнувшим:

– Бежим!

Мимоходом Вика заметила две стрелы, одна из которых просвистнула совсем рядом и впилась в землю, мелко дрожа от злости. Мимоходом потому, что обращать на это внимание было некогда: в следующую секунду все трое уже неслись по бездорожью сломя голову, сопровождаемые хрустом веток и нечленораздельными выкриками. Погоня наступала на пятки.

Ещё минуту назад Вика была уверена, что и идти-то с нормальной скоростью не в состоянии, а сейчас неслась так, как не бегала ещё никогда. Что, впрочем, понятно: до сих пор самым большим стрессом, подгонявшим её, оставался страх плохой оценки на выпускном экзамене по физкультуре. К тому же, она умудрялась не сбавлять скорости, несмотря ни на какие буераки, буреломы, ручьи, овраги, и не ломать при этом ног; ветки больно хлестали и цеплялись за ноги, руки, одежду, но Вике было совершенно плевать на эти мелкие трудности, она бежала, и в сознании крутилась одна-единственная мысль: бе-жать-бе-жать-бе-жать…

Склон становился всё круче, но Раир, бежавший впереди, упорно поднимался вверх, пока не уткнулся в скалу: отвесную серую скалу, лишь кое-где оккупированную кустиками полудохлой растительности. Тогда он свернул вправо, пробежал, почему-то не оступаясь на осыпистом щебне с песком, а потом вдруг затормозил, да так резко, что Вика чуть не впечаталась лбом ему в спину.

– Чего там? – спросил запыхавшийся Ликт, налетевший сзади (Вика подскочила с перепугу). – Чего это он там ищет?

Раир шёл вдоль стены, внимательно её осматривая, как будто можно было что-то разглядеть в такой темноте.

– Понятия не имею, – сказала Вика, тщетно пытаясь восстановить дыхание. – Надеюсь, он сам хоть знает. Потому что общаться с этими… – она кивнула назад, где уже слышались приближающиеся «эти». – Я лично не хочу.

Раир тем временем остановился и жестом подозвал их. Они послушно подошли поближе, раскрыли рты, но Раир сказал только:

– Тихо! Смотрите!

Он поставил ногу на какой-то еле заметный выступ в скале, ещё на один, как по ступенькам, и одним движением оказался метрах в двух, где, похоже, была какая-то площадка. – Быстро сюда! – скомандовал он. Пока Ликт думал, предлагать Вике помощь или нет, она повторила акробатический номер Раира (зря, что ли, в детстве столько по стройкам и загородным скалам тренировалась!) и действительно обнаружила тропинку, больше похожую на коридор между двумя скалами и потому незаметную снизу. Ликт уже поднялся туда же, и все трое заторопились вперёд, подальше от преследователей. Раир шёл замыкающим. Тропинка почти сразу сворачивала прямо к востоку, и трое успели пройти по ней метров двадцать, когда позади и внизу прошумела погоня: мимо! Вика прошла ещё шагов десять, прежде, чем до неё действительно дошло, что всё в порядке. Она облегченно вздохнула, улыбнулась и наконец расслабилась. И тут же почувствовала резкую боль в правой ноге и боку, такую сильную, что смогла только удивленно охнуть и схватиться за подогнувшуюся ногу. Глухо, как из-за стены, донёсся встревоженный голос Ликта, и…

IV

«Would you tell me, please, which way I ought to go from here?»
«That depends a good deal on where you want to get to,» said the Cat.
«I don't much care where…» said Alice.
«Then it doesn't matter which way you go,» said the Cat.
"…so long as I get SOMEWHERE,» Alice added as an explanation.
«Oh, you're sure to do that,» said the Cat, «If you only walk long enough.»
L.Carroll [4]

– Очнулась! Слава Гиллне! Наконец-то! Нет, ты лежи, лежи, нечего сразу вскакивать… Ты как? Ну и напугала же ты нас! Трое суток в отключке! И то ведь только потому, что Бабушка, храни её, Вечные, взялась за тебя, как следует!.. **е**

– Постой, – попросила Вика, поморщившись от боли: задетая нога сразу же доступно объяснила, что вставать пока действительно не стоит. – Постой. Чья бабушка? И как она за меня взялась? И вообще, где мы? Чёрт, сколько дней, ты сказал?

– Теперь ты постой! – рассмеялся Ликт, больше, правда, от радости, что все в порядке. – Не так много вопросов сразу! Провалялась ты мало не трое суток – два дня, три ночи, да ещё сегодняшнее утро. Потом, Бабушка – она не чья-то, а просто представилась так: «Бабушка», а взялась она тебя лечить, успешно, как видишь, раз ты уже очухалась. А мы сейчас у неё дома, у Бабушки, то есть.

– На деревню, Бабушке, – машинально отреагировала Вика. – И все равно я не поняла, где вы её нашли…

– Ну, не мы её, а скорей уж, она нас, – тоже не слишком конкретно объяснил Ликт. – Вообще-то, ты права, странно это как-то. Вдруг откуда ни возьмись. Можно подумать, она и правда ждала нас. И сразу так – что собачонок мясом поманить, – позвала – а мы и пошли. Ты когда упала, мы перепугались, конечно… Ну вот, а потом, из ступора выйдя, мы вокруг тебя засуетились… Вернее, я так, мешался, как телеге пятое колесо, это Раир делом занимался: перевязывал там и всё такое, да так, словно каждый день часами тренируется! Я на подхвате был, всё равно в этом не умнее гуся, разве только подать что… Всё, я уже продолжаю, не надо такие глаза страшные делать! Словом, пока мы по сторонам не смотрели, она – ну, Бабушка, – потихоньку и нарисовалась из ниоткуда. Знаешь, что первым делам сказала? «Ну наконец-то, я вас ещё утром ждала». Бес её знает, может, и правда, ждала. Я в магии не умнее, чем в лекарстве. Только ей не верить почему-то нельзя почему-то. Вот сама посмотришь. Все равно, что Вечным не верить.

«Пхм…» – подумала Вика. Слова Ликта навели на мысль, что надо бы прощупать на вшивость эту «Бабушку». А то ходят тут всякие, а потом – известно что. Как именно проверять, она совершенно не представляла, впрочем.

– А потом она говорит: что ж это вы, мол, делаете, греховодники? Разве это дело – чтоб раненую на земле держать? Тем более, что и дождь того и гляди начнется. А на небе-то к тому времени распогодилось: ни облачка, звёзды – ярче некуда. И ладно бы, говорит, чистой стрелой раненую, там же, говорит, яд был. Ох, как я перепугался! А Раир в Бабушку глазами так и вцепился. Ну, мы пошли, раз уж она в дом звала. Чтоб мне во сне только демонов видеть, если я понимаю, почему ей не получается не верить! Раир вон до сих пор тоже на неё странно смот-

[4] – Скажите пожалуйста, куда мне отсюда идти? – Это зависит от того, куда ты хочешь попасть, – ответил Кот. – Мне все равно… – сказала Алиса. – Тогда все равно и куда идти, – сказал Кот. – …только бы попасть КУДА-НИБУДЬ, – пояснила Алиса. – Куда-нибудь ты обязательно попадешь, – сказал Кот. – Нужно только достаточно долго идти.

рит. Но не то чтобы подозрительно, а, вроде, наоборот. Вроде он её знает. Знаешь, я думаю, а что если она и не человек вовсе?

Вика хмыкнула.

– Ну я-то откуда знаю. Я её и не видела даже.

– Увидишь ещё. Ладно, пошли мы. Раир тебя нес, как котёнка. Сперва по нашей тропинке, потом по другой, по лесу, часа полтора шли. Только мы на порог, а небо – темней тёмного, и дождь как ливанул! Ну а потом Бабушка нас, накормив, под навес на сеновал отправила, а тебя – сюда, и обхаживала тут два дня. Ну и вот, – заключил Ликт. – Так как ты? И как ты умудрилась нестись по лесу сломя голову, если у тебя нога распорота?

– Понятия не имею, – Вика пожала плечами, но это получилось у нее не слишком выразительно, потому что плечи, которыми она пожимала, лежали придавленные меховым одеялом. – А что до моего самочувствия… Оно себя ведет вполне прилично, помирать пока не буду, вот и ладненько… А где эта таинственная Бабушка и где Раир?

– Да вот он, лёгок на помине, – сказал Ликт, поворачиваясь к открывшейся двери.

– Ликт, тебя зовёт зачем-то Бабушка, – сказал Раир, перешагивая порог и прикрывая дверь. – Иди, а я здесь пока…

– Она очнулась уже! – перебил Ликт. Раир перевел взгляд на девушку.

– Как видишь, – улыбнулась она.

– Так что ты говорил? – спохватился Ликт.

– Тебя Бабушка зовёт для чего-то. За домом.

– Ну, я пошел тогда, только вы смотрите тут, не подеритесь без меня! – ехидно улыбнулся Ликт и вышел, а Раир остался стоять, словно собираясь заговорить, но не зная, с чего начать.

– Говорят, сидеть лучше, чем стоять, – Виктория приподнялась и кивнула на стул, оставленный Ликтом. Раир послушно сел.

– Как ты себя чувствуешь?

«Ты», с удовольствием отметила Виктория, расплываясь в улыбке.

– Неплохо. Потому, наверное, что мне так умело помогли…

– Должен же я был как-то извиниться, – сказал Раир таким тоном, словно ему очень хотелось развести руками, улыбаясь и немного растерянно.

– За что?

«Терпеть не могу выслушивать извинения, – подумала Вика. – «Никогда не могла понять, куда в таких случаях девать себя и откуда брать нормальные человеческие реплики…»

– За то, что меня Шегдар с кем-то спутал?

– За то, что я поспешил судить.

Он помолчал немного. Ничего умного так и не придумал. Сказал:

– Тебе здорово повезло. (Сам он не знал, как отнестись к этому факту, но на интонациях это не отразилось). Противоядия ведь могло и не найтись.

На лице Вики яркими плакатными буквами высветилось, что с этой стороны подойти к делу она ещё не удосужилась. Вернее, удосужилась таки, сейчас вот.

– Ох, ну и… – только и сказала она и замолчала, потому что понятия не имела, что можно разместить после «ну и». – С ума сойти! Я не… Даже и в голову не… Кошмар! – совершенно искренне заключила она, обнаруживая, что её колотит: воображение – страшная штука. Когда до неё дошло всё-таки, что дело и на самом деле могло окончиться похоронным маршем, задним числом она перепугалась куда больше, чем стоило.

– А сейчас-то ты отчего перепугалась? – успокаивающе сказал Раир, положив руку на одеяло. Вика тут же в эту руку вцепилась. – Все в порядке, все живы, здоровы, слава пяти стихиям, и вообще обошлось. А бояться тогда следовало, наверное, – или вовсе не бояться.

– Ну да, – нервно усмехнулась Вика. Снова вздрогнула: всё-таки ещё никогда ей так ясно не показывали, что смерть дышит в затылок, а не шляется безответственно чёрт знает где…

– Ну всё уже, – сказал Раир. Вика была похожа на перепуганного ребенка, которого очень хотелось успокоить как-то, погладить по голове, что ли… – Всё хорошо.

Он осторожно убрал прядь волос со лба девушки, она посмотрела немного удивлённо и улыбнулась – тепло и по-детски доверчиво.

– Всё хорошо, – повторила она. – И хорошо, что я ничего сообразить не успела…

– Хорошо, что все целы! – поправил Раир. – И всё же, как ты умудрилась бежать с такой ногой?

– Да я правда понятия не имею, – честно сказала Виктория. – По всему выходит, что стрелу заметить я тоже не успела…

– Замечательно вы подгадали, – сказал ещё кто-то от двери. – После такого ливня они ни с какими собаками ваш след ни в жисть не возьмут.

Вика перевела взгляд на голос – вошла Бабушка, и Вика сразу поняла, что именно так, с большой буквы, и это не имя даже, а скорее, почётное звание. И она не взялась бы определить возраст вошедшей, потому что опасалась оперировать такими большими числами. Нет, Бабушка вовсе не выглядела дряхлой, хотя волосы её были белыми совершенно. И, кстати, только при взгляде на её лицо Вика впервые поняла, что именно подразумевают, говоря: «лицо, как печеное яблоко». Именно так: коричневатое, как от многолетнего, въевшегося загара, и сморщенное. Но Вика даже со здоровой ногой не побежала бы с ней, например, стометровку наперегонки, потому просто, что заранее сказала бы победителя.

– Доброе утро, деточка, – сказала Бабушка Вике, улыбаясь улыбкой Чеширского Кота, только улыбка эта была такой теплой, что девушке самой захотелось сощуриться и замурлыкать. – Не бойся, здесь всё будет хорошо. К тому же, завтра в кадарской столице начнется такой пожарище, что Шегдару не до вас будет… Раир, – на минутку переключилась Бабушка, – сбегай, пжалста, позови Ликта, сейчас будем обедать.

Вика удивленно хмыкнула Бабушкиному «пжалста»: совершенно неожиданному и совершенно уместному. Раир поднялся и, кажется, испытал желание вежливо поклониться Бабушке. «Глюки, глюки, – подумала Вика. – Чур меня!»

– Ну а ты, прыгунья, – Бабушка снова повернулась к ней, – расскажи пока, как ты себя чувствуешь. Да не «хорошо, спасибо за заботу», а хорошенечко, обсто-ятельно обскажи, что болит, где и как, и что не болит.

Потом, засыпая, Вика вспомнила свое давешнее намерение «прощупать Бабушку на вшивость», удивилась себе, подумала, что такое неестественное спокойствие и безоговорочное доверие случайной встречной, от которой за версту несёт магией, да так, что даже полная бестолочь, вроде Вики, заметила, – всё это наводит на мысль о том, что им устроили промывку мозгов. Подлое и безжалостное злое колдунство. Придя к этому оптимистическому решению, Вика совершенно успокоилась и заснула.

Непредвиденный «отдых в горах» пришёлся очень кстати, чтобы хоть немного привести в порядок нервы Вики, порядком измочаленные непривычностями, невероятностями и прочими стрессовыми ситуациями. К тому времени её сознание очень напоминало внутренность рояля: куча натянутых струн и всё новые молоточки, проверяющие их на прочность. А здесь, в глубине гор (которые Вика всегда обожала), было так спокойно и легко, и так просто было согласиться на почти любые условия игры, что девушка просто махнула рукой и на Шегдара, и на прочие свои проблемы; она даже не изводила себя больше сомнениями относительно наличия себя в мире живых: может, всё это, и правда, – только предсмертный бред, ну и ладно, и пусть его, какая разница… Она мало думала и много спала («Довод в пользу теории о злом колдунстве», – злорадничал внутренний скептик), и понемногу ела, просыпаясь, и послушно подставляла ногу примочкам, мазям и компрессам, и литрами пила отвары («Отравы», – не унималось ехидство), настои, чаи и прочую народную медицину, которой бесперебойно потчевала её Бабушка. И ещё она вдохновенно перекидывалась шутками с Ликтом и задушевно

трепалась обо всякой ерунде с Раиром, и выспрашивала у Бабушки состав, рецепты и свойства многочисленных её снадобий… И быстро шла на поправку.

С постели Вика встала на пятый день после того, как пришла в себя. Она, собственно, встала бы и раньше, если б не её собственное нетерпение. На второе утро, проснувшись, она обнаружила, что нога не только не болит, но и вообще в полном порядке. Вика удивилась, приподнялась на локте – нога молчала. Она села, пошевелила ногой – нога молчала. Она радостно откинула одеяло, соскочила с кровати, намереваясь опробовать туристический маршрут кровать – порог, но у ног были другие планы, и девушка эффектно спикировала носом в пол с грохотом, от которого содрогнулась вся избушка. Первым делом пред выпученные глаза Вики примчался Ликт, сердито сообщивший (убедившись, что она цела), что шило в известном месте – ещё не повод устраивать избушкотрясение.

– И почему тебе неймется? – Несколько обиженно спросил Раир, с помощью Ликта возвращая Вику в исходное положение.

– Наверное, она вспомнила, что хороший удар по голове иногда вылечивает от безумия, – глубокомысленно предположил Ликт. – Чтоб его кошки съели! – добавил он, тщетно пытаясь спрятать улыбку.

– Ну уж нет! Не собираюсь я лечиться такими варварскими методами! – решительно заявила Вика. Смеяться было куда приятнее, чем кричать от горячей боли, взорвавшейся в ноге и боку, и, разумеется, Вика рассмеялась. – И почему, скажи на милость, есть кого-то должны кошки? Почему уж тогда не мышки? Или блошки? «Чтоб тебя бешеная блоха затоптала!» – тоже звучит неплохо.

– Просто так говорят, – отсмеявшись, пожал плечами Ликт.

– Ещё лет двести назад, – неожиданно серьёзно заговорил Раир, – это было самое страшное проклятие (Вика и Ликт удивлённо на него уставились). Это очень древнее поверье: если человека убьёт кошка – рысь, лев, тигр, пума, – он умирает совсем, навсегда, – объяснил Раир. – То есть, от него ничего не остается, душа умирает тоже. И проклятие было не только самым страшным, но и самым действенным.

– Но это же просто присловье такое, – растерянно сказал Ликт. – Просто так говорят…

– Говорят, – согласился Раир. – Люди часто играют с огнем.

– Придумал! – снова заулыбался Ликт. – Буду теперь натравливать кошек на Дракона!

– На какого дракона? – переспросила Виктория.

– Ну, на Шегдара.

– Не стоит лишний раз повторять имя, – сказал Раир. – Звать его сюда нам решительно незачем.

– Ладно, – пожала плечами Вика, – не самое сложное задание! А почему «Дракон»?

– Его стали называть так лет пять назад, – сказал Раир. – С его подачи, насколько я помню. Это древний символ, один из древнейших, означающий силу и мудрость. Ещё десяток лет, – добавил он, помолчав, – и слово вполне может получить другое значение. Уже сейчас, слыша «Дракон», люди вспоминают не древнего бога, а нынешнего правителя.

Прошло ещё три дня, и Вика окончательно вернулась в ряды двуногих прямоходящих. Левое бедро пересекал длинный шрам, но Бабушка заверила, что через пару месяцев он станет едва заметной тонкой ниточкой, а пока надо понемножку разрабатывать ногу. Бродить по лесу, например, для начала. Вика, разумеется, ничего против такого предложения не имела, тем более, что с Бабушкой она готова была отправиться и в пеший кругосветный поход, не то что в соседний овраг за травами. Вообще, думая о Бабушке, Вика непременно запутывалась: с одной стороны, Бабушка на первый взгляд казалась открытой нараспашку, дружелюбной и насквозь понятной, но девушке мерещилась в ней древняя, немыслимо мощная сила, хотя ничего сверхъестественного Бабушка не совершала. Впрочем, настоящее могущество редко растрачивается по мелочам, оно в доказательствах не нуждается.

Примерно через неделю Вика проснулась на рассвете с безумной жаждой деятельности, с горящими глазами и зудом в пятках. Она подорвалась с постели, пылая желанием немедленно покорить пару-тройку эверестов, подлетела к двери и вдруг остановилась, словно с маху врезавшись в стену. На деле до стены оставалось ещё около метра, да и нос не был расплющен, просто Вике внезапно пришла в голову очень здравая, в сущности, мысль: а что, собственно, конкретно ты намерена делать? Не вечный вопрос из серии философских неразрешимых, но он весьма профессионально поставил девушку в тупик. Лучше поздно, чем ещё позже, хотя можно было бы и пораньше – она только теперь сообразила, что порта назначения у неё в этом мире нет. Ей вообще нечего здесь делать. Некуда и не с кем идти, не о чём мечтать, не о чём вспоминать, потому что о доме вспоминать бесполезно и больно… Этому миру нет до неё дела, если не считать Шегдара, которому, впрочем, тоже нет дела до Вики, он Реду вызывал. Да уж… И что теперь делать прикажете?

Вика стояла, держась за дверную ручку, и задумчиво кусала нижнюю губу. Эта её медитация продолжалась минут пять, а потом девушка вдруг рассмеялась: зачем ломать голову, когда можно хоть сейчас получить бесплатную астромагическую консультацию, Бабушка ведь сама не раз обмолвилась, что знает будущее! Вдохновившись этой мыслью, Вика открыла, наконец, дверь и едва не вприпрыжку направилась к ручью, к любимому своему местечку под ивой, совершенно почему-то уверенная, что обнаружит Бабушку именно там.

И правильно была уверена. Бабушка сосредоточенно счищала землю с корней какой-то желтолистой растительности. Вика несколько сбавила скорость, на ходу изобретая удобоваримое начало диалога, но до ручья было слишком близко, а задача эта неожиданно оказалась непосильной для совершенно опустевшей, по закону подлости, головы, так что эта ответственная миссия успехом не увенчалась. Вика выдала на-гора дежурное «Доброе утро» и замолчала. Бабушка, ответив таким же «добрым утром», снова углубилась в перетряхивание и сортировку, а Вика суматошно ворошила словарный запас в поисках чего-то, хоть немного подходящего для завязывания беседы. Нельзя сказать, чтобы это дало удовлетворительные результаты.

– Незачем голову ломать, – сказала, наконец, Бабушка, не поворачивая головы. – Что в неё пришло, то и говори. Все равно ничего лучше не выдумаешь.

Вика послушалась, хотя слов едва хватило на связную фразу.

– Я запуталась… Совсем. Что мне теперь делать?

– Всегда старайся делать то, во что веришь.

– А, ну теперь вот все сразу ясно! – саркастически сказала Вика. – Я же серьезно! Я совершенно не представляю, что мне делать!

– А чего ты хочешь? – спросила Бабушка, закончив перебирать корешки, и начала мыть первый из пучка.

– Не знаю! – сердито сказала Вика. – Понятия не имею!

– Ну и какая тогда разница? Выбирай любое.

– Да не из чего мне выбирать!

– Выбор всегда есть, – сказала Бабушка, принимаясь за следующий корешок.

– Да уж! Особенно, когда тебя выдергивают в другой мир! Очень меня спрашивали, хочу я сюда или нет! Столько от меня всего зависело, с ума сойти можно.

– Можно, – согласилась Бабушка. – А нужно? А спрашивать тебя вовсе незачем, ясно же, что отказалась бы. А на мост из твоего мира в этот всё равно ступить довелось бы.

– Почему это? – подозрительно скривилась Вика.

– Потому что ты должна умереть в этом мире.

– Ну ни черта себе! – подскочила Вика. – Это почему ещё? С какой стати? И где тут выбор? Ни черта от меня не зависит! – она хотела снова возмутиться, но вместо этого почти пожаловалась.

– Чёрт от тебя, наверное, и не зависит, – невозмутимо сказала Бабушка, которой слова «чёрт», по идее, знать не полагалось. – Но жизнь-то твоя – другое дело. Ты первый раз уже выбрала, и никто тебя под руку не толкал. Другое дело, что каждый выбор в значительной мере определяет будущее.

– Бабушка, – вкрадчиво проговорила Вика, ловя момент. – Ты ведь знаешь будущее. Скажи, пожалуйста, что со мной будет дальше?

Бабушка рассмеялась так, что едва не выронила очередную былинку.

– Ох, деточка! Ну и хитрюга! – сказала она сквозь смех. – Я могу иногда видеть будущее, но как я могу знать, что ты выберешь, когда ты сама ещё этого не знаешь?

Вика вздохнула. Сорвалось. Блин. Впрочем…

– А ты можешь сказать, что будет, если я останусь здесь?

– Могу, – улыбнулась Бабушка, складывая домытую растительность в корзинку. – Ох, настырная ты! Поверь уж мне, не будет тебе никакого толку от этих расспросов!

– Ты расскажи, а там видно будет, – упрямо сказала Вика.

– Ну смотри, – покачала пальцем Бабушка. – Я знаю одно: останешься ты или пойдешь куда-то, не позже, чем через год, ты вернешься в Кадар – по своей воле или нет.

– Что?.. – ошарашено спросила Вика. – Как вернусь?

– Вот уж не знаю, как. Живая или мертвая, побеждённая или победительница, ты или не ты – но вернёшься.

– Ну и все, – убитым голосом сказала Вика. – И никакой свободы выбора. Вернёшься в Кадар и умрёшь в этом мире. И, разумеется, никому совершенно дела нет, хочу я туда или не слишком. Вернёшься и точка. Тогда остаюсь я, наверное, чего зря туда-сюда шаландаться? Раз всё равно, то на фиг тогда и рыпаться. Что в этом чёртовом Кадаре изменится, если я туда через год вернусь, а не сейчас?

– Ерунду ты городишь, – сказала Бабушка. – В Кадаре, скорее всего, ничего не изменится. Что-то может измениться здесь! – она ткнула пальцем в лоб Вике, несколько её резким движением шокировав. Подхватила корзинку, встала и прошла шагов десять к дому, прежде чем девушка успела раскрыть рот, оставив Вику спрашивать совета у беспечно журчащей воды. Чему девушка и посвятила весь день с короткими перерывами на завтрак, обед и отбрыкивания от Ликта, упорно пытавшегося весь мир подключить к фирменному своему жизнерадостному мельтешению. Жизнерадостно мельтешить Вике совершенно не хотелось, а хотелось помучиться философией: кто виноват, что делать и куда всё это послать. Впрочем, кое-какие здравые мысли всё же оформились где-то в промежутках между философскими безрадостными размышлениями. Например, Вика вполне чётко уяснила, что оставаться тут она не хочет, хотя тут хорошо и даже здорово, но надо что-то делать. Что именно делать и кому оно надо, Вика, разумеется, не знала, но согласилась теорему о необходимости действия считать аксиомой, доказательств и объяснений не требующей. Кроме того, девушка была совершенно уверена, что на запад она тоже не хочет: там Шегдар и… И хватит, одной этой причины вполне достаточно!

Достигнув с собой соглашения по этим двум пунктам, Вика обнаружила, что на том дело и заглохло по одной простой причине: она понятия не имела, куда можно идти. Все её познания в здешней географии легко умещались в одной фразе: есть Великие горы, а к западу от них – Кадар со столицей в Даз-нок-Рааде и Шегдаром в столице. Хотя Шегдар, пожалуй, к географическим объектам не относился. Ещё, правда, можно предположить, что прозвище Раира, слышанное в первый день от Ликта: «Лаолец», – это производная от какого-то географического названия. Города там или страны, или области под названием… Лаоли? Лаоль? Лаолий? Лаолия? А, Лао-Цзы с ним, с Лао… этим! Какая, к чёрту, разница, куда идти, если нет никакой разницы! Везде одно и то же, и всё равно я-то здесь чужая, куда бы ни пошла… Хотя, всё-таки, не вечно же… **и**

– Не вечно же здесь сидеть, – послышалось вдруг сзади, и Вика не сразу поняла, что это голос Раира, а не окончание её мысли. – Куда ты пойдешь? Решила уже?

– Да куда мне идти! – не оборачиваясь, усмехнулась она, вздёргивая левый уголок губ: невесело и, одновременно, словно не принимая всерьёз ни весь мир вообще, ни себя в частности. – Я здесь чужая. Мне тут в любой стране будут одинаково не рады. А если и рады, то не мне, а Реде, как там вот, – она качнула головой на запад. – Что тоже не особо восхищает.

Раир, севший рядом, пожал плечами.

– Разве не приятнее посмотреть на это с другой стороны? Ты совершенно свободна, никакие обязательства и ненужные привычки тебя не держат, весь мир лежит перед тобой.

– Голь перекатная, – прокомментировала Вика. – Свободней всех тот, кто ничего не имеет. Почему бы тогда не лишить себя заодно и жизни?

– Потому что тогда затруднительно будет ей наслаждаться.

Вика вскинула глаза, но по лицу Раира совершенно невозможно было определить степень его серьёзности. Он сидел, глядя в воду, и меланхолично вертел в руке травинку.

– Мне и так затруднительно, – буркнула Вика. – Ты можешь себе представить, что это такое, когда у тебя ничего совершенно нет в этом мире? Вообще ничего. Даже планов, надежд, мечтаний. Все мои мечты остались за дверью, а дверь захлопнулась! Всё! Всё начинать с чистого листа, когда нет, вообще-то, и самого листа, как нет и желания чего-то там начинать! Словно оказываешься вдруг в пустоте, бестолково дрыгая ногами от растерянности! Можешь ты это себе вообразить?!

– Могу, – сказал Раир. – Поверь мне, для этого вовсе не обязательно попадать в другой мир. Конечно, это страшно, если у тебя больше нет ничего, кроме тебя, хотя может, и того нет. Но тогда остается только два выхода: сразу взять себя в руки и начать жить заново или сперва поплакать и повозмущаться, а потом уже начинать.

– Я уже и поплакала, и повозмущалась, а вот с какого конца начинать, всё равно не представляю! – пожаловалась Вика. – Ну не могу я так, с пустого места, когда в спину дует и не на что рассчитывать. Слишком непривычно… и страшно!

– Вот это уже точнее, – улыбнулся Раир. – Привычка – страшная штука, правда? И очень сильная, к сожалению. Но многие дорого бы заплатили за то, чтобы избавиться от всего, что сковывает движения: от привычек, знакомств, привязанностей, почвы под ногами… А тебе этот подарок сделали, не требуя никакой платы. Только немного страха. Разве это слишком дорого?

– Не знаю, – сказала Вика. – Может, и не слишком. Не тот это подарок, который я мечтала получить ко дню рождения. Ну что мне с ним делать?

– Я бы для начала рассмотрел хорошенько. Может, окажется, что именно об этом ты и мечтала, просто понять не было времени? Побродить по свету, посмотреть разные города, попробовать свободу на вкус. А если вкус этот тебе не понравится, всегда можно обрасти друзьями и знакомыми, влюбиться в какой-то город… и в кого-то (он посмотрел на девушку: не обидится ли, но она и не думала. Просто задумчиво глядела в ручей). Но неужели тебе по душе всю жизнь просидеть взаперти?

– А у меня хорошее, уютное такое было «взаперти», – негромко заговорила Вика. – Терпеть не могу в себе трусость, но я боюсь. Меня слишком мало без моих привязанностей и без почвы под ногами. Теоретически я понимаю, что, раз уж всё равно висишь в воздухе, надо воспользоваться случаем и научиться летать. Но мне не хватает духу. Я не знаю, что делать. И мне страшно… Я предпочла бы просто вернуться домой, – тихо сказала она, поднимая голову.

Раир помолчал.

– Ну что ж. Если в этом мире тебе ничего не нужно, тогда ищи дорогу обратно. Раз можно пройти оттуда сюда, должен быть и путь назад.

– Нету его, – сказала Вика. – Для меня, во всяком случае. Там, дома, я умерла, кажется…

– Кажется или умерла?

– Не знаю… Может быть…

– Если ты действительно хочешь вернуться, ты попробуешь все, пока есть хоть один шанс из тысячи! Что если мост есть, а ты не пройдешь по нему лишь оттого, что сдалась раньше времени?

Вика вздрогнула и подняла загоревшиеся глаза.

– Да, ты прав! Нечего надежде биться в агонии раньше времени! Сидя здесь, я уж точно ничего не дождусь! Только… Ты часом, не знаешь, куда положено обращаться с такими вопросами? – спросила она. – Служба помощи заблудившимся путешественникам между мирами или ещё там что-нибудь…

– Ну… – протянул Раир, прикидывая. – Кое-что наверняка знает Дракон, но к нему, сама понимаешь, идти с подобной просьбой несколько бестактно… Я бы обратился к Эглитру, Мастеру Нор-ол-Т, потом, вполне может что-то знать Ннжин, арнский Мастер… Если Алирн всё-таки существует, там наверняка должны бы знать… **о и е а о**

– Подожди секундочку! – взмолилась Вика. – Столько имен и названий, и все непроизносимые! Что это, например, за история с Алироном?

– А, – махнул рукой Раир, – это просто легенда, скорее всего. Алирон – страна эльфов, но о них вообще никаких сведений нет, кроме смутных слухов и суеверий. Есть, правда, алеир, эльфийский язык…

– Это как это? Самих эльфов, скорее всего, нет, а язык их есть?

Раир рассмеялся.

– Именно так. Эльфов никто не видел уже лет двести, как минимум, да и раньше едва ли кто-то видел, потому что ни один серьезный историк этого не упоминает. А язык есть, на нем даже говорить некоторые умеют. Дело в том, что книги святых Мльвиша и ректа написаны в четырёх вариантах, на четырёх языках: изначально на староимперском и алеире, а позже появились переводы на арнакийский и эрлик. Принято считать, что алеир – это и есть язык эльфов. Ну и, конечно, его изучают, потому что священные книги положено изучать. **а О**

(«Кому это положено? – подумала Вика. – В мире, где читать, я полагаю, умеет процента три населения! Ты сам-то откуда взялся такой: маг, фехтовальщик, спец по всем наукам и чёрт знает чему ещё?»)

– Ладно, – сказала Вика. – Будем считать, что с эльфами вы разобрались. Вернемся к нашим маршрутам. Я же понятия не имею, где это, что это, и вообще… Объяснишь, может, хоть в общих чертах, где тут что?

– Будто ты хоть половину названий запомнишь, – улыбнулся Раир. – Мы пойдём на север, через Арну. Там правит родной брат Дракона, так что идти будем с оглядкой. Нори-ол-Те, где Мастер Эглитор, – в Арне. Лалий, моё королевство, к северу от Арн. К востоку – Арнкия. Её столица, Арнр – бывший религиозный центр Старой Империи, этот город вырос вокруг древнейшего храма, храм называется Арн. В Арнском храме – Мастер Нанжин, к которому мы пойдём, если Эглитор не поможет. **о ы а е**

– А что это все названия одинаково начинаются? – спросила Вика.

– По имени реки. Священный Арн – великая река, протекающая через две страны, угадай, какие, – Раир улыбнулся. – Около трёх с половиной тысяч лет назад на берегу Арна был построен храм, взявший то же название. А от храма получил имя город. Арнер был религиозным, а Эрлон, столица Арны, – политическим центром Старой Империи. **и**

– Постой, – прервала его Вика. – А что такое «старая империя»?

– Это… – Раир усмехнулся и покачал головой. – Как-то даже странно объяснять, это все знают. Это – наша история. Может, та её страница, которая более всего заслуживает памяти. Империя начала строиться в древности такой глубокой, что никто уже не может сказать, как давно это было. Разве только эльфы, если правда, что они появились на земле прежде людей.

Точно известно только, что уже полторы тысячи лет назад Империя был могущественной страной и включала в себя Арну, Арнакию, Илр и Кадар. Это был золотой век. Строились города и храмы, писались научные труды и поэмы, создавались прекрасные статуи и картины, процветали ремесла, торговля… **и**

– Но сейчас Империи нет? – полувопросом сказала Вика.

– Нет, – кивнул Раир. – Она распалась триста лет назад.

– Триста? – спросила Вика задумчиво. – Содержательное было время, как я погляжу… Ну и что приключилось?

– Многие считают, что виновата Реда, – в полном соответствии с ожиданиями проговорил Раир и замолчал.

– Расскажи, – попросила Вика. – Мне всё-таки интересно, что она натворила.

– Хорошо, – вздохнул Раир. – Старый император умер, не оставив наследников. Страна волновалась, знать грызлась за трон. А Реда появилась ниоткуда, наследница почти исчезнувшего рода ол Тэно, с горсткой людей и кучей обещаний, и за несколько месяцев убедила всех. Может быть, не без магии. Не знаю. Но так или иначе, на её стороне как-то вдруг оказались не только крестьяне, но и ремесленники, и купцы, и даже некоторые знатные фамилии. Лэнрайна ол Тэно умудрилась привлечь к себе всех. Простой народ – обещаниями сытой жизни, а знать – прозрачными намеками, что править будет с их подачи. Но после коронации быстро и доходчиво объяснила, что властью делиться не намерена. Она стала единовластной правительницей, наводнила город шпионами, доносившими о каждом неосторожном слове, а её личная гвардия держала в страхе всю страну. На каждом углу кричали об интересах страны, о том, что все это для спокойствия государства и мирных жителей, для зашиты от изменников, преступников и внешних врагов. Нераскрытых преступлений не было. Кого-то непременно хватали, допрашивали с пристрастием и принародно казнили. Казнили людей, признававшихся под пыткой в таких ужасах, что зрители качали головами и возносили хвалу небесам и великой императрице, очищающей страну от таких мерзавцев. Армия была сильнейшей в мире, и нападать на Империю никто не решался. Установилось зыбкое спокойствие, скреплённое кровью тысяч схваченных «преступников» и «заговорщиков». Но оставшиеся на свободе видели лишь внешнее спокойствие и расправы над отдельными непокорными, на это спокойствие посягнувшими. И императрицу славили. Потом под предлогом обороны начались войны. Реда присоединила Зангу и Лаолий, покорила и обложила огромной данью богатый Дазарн и перенесла столицу в Раад, нынешнюю столицу Кадара. Существуют легенды о том, что она пыталась завоевать страну эльфов, Алирон, но – я уже говорил – многие сомневаются, что Алирон вообще существовал когда-то. Если он существовал, то эта война была единственной неудачей Реды. Императрица была умна и безжалостна. И владела магией. Вначале её почитали и благодарили за покой и сытость в стране. Под конец её стали ненавидеть и безумно бояться из-за холодной равнодушной жестокости и адского льда в изумрудных глазах. **а**

Вика, тихо слушавшая, проговорила:

– И на неё я похожа? Ты меня за неё принимал?

– Есть только внешнее сходство, – сказал Раир таким тоном, словно со внешним сходством это он подгадил, о чём теперь очень сожалеет. – Но это ничего не значит.

– Надеюсь, – заметила Вика, – что не все так хорошо знают, как выглядела Реда. Но, – сказала она, меняя тему, – почему всё-таки Империя распалась?

– Реда зарвалась, – пожал плечами Раир. – Она уже не таясь чинила расправу над неугодными, перестав считаться с кем бы то ни было. Она могла публично оскорбить родовитого и уважаемого человека, вызывая, разумеется, бешенство знати; увеличивала налоги, просто от скуки разоряла соседние села. Недовольство росло, и стали одно за другим вспыхивать восстания, составлялись заговоры. Первая попытка переворота завершилась неудачей. Единственным заметным её результатом стало то, что к Реде вернулась былая подозрительность. Казни

следовали одна за другой, головы летели с плеч, как листья с деревьев осенью. Но остановить недовольство было невозможно. И гром грянул. Вспыхнувшее в Дазаране восстание переросло в настоящую войну, прокатившуюся по всему югу страны. Одновременно поднялся другой конец Империи, Лаолий. И через полгода объединенные войска подошли к самым стенам замка Реды. Даз-нок-Раад был окружен, но повстанцам, плохо вооружённым и уставшим от сражений, едва ли удалось бы его взять, если бы один из самых приближенных к императрице людей не решил купить себе безопасность предательством. Реде удалось уйти потайным ходом, но это помогло ей ненадолго. Недели через две Лэнрайну ол Тэно обнаружили в замке, в её комнате, сидящую за столом… («Господи! – подумала Вика. – А ведь я сидела в этом кресле!») После её смерти Империя распалась. Крупнейшие и знатнейшие роды поделили страну, но ещё долго шли войны за территории, прежде чем установились современные границы. Об этом всё, – закончил Раир.

– Такие истории, – нервно улыбнулась Вика, – на ночь лучше не рассказывать.

– Для большинства людей это просто история, – Раир снова пожал плечами, выкидывая замученную травинку в ручей. – Но в нашем случае – да, пожалуй, не стоит. Так… А начинали мы, кажется, с того, где тебе искать дорогу домой, ты ещё не забыла?

– Нет. Я даже некоторое представление о маршруте теперь имею, – гордо сказала Вика, с удовольствием возвращаясь в настоящее из смутного прошлого. – Правда, я всё равно почти ничего не запомнила, у меня не настолько хорошая память на имена. Но, насколько я поняла, идти надо на север. Далеко ли до этого… Норёл… Нор… Как его?

– До Нори-ол-Те недели две с половиной пути.

– Ох ты! – вслух удивилась Вика. – Насколько же удобней у нас!

– А что у вас? – полюбопытствовал Раир.

– У нас люди летают быстро, так что даже самое долгое путешествие занимает не больше нескольких часов.

Раир внимательно посмотрел на неё, пытаясь понять, шутка ли это. Девушка вдруг рассмеялась.

– Не веришь? Здесь это звучит так фантастически, что через месяц-другой я и сама начну сомневаться. Но к делу. Знаешь что, у вас ведь на дорогах не слишком безопасно, да?

– Я верю тебе, – улыбнулся Раир. – А на дорогах сейчас вполне спокойно, не беспокойся. Может, разок и встретим разбойников, но не больше одного раза.

– А, ну это, конечно, другое дело, – стараясь не рассмеяться, выговорила Вика. – Ну я, честно говоря… – Видно было, что ей в голову пришла какая-то шальная мысль, которая настойчиво просится наружу. – Ладно, – решилась она, наконец. – Я просто подумала, что здесь умение владеть мечом не помешает. Ты ведь меня научишь? – и она устремила самые просящие из имевшихся в её распоряжении глаз в глаза Раира. Тот от неожиданности слегка ошалел.

– Но зачем? Зачем оно тебе?

– Как зачем? – изобразила искреннее удивление Вика, в душе ожидавшая именно такой реакции. – Чтобы защищать себя, конечно!

– Но для того, чтобы защищать женщин и детей, есть мужчины.

– А может, я не хочу быть беспомощным ребенком! – обиженно заявила Вика.

– Но ты ведешь себя, как ребенок, – улыбнулся Раир. – Ну зачем тебе владеть мечом? При необходимости найдется, кому тебя защитить, можешь чувствовать себя в безопасности.

– Не в безопасности дело! Я не хочу зависеть от кого-то и не хочу быть обузой.

– Красота не может быть обузой.

– А комплименты не могут заставить меня изменить решение, – сердито сказала Вика. – Тебе что, жалко? – Очень весомый аргумент.

– Не жалко, – серьезно сказал Раир. – Если бы так просил пятнадцатилетний мальчишка, я удивился бы меньше…

– Да при чём тут это?! – взорвалась Реана. – Какая сейчас к черту разница: мальчишка – девчонка? Я представляю себе, что такое девушка в здешнем понимании! Сиди, вышивай, да помалкивай! И глаза вниз! А главное, конечно, – слушаться мужчин. Так я бы, веди я себя скромно и послушно, сейчас была бы не здесь, а вообще черт знает где, если вообще была бы хоть где-то, после того, как Шегдар убедился бы, что вызвал не ту! И Ликта вообще уже не было бы, а ты сидел бы сейчас со всеми удобствами, включая крыс, в тюрьме в Дазнок-Рааде! Тфу!

Раир, с некоторым удивлением и живым интересом слушавший этот сумбурный монолог, заговорил по его завершении:

– В вашем мире такие странные нравы?

– Издеваешься? – спросила Вика, уже выбросившая запас возмущения.

– Есть маленько, – хмыкнул Раир. – Твоё описание подходит для Дазарана, да и то лишь для самой глубинки. На Центральной равнине женщин не считают животными. Да и воительницы известны в истории, так что твоя поза оказалась несколько не к месту.

– И что тебя тогда смущает? – буркнула Вика. – Почему не научить меня паре приёмов?

Раир вздохнул и перевёл взгляд на воду. Главных причин имелось две. Про нежелание будить Реду говорить не стоит. А как объяснить вторую…

– Тебе лет сколько?

– Двадцать… Нет, двадцать один уже… – оторопело ответила Вика.

– Ты любишь стихи?

– Чего?

– Ты любишь стихи?

– Д-да. Очень люблю.

– Представь: пришёл к поэту гость и просит: «Научи меня писать классические стихи на илирском. Это много времени не займёт, – говорит, – ты мне просто правила объясни, какие формы стиха бывают, какие ритмы». – «А ты илирский хорошо знаешь?» – «Вовсе не знаю»…

– Ну так научи сперва языку!

– Языку с рождения учатся, да и то не всякий, кто учится, становится мастером слова.

– Я что, прошусь сразу в мастера? Ты меня грамоте научи, а там видно будет.

– А как я людям в глаза смотреть буду, если моя ученица будет бездарью? – ехидно спросил Раир. – Если учить, то учить принципу, а не приёмам, – серьёзней продолжил он.

– Когда начнём? – оживилась Вика. – Знаешь, всегда хорошо языки усваивала…

«С другой стороны, если дать ей возможность научиться самой, попытаться усилить её, а не будить Реду. Чем сильней Вика, тем сложнее будет ведьме, так?

Возможно ли? А помимо этого решения есть только одно, слишком необратимое, чтобы его использовать».

– Попробуем. Только не сегодня, – сказал Раир и улыбнулся. – Уже темнеет. Завтра.

– Ну что ж, завтра, так завтра, – согласилась Вика, вставая на ноги. – А сегодня пойдём ужинать, вон Ликт уже идёт нас звать.

А за ужином Вика напросилась на ещё один урок. Со свойственным ей извращенным чувством юмора, по вопросам этикета она пристала к Ликту. Требуя хоть отчасти просветить дремуче невоспитанную чужестранку на предмет элементарного общения со встречными-поперечными. Впрочем, из получасовой беседы она не слишком много вынесла, помимо стойкого убеждения, что Ликтово невежество в этикете ещё более дремуче, чем ее. Что выспрашивать сразу имя – жуткая наглость, а обращаться следует на «ты».

– Но кому-то ведь «вы» говорят? – попыталась уточнить Вика.

– Раньше, кажется, говорили старикам и просто уважаемым господам всяким, – сказал Ликт. – Но сейчас «вы» говорят только людям императорской крови. Вроде как ещё один титул.

– А почему тогда… – начала было Вика, но осеклась. «Почему мне и Раир, и Шегдар „выкали“?» – хотела спросить она. А осеклась потому, что и сама поняла. На «вы» обращаются к императрице. Слава богу, что сначала этого не знала, а то ещё больше бесилась бы от каждой Раировой реплики! И ещё это значит, что переходу Раира, наконец, на «ты» радоваться стоит ещё больше. Скорей бы завтра!

V

I don't rightly know what I want:
but I have something to do before the end
and it lies ahead…
J.R.R. Tolkien [5]

Назавтра Вика подорвалась ни свет, ни заря, наскоро кинула что-то в рот и, прихватив, конечно, меч, выскочила на улицу. Как и следовало ожидать, Ликт и Раир ещё спали. Вика покосилась на едва начавшее светлеть небо и, скрипя сердцем, признала, что будить Раира сейчас было бы окончательным свинством. Она начала было наматывать круги вокруг сеновала, но через несколько шагов её вдруг осенило: так ведь до сих пор и не поинтересовалась, что за меч её угораздило прихватить с собой. Вика напрочь о нем забыла: без того было о чем пошевелить извилинами. Ну а теперь, раз выдалась свободная минутка…

Одним словом, девушка отправилась на своё любимое место у ручья, уселась поудобнее, положив под себя ноги (по утрам уже подмораживало, и жухлую траву покрывал иней). На рукояти едва держалась старая чёрная замша, на ощупь больше похожая на грубую бумагу и немногим её прочней. Вика потянула из ножен меч, от души надеясь, что он не рассыплется в пыль от прикосновения. Попутно девушка отметила странность: рукоять снова отчего-то нагрелась, став немного теплей ладони.

Девушка сухой травой стёрла со стали пятна какого-то густого масла. Лезвие шириной сантиметров в семь и длиной – около восьмидесяти, немного утолщалось от краёв к центру, а края были острыми, как новая бритва (в чём Вика убедилась, неосторожно попробовав пальцем), и гладкими. Но и здесь две странности привлекли внимание девушки. Во-первых, по светлой стали змеились во всех направлениях тёмные линии, как рассыпавшиеся в беспорядке пряди коротких кудрявых волос. Во-вторых, с одной стороны клинка, у его основания, над продольной канавкой по центру, темнели четыре выбитые строчки. Буквы переплетались, как в вензеле, образуя нечто вроде ажурного орнамента. Вика не удивилась, обнаружив, что может прочесть эту надпись: она уже успела привыкнуть к своей полиглотской грамотности. Надпись была на алеире (чего Вика, по совести, знать не могла).

хоженый путь обещает удачу
всхлипами давится мостик над бездной
каждый в пути оступался и падал
но кто-то отступит, а кто-то пойдет до конца

Не то, чтобы Вика особо любила поэзию в духе символизма (хотя и неприязни особой не испытывала), но эти строчки странно завораживали. И почему-то в них чудилось что-то смутно знакомое: неопределённое и необъяснимое ощущение дежа вю…

– Чего ждешь? – раздался позади голос Раира. Его манера беззвучно вырастать за спиной и подавать неожиданные реплики уже начинала попахивать традицией.

– Да так, – улыбнулась Вика. – Знакомого одного.

– Ну и? Успешно?

– Надеюсь, – хмыкнула она. – Ты не в курсе, он уже проснулся?

– Почти, – сквозь зевок выговорил Раир. – Сейчас я его умою…

Пару пригоршней текучего холода спустя Раир подумал, что это «почти» не было, в общем-то, преувеличением, скорее, наоборот. Повинуясь проснувшейся вместе с ним жажде

[5] – Скажите пожалуйста, куда мне отсюда идти? – Это зависит от того, куда ты хочешь попасть, – ответил Кот. – Мне все равно… – сказала Алиса. – Тогда все равно и куда идти, – сказал Кот. – …только бы попасть КУДА-НИБУДЬ, – пояснила Алиса. – Куда-нибудь ты обязательно попадешь, – сказал Кот. – Нужно только достаточно долго идти.

деятельности вкупе со здоровым человеческим любопытством. Раир приземлился на начавшую уже стряхивать иней траву, заполучил меч для осмотра. На какой-то миг Вике показалось, что его лицо напряглось, словно меч обжёг руки, но реплика Раира сбила мысль:

– Вот это тебе повезло, девочка! Таких мечей во всем мире десятка не наберется!

– Да? – недоверчиво покосилась на меч Вика. – А ничего, что он… того… полосатый?

Раир рассмеялся, спугнув несколько птиц, устроивших спевку на соседнем дереве.

– Полосатый! – проговорил он сквозь смех. – Сразу видно знатока! – он редуцировал смех до улыбки и пояснил:

– Меч из такой стали и волосинку на лету срежет, и любой другой меч перерубит. И…

Раир, держа правой рукой за рукоять, левой осторожно взялся за клинок и согнул его. Вика, непроизвольно напрягшись, ждала треска и разлетающихся со звоном осколков. Острие коснулось рукояти, Раир выпустил клинок, и он упруго выпрямился со звуком, похожим на затухающее пение струны.

– За этот меч можно замок от колодцев до шпилей со всеми людьми купить, да и то я бы не отдал, – серьёзно сказал Раир, возвращая меч. – Мой – из той же породы. Береги его.

Вика помолчала, ожидая продолжения, но Раир закончил. Она подождала ещё чуть-чуть, чувствуя, как её понемногу начинает трясти от нетерпения, и сказала, удивившись, как зазвенел её голос:

– Ну так что? Начнём урок?

Раир спокойно улыбался, и сидел неподвижно, следя за течением воды. Вика недоумённо посмотрела на него.

– Раир, – позвала она. – Приём! Ты что, спишь, что ли?

Раир молчал. Пока Вика пыталась понять, нервничать ей или злиться, оба этих чувства прочно укрепились в ней, так что, не усидев, она вскочила на ноги и начала сбивчивый и пространный монолог на тему «ну что за свинство, ты же обещал». Некоторое время Раир с видимым интересом слушал, потом повернул голову, ослепительно улыбнулся и сказал:

– Сядь.

Вика села, похлопала глазами, открыла рот, но Раир сказал раньше.

– Урок первый: не суетись. Толку от этого на моей памяти не добивался никто, а вот неприятностей можно заработать столько, что хоть впрок их суши. Урок второй: умей ждать. Не надо никуда спешить. Чем без толку суетиться, лучше соберись с мыслями, и потом действуй быстро и точно. Урок третий: расслабься. Сжаться в кулак ты всегда успеешь, оно и не трудно. По сути, весь мир только и делает, что сжимает разнообразные кулаки. Но только поняв, что значит по-настоящему расслабиться, ты убедишься, как крепок может быть правильно сжатый кулак. Понятно?

– Понятно, – кивнула Вика («Тоже мне, бином Ньютона, – подумала она. – Было бы что понимать!»). – А теперь покажи мне, пожалуйста, как меч хоть в руках держать!

– И ничего тебе не понятно, – усмехнулся Раир. – Понятно – это когда вся насквозь осознаешь, что именно так и есть, а иначе быть не может. Когда не только разумом поймешь, но и сердцем поверишь.

В этот же день Вика поменяла обмотку на рукояти меча и вычистила его под руководством Раира настолько идеально, насколько это достижимо. Дело оказалось проще, чем ей думалось: стоило взяться за дело, как руки сами справились, словно знали, в каком направлении класть витки. Замша легла идеально с первой же попытки, точно эту рукоять Вика обматывала уже не раз и автоматически вспомнила давно знакомые движения.

Раир, сидевший рядом, снова уронил тогда на неё странный тяжёлый взгляд, но Вика этого не заметила.

Фехтовать она не взялась ни в этот день, ни в следующий. Раир учил её расслаблять мышцы и успокаивать мысли, учил внимательней слушать себя: и смутные сигналы сердца,

и каждую клеточку тела. На третий день к ним присоединился Ликт, заявивший, что иначе зачахнет от обиды и зависти в зарослях сирени за сараем.

Научившись слушать каждый сантиметр своего тела, обнаруживаешь вдруг, что каждая мышца слушается тебя удивительно быстро и точно. Усвоив это, Ликт осуществил, по его словам, мечту детства: научился шевелить ушами, чем и порадовал однажды Раира и Вику.

Дни неторопливо и неумолимо становились холодней и короче, потом зарядили дожди, но Раир, войдя во вкус, заявил, что начатое дело из-за непогоды бросать не собирается, и продолжал дрессировать своих подопечных, объявив, что теперь-то возьмётся за дело всерьёз. Ликт и Вика недоверчиво переглянулись: по их представлениям, «всерьёз» началось с полмесяца назад. И только проснувшись назавтра, Вика поняла, что Раир высказался совершенно справедливо: тело вопило, что вчера по нему бегало стадо подкованных мамонтов. К ручью девушка пришла все равно на рассвете, исключительно из вредности: сама ведь напросилась! – но безумно хотелось не продолжать эти издевательства над собой, а поспать недельки этак четыре. Тем не менее, этой самой вредности хватило даже на нормальную походку и неперекошенное лицо, назло Ликту. Который, впрочем, выглядел вполне прилично, и Вика украдкой завистливо поглядывала на него, пытаясь определить, правда ли ему хоть бы хны, или это он притворяется (Ликт, к слову, так и не сумел решить для себя такой же точно вопрос, украдкой завистливо поглядывая на вполне бодрую с виду Вику). Второй день оказался не легче первого, на третий стало уже терпимо, но на четвёртый день Раир раскопал где-то три круглые гладкие палки, чуть больше метра длиной каждая («от самбо к кэндо» – откомментировала Вика и смеялась в гордом одиночестве). Часов через пять палки бессовестно потяжелели, а к вечеру и Ликт, и Вика снова не чувствовали рук-ног. Ещё через две недели Раир счёл для своих подопечных возможным взяться и за настоящие мечи.

Первое время, проходя курс «кэндо», Вика и Ликт тренировались преимущественно друг на друге, Раир вошёл в роль рефери и выходить из неё не торопился. С самого начала Ликт оказался не таким профаном, как Вика, но первое время оба послушно падали, куда уронят, с почти одинаковой частотой. Потом, примерно к тому времени, когда мечи сменились стальными, как-то неожиданно оказалось, что девушка побеждает заметно чаще. А ещё через неделю Ликт недовольно признал, что победить её ненамного проще, чем Раира (против которого ни он, ни, впрочем, Вика, не могли продержаться дольше пары минут).

Раир терзался. Сложно не испытать гордости, когда твоя ученица растёт так быстро, что это кажется невозможным. Но кто сказал, что проще не пугаться этих успехов, которые не только кажутся невозможными? С такой скоростью не учатся. Ни верховой езде, ни местным языкам. За такое короткое время реально усвоить блок или атаку, но невозможно довести правильное дыхание и умение двигаться до автоматизма. Не было ни плавного развития вначале, ни видимого топтания на месте, пока накапливаются навыки, ни стремительного рывка затем. С самого начала обучение пошло с головокружительной скоростью. И объяснить это можно только одним.

Но у кого получилось бы не радоваться успехам ученицы? Ученицы, схватывающей на лету, перенимающей с восторгом и переиначивающей тут же на свой лад… Раир вздумал однажды научить её отражать фирменный свой удар (который ни разу ещё никто отразить не умудрился). Разумеется, бил он вполсилы и вообще осторожно, но у девушки (на голову его ниже и чуть ли не вдвое тоньше), разумеется, всё равно ничего не получалось. Раир, тем не менее, не терял оптимизма. Но на двадцатой, наверное, попытке, Вика, вместо того, чтобы принять удар, отвела его в сторону, а сама одним быстрым до неуловимости движение оказалась у Раира за спиной – прежде, чем он успел что-то сообразить. Если бы дело происходило всерьёз, ничего сообразить он и не успел бы, а свалился бы с длинной раной через весь правый бок.

– Здорово, – признал он. – Но, вообще-то, я тебя несколько другому пытаюсь научить, ты не заметила?

– Ага, не заметишь тут, как же, – хмыкнула Вика, пытаясь перевести дух. – Только, чтоб отбить такое, не девушкой надо быть, а медведем, как минимум!

– Тебя уже не бесит упоминание, что ты девушка? – ехидно усмехнулся Раир.

– Меня бесит не сам факт, а отношение к нему некоторых, – пожала плечами Вика. – Я не бетонная стена и даже не танк, чтобы устоять под таким ударом. И зачем оно мне надо, если от того же удара можно просто уйти?

– Нельзя же вечно убегать, – сказал Раир. – Когда-то всё равно придется принять удар.

– Нельзя и отбить любой удар, – Вика снова пожала плечами. – А уходить от ударов я смогу куда дольше и эффективнее, чем отбивать каждый.

– Не знаю, – сказал Раир, помолчав. – Может, и правда, у каждого свой способ.

Осень давно перевалила за середину, а Раир, Вика и Ликт не спешили покидать гостеприимный домик в глубине Великих гор. По утрам все трое то скакали с мечами, то «медитировали» у ручья, потом Бабушка непременно находила парням пару-тройку хозяйственных заданий, а сама она с Викой отправлялась обычно за какой-нибудь лесной растительностью: осень – время грибов и время собирать корни, луковицы и прочие подземные части лекарственных растений. Вечера же были временем неторопливого и не слишком содержательного, но всегда занимательного трепа за душистым травяным чаем. Случались, впрочем, и «выходные», когда кому-то одному, а то и всей компании (кроме Бабушки, без дела не сидевшей принципиально) удавалось полентяйничать. Свободные часы Вика проводила не слишком активно. Она сидела под старой ивой на высоком берегу ручья, глядя в бегущую воду. Неподвижно, даже без мыслей. Или позволяла мыслям течь, как им вздумается, не сдерживая и не направляя, а только фиксируя, наблюдая словно со стороны… Это были хорошие дни. Вика не грустила о доме и не боялась будущего, она просто позволила событиям происходить, когда и как им вздумается, и не терзалась опасениями и сомнениями. Может, дело было в том, что девушка разрешила себе поверить, что всё уладится легко и просто, что скоро, как только они соберутся в дорогу, на первом же повороте встретится самый главный добрый волшебник, который мигом разрешит её маленькую ерундовую проблему. И пока можно просто расслабиться, получше отдохнуть на этом специально заботливой природой созданном горном курорте. А живя на курорте, не скучают по дому и не молятся всем подряд о возвращении. И Вика не сопливила по ночам подушку, вспоминая родной город, не скучала по друзьям и родным. Её не огорчала даже разлука с большой и красивой любовью, оставшейся дома, хотя с Витей у них было всё настолько неправдоподобно хорошо, что друзья подшучивали над «идеальной парой» с одинаковыми именами. И она не испытывала чувства вины, ловя себя на мысли, что Раир, пожалуй, симпатичнее… Умение плыть по течению – иногда очень удобное качество.

Она хотела, конечно, вернуться домой. Если бы ей прямо сейчас, сию минуту предложили устроить это без лишней канители, она не подумала бы отказаться, но огорченно подумала бы: «Уже?..»

Осень подходила к концу. За ночь успевали замёрзнуть лужи, песок на берегу ручья покрывался тонким льдом, а сухая трава и опавшие листья мёрзло похрустывали под ногами. Голые деревья зябко поводили ветками на холодном ветру, а воздух по утрам был ментолово свеж, и пахло уже приближающейся зимой. Однажды вечером Бабушка сообщила, что пора. Никто не удивился и не огорчился – хотя, по идее, стоило, – и наутро, позавтракав и прихватив немногочисленные вещи, трое, наконец, отправились.

Они вышли не слишком рано, когда солнце уже успело не только встать, но и прогреть воздух, словно смёрзшийся за ночь. Маршрут они определили ещё пару дней назад. По схеме «мы посоветовались, и я решил»: выбирал Раир, потому как двое его подопечных никаких пут-

ных предложений выдвинуть даже не пытались. Первым делом они направлялись в Нори-ол-Те, не только потому, что Мастер этого храма, может быть, мог как-то помочь Вике, но и потому, что у Раира были и свои дела с Эглитором. А на вопрос, что дальше, Раир отвечал не определенней, чем пожилая дама о своём возрасте.

Поздняя осень в горах звучит какой-то особенной мелодией, величественной и грустной, но пронзительно легкой и чистой. Полной грудью вдохнёшь в себя настроение леса на склонах, и хочется раствориться беззвучно, раскинув руки… Вика шла, жадно впитывая в себя всё, её окружавшее, словно впервые раскрыв глаза. Мягко пружинят влажные после недавнего дождя бурые листья под ногами, воздух пронзительно свеж и чист, и чуть резковато пахнет лежалой листвой и мягкой, маслящейся от черноты землей. Пахнет грибами. Мир прохладный и влажный, спокойный, упругий и задумчивый. А небо… Небо такое, каким оно бывает только осенью. Выплакавшее все тучи до одной, во всю свою бездонную глубину, во всю вселенную – синее-синее. И прозрачное, звонкое; ослепительно, ошеломляюще яркое и поющее. И такое глубокое, полное до краев синевой и светом, что захватывает дух.

Потом вспомнился дом. Вот так же точно Вика брела по лесу (дома был ноябрь) с родителями и сестрой. Собирали грибы. Так же вокруг вздымались вековые сосны: закинешь голову, пробежишь взглядом вверх по их мокро-коричневым стволам – и голова закружится, так стремительно все они подняли руки навстречу небу.

Берег реки, прогалина. Слева, за катящейся водой, над лесом – белый склон с сантиметровыми штрихами взбирающихся вверх сосен. Сверкающий голубоватый ледник с огромным застывшим водопадом. Вокруг горы. Тихо и легко, горы спокойны и величавы, и ты – часть этого сурового величия. Весь мир смотрит на тебя, но не страшно, ты – прекрасна и чиста, как горы вокруг. Ты наедине с миром, своим миром…

– Если у этих гор есть душа, – тихо сказал рядом Раир, – она должна быть очень похожа на тебя.

Вика слабо улыбнулась… споткнулась и чуть не упала. И вдруг представила себя со стороны: маленькую и нелепую, никчемную… Мечтательница хренова! А речка весело смеялась по блестящим на солнце камням, и её смех эхом отдавался вокруг.

Почти час они шли поверху, перебираясь через многочисленные ручейки, впадающие в реку (Говорунью, как сказал Раир), потом она свернула к северу, обрыв чуть расступился от потока в стороны, и трое спустились вниз, к воде. Но они шли ещё часа три, прежде чем Раир счёл, что переправа больше не выходит за пределы человеческих возможностей. Предположение это подтвердилось, хотя, на взгляд Вики, камни могли бы быть и несколько менее скользкими, а сумка за спиной и прочая хрень, на девушку навешанная, – не такой тяжелой. Впрочем, странным было не то, что сумка потяжелела, а то, что это случилось только теперь: дома Вика с таким довеском на спине начала бы корчить изможденные рожи уже через два часа после выхода, но Раировы дрессировки, выходит, не пропали даром. Но после переправы, которую Вика неизвестно почему вдруг окрестила «переходом Рубикона», усталость уже чувствовалась, и девушка смотрела только под ноги, потому что корни выпячивались из-под земли каждые полметра. Да и без них на здешних каменюках не сложно было сломать пару-тройку ног, начавших, к тому же, подмерзать. Лес был красив, и в другое время Вика непременно восхитилась бы им, но сейчас ей было не по себе. Ей казалось почему-то, что лес следит за их передвижением тысячью глаз, и следит недоброжелательно. Казалось, что корни специально вытягиваются ей под ноги, а кусты нарочно стараются хлестнуть побольнее. Словно путники были нежданными гостями здесь, словно лесу их присутствие было – как зуб в носу. Впрочем, и Раир, и Ликт были вполне довольны жизнью. Ликт восторженно глазел по сторонам, а Раир шёл, о чём-то опять задумавшись.

«Пока неплохо. Конечно, эта вылазка в Кадар выполнена не идеально, да-алеко не идеально! Надо в будущем быть осмотрительней, а не уповать на свою хваленую удачу и милость

Тиарсе. Давно ведь известно: боги куда охотнее помогают тем, кто привык рассчитывать только на себя. На этот раз помогли. Надо будет заказать молебен в благодарность и в знак того, что я усвоил урок… [6]

Да, на этот раз Вечные оказались благосклонны. Удалось всё необходимое в Дазаране сказать, а в Кадаре вызнать. Из Кадара даже, – Раир невесело усмехнулся, – своего рода вещественное доказательство прихватил… Ох, очень уж отчётливо повanивает неприятностями от этого «вещественного доказательства»! Хэноар, скорее бы добраться до Нори-ол-Те! Вдвоём с Эглитором ещё разберемся, ещё куда ни шло… Обоим на ближайший месяц головной боли хватит!» Раир улыбнулся и оглянулся на своих спутников. Ликт, хотя шагал и не слишком бодро, крутил головой с таким энтузиазмом, словно хотел проверить, насколько прочно она привинчена. Правда, Виктория что-то опять приуныла. Надо бы присматривать уже место для привала.

Вика завистливо косилась на них время от времени. «Счастливы оба, как алкоголики на спиртзаводе! Хотя, чего бы им не быть счастливыми, они-то дома, это я тут – собаке пятый хвост…» За последние полчаса она спотыкалась, поскальзывалась, подворачивала ногу и вообще делала попытки упасть с завидным постоянством, так что, когда Раир объявил привал, обрадовалась настолько, насколько ещё хватало сил.

Трое сидели кружком, уже поев, но ещё не торопясь вставать. Ликт мечтательно изучал макушку соседнего высоченного бука, а Вика убито любовалась ботинками. На правый носок прилип какой-то прелый мусор тёмно-бурого цвета.

– Вновь вздыхаешь о горькой участи? – спросил Раир. – Не навздыхалась ещё?

– Давно уже. По самое не могу, – буркнула Вика, не отрываясь от созерцания ботинок.

– Ну и в чем дело?

– А понятия не имею! – сердито сказала она. – Просто я постоянно чувствую, что я тут чужая! Словно лесу противно меня в себе видеть! Отвратительное ощущение! Чувствую себя тараканом на обеденном столе под брезгливым взглядом чистоплотной хозяйки!

– Ну и воображение у тебя! – покачал головой Раир. – Лес как лес, красивые, по-моему, места…

– А я этим красивым местам нужна, как собаке пятый хвост! Я здесь никто, ты же сам знаешь! Это не мой мир!..

– Всё вокруг – и твое тоже, – серьёзно сказал Раир.

Вика невесело усмехнулась.

– Так запросто раздариваешь миры! Конечно, легко дарить то, что тебе не принадлежит!

– Любое место – будь то клочок земли под твоей ногой или целый мир, – убежденно начал Раир, – принадлежит каждому, кто сумеет его понять, принять и полюбить.

– Да я бы не против полюбить этот мир… – грустно сказала она. – Влюбить меня в горы вообще не проблема; кажется, нет ни в одном из миров таких гор, которые бы меня не очаровали. Но тут мне как будто что-то мешает! Как будто этот мир не желает меня принять, как будто во мне что-то не так!

Ликт, до того смирно слушавший, вдруг подскочил, поперхнулся, закашлялся, вскочил на ноги, выпучил глаза и замахал руками. Раир и Вика с интересом наблюдали за его эволюциями, потом Раир молча протянул Ликту фляжку с водой, тот выпил огромный глоток, перевел дух и поспешил поделиться с аудиторией своим «эврика!».

– Ох и идиоты же мы! – с жаром сообщил он для начала.

– Ну-ну, в себе ты, может, и уверен, но за всех не говори, – усмехнулся Раир. – А в чём дело-то?

[6] зд. судьбы

– «Во мне что-то не так»! Разумеется не так, чтоб мне Кил приснился! Имя её! – выпалил Ликт, торжествующе сияя глазами. **е** [7]

Вика несколько ошалело посмотрела на него, пытаясь постигнуть тайный смысл этого откровения, потом перевела взгляд на Раира. Судя по его лицу, ему как раз откровение растолковывать не нужно было: он смотрел на Ликта так, словно жаждал вручить ему нобелевку, как минимум.

– Пожалуй, я присоединюсь к заявлению насчет идиотов, – покачал головой Раир. – Клянусь крыльями Хофо, об это ещё месяц назад надо было подумать! Как это нас угораздило не подумать об имени!

– Так, – сказала Вика. – Подождите. Оба. Чем вам не угодило мое бедное имя?

– Да не нам! – со счастливой улыбкой сказал Ликт. – Оно миру этому не угодило!

Такое объяснение Вику не слишком удовлетворило, но Раир оказался в состоянии объяснить более толково:

– В этом мире чужая не ты сама, а твоё имя. Имя – я говорю о маэто, подлинном имени, конечно, – это сущность названного, определяющая его место в мире. Имя определяет границы и даёт форму душе. Если не поставить этих границ, душа истончится и развеется в мире. Потому, например, ребёнку дают имя в тот же день, когда он родится: иначе мир может убить безымянного, как чужака, для которого здесь нет места. В маэто душа человека. А твоё имя не отсюда, оно из другого мира. Потому наш мир и не желает принять тебя.

– Ну и что мне теперь делать? – спросила Вика. Она слишком удивилась сюрреалистическому объяснению, чтобы не поверить в него. – Душу поменять?

– Да нет, просто имя поменять, чтоб его кошки съели, – сказал Ликт.

– А как это делается, если не секрет?

– Что значит «как делается»? – приподнял светлые брови Ликт. – Выбери себе ттей, какое нравится, и все дела. **э**

– Чего-ттэй?..

– Ну, эттей, кличку, имя, – охотно объяснил он. [8]

– Но я же не знаю здешних имён, – растеряно сказала девушка. – Подскажите, что ли, парочку…

– Чего тебе, слов в языке мало? – удивился Ликт.

– Ты же не подлинное имя выбираешь, – объяснил Раир. – Просто прозвище, на которое тебе не слишком противно будет отзываться. Их обычно из родного языка берут или из алеира.

Выяснив, что такое «алеир», поняв, что надпись на клинке как раз на этом языке, и заключив, что это язык она знает, Вика оживилась:

– Ладно. Сейчас, подумаю…

Думала она минуты две, потом весело сообщила:

– Есть! «Рена». Ну как вам? **а**

– Реана? «Бродяга», то есть? – попробовал на язык Ликт. – Ничего, мне нравится!

Раир не выглядел воодушевлённым; по его лицу снова скользнуло то напряжённое выражение, которое Вика видела уже, когда в разговоре всплывало имя Реды, когда дала Раиру разглядеть свой меч…

---

[7] увидеть во сне бога смерти – умереть

[8] Здесь и далее слово «имя» употребляется в том значении, в каком в эрлике употребляется «эйт»: повседневное имя, обыденное обращение. Для цивилизации Центральной равнины характерна особая группа понятий с общим значением «имя». «Мато» – подлинное имя, называющее суть человека или предмета. Широко используется в магических практиках. «Эттей» – кличка, любое прозвище. «Эйт» – наиболее широкое понятие, обозначающее, во-первых, любое наименование предмета/человека, и во-вторых, то имя либо кличку, на которое человек откликается в повседневной жизни. В роли эйт может выступать одно из эттей, но никогда не маэто. Существует набор стандартных эйт для каждого региона и страны Центральной равнины, в то время как число эттей неограниченно. **э**

– Что-то не так? – спросила она. Раир так естественно вернул лицо в нормальное состояние, что Вика в очередной раз засомневалась: не примерещилось ли ей.

– На мой взгляд, несколько грубовато, – сказал Раир. – Как-то неуважительно. Ты уверена, что хочешь на него отзываться?

– В самый раз! – убежденно сказала она. – Кто же я ещё тут, как не бродяга?

– Ну ладно. Значит, Реана.

Он как-то странно улыбнулся и добавил:

– Видит Маэтишной, имя подходит идеально. **е** [9]

После привала они некоторое время шли на север, по левому берегу Говоруньи, потом река снова свернула, на этот раз вправо, и дальше трое пошли по бездорожью, на северо-запад, ориентируясь на высоченный снежный пик, которым заканчивался ближний к ним отрог Великих гор. Вернее, на пик ориентировался Раир, а остальные ориентировались уже на него. Тем более, через пару часов, когда ни Ликт, ни Реана не смотрели уже ни на что, кроме спины впереди идущего. Точнее, кроме его ног, потому что поднимать голову тоже не хотелось. Лес кончился за пару часов до заката и метров двадцать до подошвы горы. Раир свернул вправо и повел своих подопечных сначала по каменистому склону у подошвы, потом вверх, по узкому извилистому ущелью, которое Вике-Реане показалось бесконечным. Раир не останавливался и даже не замедлял шага, а двое других следовали его примеру из одного упрямства. Ну ещё, пожалуй, оттого, что ни Ликт, ни Реана не горели желанием останавливаться раньше другого. А потом вдруг остановился Раир. Его спутники оторвали глаза от земли и обнаружили, что находятся на ровной полукруглой площадке, по бокам ограниченной крутыми склонами, а впереди упирающейся в скалу. За спиной виднелся кусок ущелья – до первого поворота, метров восемь.

– Это местечко я обнаружил лет пять назад, – сказал Раир. – Я думал тут переждать немного, возвращаясь из Кадара, но получилось, как сами понимаете, иначе. И у Бабушки, конечно, было комфортнее, так что жаловаться не буду. Мы тут останавливаться не станем, только переночуем в пещере, трое там вполне поместятся. Ох, – засмеялся он, глядя на недоуменные лица, – до чего вы оба наблюдательны, клянусь пятью стихиями! Вот она, пещера!

В сгустившихся исподтишка сумерках они действительно не заметили входа в пещеру: почти круглое отверстие в метр диаметром, похожее на густую тень в углублении скалы. Внутри пещеры, по форме напоминавшей каплю, нашёлся хворост для костра и еловый лапник для постелей. На троих его было маловато, но все отлично выспались, с аппетитом позавтракали и быстро (Реана была почти уверена, что ущелье укоротилось вчетверо со вчерашнего вечера) спустились вниз, к подножию горы. На этот раз они отправились прямо на север, по безлесому пространству вдоль склона горы. Через час лафа закончилась, а начался терновник: густые, не ниже, чем по пояс, заросли с узёнькой тропинкой, проползающей вглубь. Реана с Ликтом жалобно переглянулись, вразнобой вздохнули и направились следом за Раиром, совершенно спокойно и как будто даже привычно в эти заросли нырнувшего. На двойной вздох он, правда, обернулся.

– Погодите умирать, – весело посоветовал он. – Нет, в самом деле. Это недолго, чуть больше, чем четверть часа, а потом мы выйдем прямо на старую дорогу. Она заброшена уже давно, но ещё вполне приличная, идти там будет намного проще. Немного ещё потерпите.

Ликт и Реана приободрились и храбро пошли на штурм, хотя без трагических возгласов время от времени не обошлось: терновник есть терновник, и продираться по наполовину заросшей тропинке – удовольствие то ещё. Через двадцать метров руки были исцарапаны сплошь, но все сошлись на том, что это не самое страшное, что может с человеком случиться. Продолжалось это безобразие, правда, почти вдвое дольше, чем было обещано, но тем с большей радостью трое вынырнули вдруг из зарослей и спрыгнули на дорогу, которая выглядела дей-

[9] алеир: ра – приставка со значением повторяемости действия; наво – ходить, рождаться **е а**

ствительно вполне приличной, хотя и порядком запущенной. Кое-где прямо посредине росли молодые деревца, время от времени дорогу пересекал ручей, а то и тек прямо по ней. Но пешком по старой дороге идти было вполне удобно и, во всяком случае, это было куда приятнее, чем тропинка в терновнике. И значительно быстрее. Раир прикинул, что такими темпами они выйдут из леса уже утром третьего дня, чем и порадовал своих спутников на привале.

За пару часов до заката, когда Реана от нечего делать на ходу пополняла, с помощью Раира, свои познания в ботанике, «Тш-ш! – вдруг шикнул Ликт. – Слышите?»

Да, конечно. Замолчав и прислушавшись, трудно было не заметить доносившихся с тропы, которая вливалась в дорогу, смутных возгласов и звона оружия.

– Я думаю, стоит глянуть, кто это там без нас развлекается, – весело сказал Ликт.

– Уж без нас им никак не обойтись, – авторитетно кивнула Реана.

– Идем, детки, – подытожил Раир, шутливо подталкивая их на звук. – Только тихо.

На тропе соблюдать тишину было проще, так что трое пошли прямо по ней, свернув только перед самым поворотом. Отделённые от них кустами, на опушке увлеченно размахивали холодным оружием (хорошим оружием: копья и даже мечи) несколько человек. Пятеро из них, судя по цветам одежды, были гвардейцами Шегдара. Они всем скопом, мешая друг другу, нападали на шестого: средних лет усатого мужчину в хорошей, хотя основательно попутешествовавшей одежде.

– Я беру офицера, – начал Раир, – Ликт, бери того, крайнего, а тебе остается ближний к нам. С остальными разберемся по ходу.

– Минутку, – остановил его Ликт. – Ты знаешь этого, на кого нападают? Нет? А если он враг?

– Если его убьют, мы едва ли это узнаем, – заметил Раир, берясь за рукоять меча, но в этот раз его остановила Реана:

– Подожди. Дракону ни к чему знать, что мы все ещё здесь.

– И что ты предлагаешь? – спросил Раир, начиная раздражаться.

Вместо ответа Реана достала лук и натянула тетиву. Идею поняли и приняли, хотя Раир чуть заметно поморщился: стрелять из кустов… Три стрелы просвистели – трое из нападавших выронили оружие, раненые, четвертый упал, сбитый с ног оборонявшимся, а ещё чуть позже горе-вояки шегдаровской армии удирали, ломая кусты, прочь.

Оборонявшийся стоял, опершись на меч, и с любопытством разглядывал своих неожиданных спасителей. Те, впрочем, с не меньшим любопытством разглядывали его. Среднего роста, крепко сбитый, со светлыми короткими волосами (для этого мира короткими: уши они закрывали) и усами, занавешивавшими верхнюю губу. Неопределенно-рыжая куртка и штаны из плотной ткани, каждая штанина перехвачена шнурком чуть выше щиколотки и под коленом. «Арнакиец, – подумал Раир. – Ну да, они же тут рядом… Что-то очень уж он бледный…»

– Ты ранен? – спросил Раир, уже и сам заметив, в чем дело: на правом боку арнакийца расплывалось темное пятно.

Тот только кивнул, но потом всё-таки разжал серые губы и хрипло выговорил:

– Вы очень вовремя, благослови вас Вечные, кто бы вы ни были.

Ликт посмотрел на деловито засуетившихся вокруг раненого Раира и Реану, подумал, что в этой области от него по-прежнему никакой пользы, кроме вреда, и пошел собирать дрова для костра: темнело, и по всему судя, предстоит тут ночевать.

Несколько часов спустя их новый знакомый (представившийся васком, купцом из Кунна), перевязанный (рана оказалась неглубокая, хотя и болезненная) и наевшийся, показал себя отменным рассказчиком: в благодарность, видимо, за своевременное вмешательство, он счел своим долгом рассказать, чем он не угодил кадаским «погранцам». «Вот, пжалста, взьярились, ммн… значит, на бедного купца ни за что, – лукаво пожаловался он. Говорил он неспешно и вкрадчиво, и с удовольствием смакуя каждое словечко. – А всех, скажем, грехов моих и есть,

что несколько безделушек… ммм… прихватил на память. М-да… Контрабандой, признаю, контрабандой. Но! Но против закона я пошел исключительно в силу необходимости. Да, таким вот образом… а мог ли я открыто их везти, судите сами? Ежели у них, в Кадаре, смертная казнь за это самое назначена! Пришлось контрабандой, соответственно, да. Но дело в том, что расслабился я рано, посчитал, что уже почти дома. Ничего, в другой раз аккуратнее буду…» К концу своего рассказа он уже достаточно пришел в себя, чтобы начать проявлять любопытство: **Ё е**

– А могу я спросить, как вас зовут? Хотелось бы знать, как обращаться к своим спасителям, – пояснил он, весело прищурившись.

Реана вообще не понимала, почему было не представиться сразу, это Раир почему-то нагнетал таинственность, но теперь не ответить было бы совсем уж свински невежливо, к тому же причин сохранять инкогнито и не было толком, так что имена были Ёваску сообщены. Услышав имя «Раир», купец впал в легкий ступор, но ненадолго, через пару секунд снова заговорил.

– Я ещё хотел спросить… мм-н… верно ли я запомнил, в солдат ведь как бы трое стреляли? Во всяком случае, с самого начала я заметил три стрелы одновременно… Вот… Значит, то есть, девушка тоже? – спросил он, сопроводив вопрос вежливым кивком в сторону Реаны.

– Ну да, – сказал Ликт. – Она здорово стреляет!

– Реана всему быстро учится, – тоном гордого учителя подтвердил Раир.

– Захвалите вы меня, – весело сказала она. – Хотите, чтобы я смутилась, покраснела и глупо захлопала глазами? Вот уйду я от вас! Я сейчас… – посерьезней добавила она, вставая.

– Хорошая девочка, – сказал Ёваск, когда она скрылась из виду. – А, могу ли я спросить: кому из вас и кем она… мм… приходится? Я так и не понял…

«Интересно, как она сама отреагировала бы?» – подумал Раир, почему-то почти уверенный, что Реана вопрос бы не понравился. Но ответил Ликт.

– Она моя сестра. Старшая, – добавил он, секунду подумав. Раир несколько удивился, конечно, но внешне заметно этого не было, он решил пока посмотреть, что будет дальше. Вернее, послушать. А послушать было что: Ликта понесло. За пятнадцать минут он соорудил сюжет, годный для романа листов на пятьсот: с рано умершими родителями, с трудным детством у дальних родственников, с несчастной любовью где-то к середине рассказа, с замаячившей потом перспективой неравного брака, с бегством, с неприкаянными блужданиями по стране (местом действия Ликт выбрал Кадар, просто потому, что в других странах он никогда не бывал, а конкретно – Джагзорт, потому что первое в голову пришло) … И всё с душераздирающими живописными подробностями. Причем где-то минут через пять он сам уже почти верил в то, что рассказывал. И потому врал вдохновенно, талантливо. Ёваск слушал, сочувственно кивая головой в особенно напряжённые моменты повествования. Реана, вернувшаяся как раз вовремя, чтобы услышать кульминацию, тоже слушала с огромным удовольствием, героически стараясь не заржать при этом.

– …Ну и вот, – закончил, наконец, Ликт, сам слегка ошарашенный размерами своего импровизированного выступления, оглядел благодарную аудиторию…

– Ох, и здоров же ты врать, «братишка»! – ехидно шепнула ему Реана.

VI

Случайность есть нечто относительное.
Она является лишь в точке пересечения
двух необходимостей.
Г. Плеханов

Проснулись они завтра под проливным дождем. Быстро и без особого аппетита съели мокрый завтрак и отправились дальше, подгоняемые мыслью об обещанном Ёваском рае: сухом и уютном отдыхе под крышей – хоть и полотняной. Дождь прекращаться не спешил, дорогу развезло, и мокро было со всех сторон. Реана подумала, что даже под душем как-то суше. Обстановка не слишком располагала к пространным рассуждениям, и большая часть мыслей сводилась к тому, куда поставить ногу и как не поскользнуться, потому что падать в бурую кашу под ногами девушке совершенно не хотелось. Хотя от такового падения мокрый насквозь и заляпанный грязью плащ вряд ли стал бы ещё мокрее и грязнее – всему есть пределы. Разумеется, было холодно, и разумеется, обед вышел не менее безрадостным, чем завтрак. Но часа через четыре после обеда дождь всё-таки кончился, а почти сразу после того, за очередным поворотом Ёваск оживился, сообщил, что уже почти пришли, и свернул с дороги вправо. Метров через сто пятьдесят обнаружился неяркий шатер, пять лошадей за шатром и дружелюбно потрескивающий костер под навесом. Возле костра скучал шкафообразный детина, кутаясь в плащ. Он обернулся на звук шагов, на всякий случай потянувшись к оружию.

– Все в порядке, Лмнртах, – успокоил его Ёваск. – Это… ммн… мои друзья. Приветственные речи можно оставить на потом, мн-да… А вот, скажем, ужин и сухая одежда были бы сейчас очень… мм… кстати. **и**

– Да, конечно, – кивнул Лмниртах и заорал куда-то в сторону:

– Фхнайр! Живо сюда, хозяин пришел! – потом он окинул взглядом троих гостей и с сомнением сказал, увидев девушку: – Только не знаю, найдется ли у нас женская одежда… **о**

– Нет – значит принеси, что есть, – пожал плечами Ёваск. – Не в мокром же ей ходить! Только по размеру подбери.

Завтра утром Реана проснулась в идиотически-радостном настроении: где тут были горы, сейчас я их буду сворачивать! В рулоны! Её одежда за ночь высохла, и девушка с удовольствием переоделась, хоть вещи и не отличались после вчерашнего дождя особой чистотой. Успела привыкнуть к своей «второй коже», надо же. Она вышла на улицу, где уже горел костер, но пахло ещё не завтраком, а лесом, влажный и свежий запах мокрой земли и осенних листьев, чуть ли не под каждым из которых сейчас наверняка грибы… Реана была счастлива совершенно, хотя и совершенно беспричинно. Впрочем, именно так обычно и накатывает волна счастья: ниипочему, просто так, и почти всегда неожиданно. «А чтобы совсем уж все стало замечательно, – думала она, – нужна ещё горячая ванна. И чистая одежда потом. Но главное – хорошенько пооткисать в горячей воде, ледяной ливень – это несколько не тот утренний душ, который хорошо поднимает настроение. Ничего, и так сойдет, дальше настроение поднимать просто некуда!»

За завтраком Ёваск пообещал своим гостям, что после обеда они уже выедут из леса, а там всего пару часов до дороги на Кунен, где ждет караван. Они быстро собрались и вышли. Четырёх лошадей из пяти оседлали – для Ёваска и троих гостей (Реана с некоторой опаской села в седло, но с облегчением обнаружила, что скакать и в самом деле когда-то успела научиться). Лмниртах и Фохнайр шли пешком, а пятая лошадь несла немногочисленный багаж. Незадолго до заката вся компания действительно уже стояла перед каменистым склоном, поросшим редкой, сухой по случаю осени травой. Метрах в десяти внизу старая дорога исче-

зала; Раир обмолвился, что её уничтожило осыпью лет сорок назад. Внизу узкой темной ниткой виднелась дорога, за ней поблескивала вода: Юто, маленькая, но быстрая речка, вытекающая откуда-то из Кадарского леса. Сам лес тоже виднелся: неопределённая тёмно-серая масса впереди, на западе. **и**

– Караван… мн-м… должен ждать во-он там, где река подходит к самой дороге, – сказал Ёваск. – Эту ночь останемся здесь, я думаю… А завтра ещё до полудня мы к каравану присоединимся. Да, таким вот образом.

Ну, до полудня – это купец погорячился, но сразу после они действительно уже спустились на дорогу и как раз успели к обеду. До Кунена оставалось три дня пути, и эти дни прошли без каких бы то ни было приключений, к некоторому огорчению Ликта и Реаны (могло бы быть и полюбопытственней немного!) и вящему удовольствию Раира и Ёваска. Единственным приключением получилось бы при желании счесть возобновлявшийся после каждого привала спор: убеждению Ёваска, что гостей надо перевозить по возможности аккуратно и бережно, обернув ватой, как хрустальные вазы, активно сопротивлялись сами гости, предпочитая ехать верхом. Ликт и Реана увлеченно скакали наперегонки и вообще сходили с ума всеми возможными способами, а смирно сидеть в каком-нибудь тарахтящем «вибромассажёре» (как окрестила телеги Реана), разумеется, не желали, о чём единогласно объявили в первый же день. Раир своё поведение вслух не мотивировал вообще. В немалой степени потому, что и сам не мог назвать другой причины, кроме той же самой, ребяческой: трястись в повозке невыносимо скучно!

На третий день утром впереди показался Кунен, дорога упиралась в его Старые ворота. Улица от Старых ворот, бравшая начало из международного тракта, отличалась шириной (сравнительно, конечно: восемь-десять метров булыжной мостовой) и людностью (уж что да, то да). Реана вовсю глазела по сторонам, почти оглушенная каскадом впечатлений. Караван Ёваска пробивался сквозь густую кашу, копошившуюся, как развороченный муравейник, голосящую, как скотный двор, и распространявшую сложные ароматы свалки, продуктового рынка летом, общественной привокзальной уборной и специй и благовоний поверх всего.

Роль декораций выполняли традиционные арнакийские дома, известные тем, что строились в два уровня: первый – каменный, высотой этажа в полтора, совершенно лишённый окон, но выглядящий очень нарядно из-за рельефных узоров. Второй – деревянный, шире первого иногда на целый метр, более лёгкий и, как правило, оживлённый парой окон.

Идти по грязной и скользкой мостовой пешком, на взгляд Реаны, было все же менее кошмарно, нежели трястись в нервно грохочущей карете, телеге или другом тому подобном сооружении на колесах (метра полтора диаметром). Хотя, если ты едешь в карете, меньше вероятность попасть под колеса или кнут, которым для этих колес расчищают дорогу.

Впрочем, своим положением Реана оставалась вполне довольна: каравану дорогу уступали, да и передвигалась она верхом – не худший компромисс. К запаху же человек привыкает удивительно быстро, особенно, если у человека есть опыт езды в пригородных электричках в час пик летом… Ох, верно, не надо о страшном! К тому же, в данном случае количество впечатлений вполне позволяло Реане о запахе не думать. Она и не думала.

На одном из перекрёстков караван вдруг остановился. Реана оглянулась было: кого бы спросить, в чём дело, – но оглянувшись, сама обнаружила причину. Наперерез им, по улице, пересекавшей ту, по которой шел караван Ёваска, торжественно выгромыхивала карета без верха, обильно покрытая грязью и позолотой. По бокам её ехали четверо верховых с обнаженными мечами; двое передних расчищали дорогу. В карете сидел мужчина лет тридцати пяти, в меху, бархате и драгоценностях гирляндами. Из гирлянд виднелось обильно напудренное изящное лицо со скучающими глазами и чуть оттопыренной в брезгливо-презрительной гримасе нижней губой.

«Что за милый, должно быть, человек», – ехидно подумала Реана, отвернулась и скользнула взглядом по толпе, рассматривая лица. Обычные лица. Усталые и бодрые, хмурые и счастливые, морщины на лбу и складки у рта, надменные взгляды и взгляды исподлобья. Больше овальные или круглые лица и некрупные, мягкие черты. Почти все – в белой пудре, а у женщин и без того очень бледные, тщательно оберегаемые, похоже, от солнца («И я тут со своим загаром – как негр в Антарктиде», – хмыкнула Реана). Самые разные лица. Не слишком много красивых, но и уродливых не больше. Умеренно приятные в большинстве своем. «Ну, это как раз от красоты не зависит», – подумала Реана. Вон тот франт в карете – красавчик на свой манер. А этот вон, например, явно здешний пролетарий – в смысле, пролетает всегда и всюду – с чертами лица слишком неправильными, чтобы счесть их хотя бы симпатичными… его лицо куда приятнее лица того же «красавчика».

«И кто же это такое, кстати?» – подумала Реана, повертела головой и обнаружила, что вслух задавать этот вопрос некому: рыская глазами в толпе, она притормозила, и все три её возможных информатора уехали вперёд. Недалеко, так что Реана догнала их одним зигзагообразным манёвром.

– А кто этот, в карете? – спросила она Ёваска.

– «Этот»? Какая… хм-мм… непочтительность! – отозвался тот. – Это Лйнтлд, тэйрлкх Кунена. **е а**

«Вот уж, блин, спасибо, сразу все ясно!» – подумала Реана и обратила умоляющий взгляд к Раиру с целью выяснить, что такое «тэйрлках» и можно ли это есть без боязни отравиться, но… Вдруг она поняла, что и так знает: городской верховный судья, Минфин и МВД – един в трех лицах. Теплое местечко! И ещё она вспомнила (как можно вспомнить то, чего никогда не знала?), что раньше (когда «раньше»?!) эта должность называлась «трко», и что в Эрлони тэрко был пьяница и растяпа, и у него под самым носом без проблем удавалось провернуть что угодно… Ах чёрт! Реана задохнулась отвратительной догадкой, больше похожей на уверенность, решительно от неё (и от чужих воспоминаний) отмахнулась… Спрашивать Раира «что такое „тэйрлках“?» совершенно расхотелось, но, разумеется, она спросила. э

– Тэйрлках – это не «что», а «кто», – поправил Раир. – Верховный судья в городском суде, казначей и начальник над городским войском.

– Так это джерк по-кадарски, – встрял Ликт. – Тебя название сбило, сестрёнка! – сообщил он Реане. До неё только сейчас дошло, что она едва не запорола свою «легенду». О том, насколько близко к тому подошло, свидетельствовало лицо Ёваска: удивлённое, после реплики Ликта оно вернулось в исходное положение.

– Ну да, – сказал он. – «Тэйрлках» по-арнакийски, «джерк» по-кадарски, а на эрлике, скажем, будет «тэрко», м-да… Это староимперское слово, если не ошибаюсь (у Реаны снова нехорошо сжалось в животе). Практически полновластный правитель города, а с такой властью… мн-м… девяносто девять человек из ста людьми быть перестают. Таким вот образом… Так… хмм… удобнее. Вот и этот Лейнтлд, значит, – купец немного понизил голос, – он, сказать по совести, сволочь редкостная. Две трети города, так скажем, у него под каблуком, а остальная, соответственно, треть – в тюрьмах, если не дальше…

– А ты к какой части относишься? – внезапно спросила Реана без намека на тактичность. Ёваск рассмеялся.

– Это да, девочка, вопрос хороший! Но я Лейнтлду пока не по зубам, у меня найдется… эмм… козырь в рукаве. [10]

[10] Игра в карты на Центральной равнине существенно отличается от известных нам. Масти, в частности, не бывают козырными; козырь – это обычно одна или, реже, несколько карт (какие именно – определяется ходом игры), которые на последнем этапе играют решающую роль.

С караваном они шли до центральной площади города. От окраин к центру дома становились выше и несколько аккуратнее, дешёвое местное дерево вытеснялось привозным камнем. Кое-где на целые кварталы тянулись одинаковые глухие стены, отгораживающие дворы и сады. Некоторые дома и здесь выходили прямо на улицу, считая ниже своего достоинства скрываться за забором, но демонстрировали они прохожим только глухую поверхность стен, иногда продырявленных окнами на высоте не меньше трех метров. Площадь, правда, несколько отличалась от улицы. Здесь дома выглядели немного более гостеприимно, окна наличествовали в количестве, на взгляд Реаны, почти нормальном, но вот размеры её не вдохновили: слишком узкие, с мутными мелкими стеклами в частых переплётах, они всё-таки слишком редко были расставлены. Пространство между окнами занимала бесцветная лепнина, не слишком оживлявшая внешний вид.

С площади караван направился дальше, а Ёваск со своими гостями и несколькими сопровождающими направился в одну из боковых улочек, домой. Дом Ёваска выходил на площадь, но вход в него располагался на соседней улице: сначала через железо-деревянные ворота, потом – через неожиданно приветливый дворик. Но сам дом был похож на крепость в миниатюре, чего стоили одни стены трехметровой толщины (в толщине их Реана убедилась, входя в дом: внешнюю стену они прошли чуть ли не за десяток шагов).

Ёваск рассказывал хорошо поставленным гидовским голосом, что дом был построен почти двести лет назад его предками с материнской стороны. Люди это были практичные, предпочитавшие себя в собственном доме чувствовать в безопасности, и строили они всерьёз и надолго. Ёваску, проводившему в разъездах куда больше времени, чем дома, нравилось, кроме того, знать, что в его отсутствие дома всё идет, как надо, – поэтому слуг, например, он держал только старых, доверенных. Не менее практичный, чем его предки, он тоже ценил безопасность, но предпочитал безопасность комфортную. И его дом понравился Реане куда больше, чем, скажем, Даз-нок-Раад. Замка она, положим, не видела, однако по неизвестным ей самой причинам сочла, что помещёния за пределами чёрно-серебряной комнаты должны отличаться излишней мрачностью и претенциозностью. Дом Ёваска покорил её ещё и чистотой (которая была здесь, похоже, чуть ли не редкостью), причем чистотой не стерильной, а уютной, обжитой.

Где-то уже в глубине дома Ёваск оставил гостей, а сам отправился насчет ужина:

– Вам покажут спальни, отдохните немного, можете искупаться, и вообще – если что… мм… нужно, то просто скажите, да… А тем временем и ужин будет.

– Неужели я наконец-то искупаюсь? – мечтательно сказала Реана, пока они поднимались по загибающейся влево лестнице. – Какая прелесть! Нет, ну до чего же здорово!

– Как мало некоторым надо для счастья! – ехидно сказал Ликт, косясь на её неправдоподобно счастливое лицо.

– Иногда до полного счастья не хватает только счастья, – улыбнулась Реана. – А мне вот до сих пор не хватало горячей ванны… С ума сойти, я ж чуть не месяц назад последний раз купалась!

– Так говоришь, как будто в месяц раз пятнадцать купаться надо, – сказал Раир.

Реана засмеялась.

– Представь себе, именно так, по-моему, и должны обстоять дела! Хотя, при таком бешенном режиме, как в последний месяц, и каждый день не помешало бы!

– Ну знаешь, – качнул головой Раир, – боюсь, что счастье такого рода тебе в ближайшие несколько лет не светит.

– Ну и пусть его, обойдусь счастьем другого рода, – снова засмеялась она. – Мне сейчас настроение ничем не испортить, кажется!

Примерно час спустя Реана сидела в «своей» комнате («Интересно, будет ли у меня здесь когда-нибудь недвижимость, своя без кавычек?»), чистая, счастливая от пяток до кон-

чика носа, одетая и причесанная по здешней моде. Последнее оказалось не так страшно, как можно было бы бояться. Реана выбрала для себя зеленый, перламутрово серебрящийся костюм, вполне удобный, а длинные волосы подобрали наверх. По завершении всего этого Реана с удовольствием поглядела на себя в зеркало, а несколько минут спустя с не меньшим удовольствием ввела в ступор сперва Ликта и Раира (автоматическое «привет», потом глаза округляются, раза три пробегают с ног до головы и обратно, снова восхищенно останавливаются на лице), а потом, спустившись вниз, – Ёваска, рассыпавшегося в комплиментах.

Комната, где они ужинали, выходила окнами на площадь. Посредине стоял овальный стол, за которым свободно могли бы разместиться человек двадцать, окруженный очень удобными, как оказалось, креслами. И ещё в комнате был камин, зажженный по случаю осени. За едой Ёваск, любивший и умевший потрепаться, развлекал своих гостей новостями и слухами: о том, что в Хаге на днях сожгли ведьму, наславшую град на озимые, что половину Авойнха смыло наводнением, что в Тейгте на той неделе родился трехголовый ребенок, уже умеющий говорить на трех языках, что Совет по-прежнему не может решить, поддерживать Кадар или выступить против, что один мельник из деревни недалеко от Тенйля сам выгнал из своего сарая нечистую силу… **и а о о**

– Люди любят поговорить, – сказал Ёваск. – И не любят, когда новость кажется им слишком… мм-н… скучной, да, заурядной. Тогда её просто пересказывают по-новому, поинтереснее. А я люблю, скажем, путешествуя, слушать разные варианты одной и той же истории.

– А ты не сообщаешь, что было на самом деле? – спросил Ликт.

– Вот ещё! – фыркнул Ёваск. – Всё равно ведь каждый верит в то, во что ему, соответственно, больше нравится верить. Меня никто и слушать не станет. Вот недавно тут был проездом один мой… мм… приятель из Ирлгфа. До них ведь новости доходят редко и зачастую в совершенно неузнаваемом виде. Да. Так этот мой знакомый все пытался у меня вызнать, правда ли что… ммм… что Дракон будто бы вызвал с того света Кровавую, сиречь… м-нм… Реду. Таким вот образом. И будто она… мм… разрушила ползамка, как бы для разминки, то есть, н-да… И исчезла, следовательно, в неизвестном направлении. **и**

– И что ты ему сказал? – поинтересовался Раир.

– Честно признался, что я думаю о тех, что такие слухи распускает, и о тех… мм… о тех, значит, кто им верит, – усмехнулся Ёваск. – он обиделся, да, обиделся весьма даже, и захотел пересчитать мне зубы. А поскольку я своими зубами дорожу больше, чем некоторыми… хмм… знакомыми, то приказал выставить его за дверь, и стало у меня одним приятелем меньше. Да, таким вот, значит, образом.

– Ты считаешь, что это полная чушь? – спросил Ликт.

– Скорее всего… Байки о конце света – любимая забава стариков всегда и везде. Скажем вот, в Кадаре тоже такие… м-м… слухи ходят? – заинтересовался Ёваск.

– Я слышал, – сказал Ликт, – что Дракон вроде как действительно пытался вызвать Реду, но у него не совсем получилось.

– Не совсем? – переспросил Ёваск. Ликт замялся, поняв, что чуть не проговорился, но Ёваск не особо ждал ответа, у него и своя версия имелась. – Я думаю, – начал он, – что попытаться Дракон действительно мог, да… Я, некоторым образом, больше бы удивился, если бы он не попытался. Тем более, что место, скажем, как раз нужное, а полнолуние не так уж часто выпадает на осеннее равноденствие (Реана вздрогнула) … Вы же понимаете, о чем я говорю?

– А ты знаешь эту легенду? – спросила вдруг Реана. – О возрождении.

– Невелика заслуга! В общих-то чертах её и ребёнок перескажет, – сказал Ёваск. – Но я, – добавил он не без удовольствия, – знаю, пожалуй, больше многих, мн-да… Одно время я основательно изучал историю… хмм… да, довольно основательно…

– Расскажи, пожалуйста, – попросила Реана. Ликт удивленно на неё уставился, потом быстро глянул на Раира – тот сидел с лицом задумчивым и не слишком заинтересованным.

«Ну и к чему она клонит? – думал Раир. – Хотя, может, ни к чему и не клонит, а просто интересно человеку, из-за чего жизнь пошла выплясывать на ушах. В любом случае, пока всё нормально, а она имеет такое же право знать эту историю, как и любой другой. У неё даже больше на это прав, если на то пошло».

– Нда… не лучшая история, которую я стал бы рассказывать на ночь, – сказал Ёваск. – Впрочем, не так много там-мм… рассказывать. Дело, скажем, в том, что за… хмм… десять лет до смерти императрице предсказал святой Тхэам, что, умерши, она возвратится в этот мир, да… Возвратится, соответственно, в день осеннего равноденствия, в полнолуние, в том же месте, где… мн-м… умрет. В Даз-нок-Рааде, то есть, как вы знаете. Да, таким вот образом… Это одно. Кроме того, предполагается, что она, скажем, возможно, потеряет память, и некоторые… хм-нм… источники говорят, что меч Реды, Ланг-нок-Зер, и Олнда – медальон, соответственно, заключавший в себе её силу, н-да… Что меч и медальон сами найдут свою хозяйку, то есть, что бы ни случилось. Вот. Ну а потом -… хмм-м… конец света обычно называют, хотя в ранних, скажем, записях: у того же, скажем, Тхама, точных указаний нет… Да… Только, соответственно, предсказания Реде огромной, ещё большей, то есть, силы и могущества в новой жизни. Вот. Таким вот образом. **е и э**

– А ты не знаешь случайно, как выглядел медальон? – спросила Реана. – Или меч.

Ликт к тому времени весь извёлся, даже ногой под столом задёргал: ну зачем она все это выспрашивает?

– А как же, – сказал Ёваск тоном лектора, услышавшего именно тот вопрос, на который ответ припасён заранее. Он с удовольствием начал рассказывать, и Реана чувствовала, как на сердце сжимаются холодные витки колючей проволоки. – В мече ничего особенного не было, кроме… мм… качества, разумеется. Из лучшей дазаранской стали, да… той, что с волнистым узором, и отличной работы. Да, таким вот образом. А внешне – очень, скажем, простой меч, совершенно без украшений. Вот. Рукоять обмотана простой чёрной замшей, мн-да. Согласно легенде, меч был выкован задолго до рождения Реды, да, таким вот образом… Но хмм… рукоять сделана точно по её руку. Да, была ещё одна… мм… деталь, но этого, правда, точно никто не знает, – только говорят, что у основания клинка на мече было что-то написано и… мм… надпись эту не мог видеть никто, кроме Реды, соответственно. Н-да… А медальон… Круглой формы, небольшая, скажем, вещица, да… из белого металла, и на ней не то выгравированы, не то вырезаны две капли, втекающие одна в другую…

Его прервал трубный звук, вдруг донёсшийся с площади.

– Интере-эсно… – сказал Ёваск. – Я открою на всякий случай окно, послушаем, мн-да… что там надумали объявлять, – закончил он, поднимаясь. Ставни открылись одновременно со вторым звуком трубы, потом прогудело в третий раз, и невидимый, но отлично слышимый глашатай начал:

– От имени Совета величайшего, несравненного, блистательного, справедливейшего и непогрешимейшего! Благородный сосед наш император кадарский передаёт. К великой скорби всего просвещённого мира совершилось ужасное: силой чёрного колдовства своего и бесчестных своих заклинаний отвратительная ведьма, известная из летописей под именем Реды, возродилась. Благородный сосед наш император объявляет, и Совет величайший, несравненный, блистательный, справедливейший и непогрешимейший одобряет следующее. Ведьму оную надлежит задержать живой и тому способствовать словом и делом. Буде же кто сообщением или иначе как благословенному делу сему окажет помощь, тот будет награжден щедро. Если же кто дерзко осмелится недоносительством, укрывательством или иным каким-то образом бесчестной ведьме способствовать, будет тот справедливо наказан со всей необходимой суровостью. От имени Совета величайшего, несравненного, блистательного, справедливейшего и непогрешимейшего и во славу пяти стихий!

Глашатай замолк, и некоторое время четверо в комнате тоже сидели молча. Первым голос подал Ликт.

– Так что ты думаешь о тех, кто такие слухи распространяет, и о тех, кто им верит? – с нервным смешком спросил он Ёваска. Тот только покачал головой.

– Мн-да, мне теперь несколько меньше нравится жить в этом мире – если о Реде уже на площадях кричат и сулят вознаграждение за её поимку! – он удивленно хмыкнул. – Ха, хотел бы я поглядеть на того беднягу, который попытается её остановить. Хотя нет, не надо лучше, поберегу нервы!..

– А ты не бойся, – сказала Реана. – Это, слава Богу, пока не о Реде. Это, к сожалению, обо мне.

Ликт чуть не на метр подпрыгнул в кресле, уставился на Реану, потом на Раира: оба они сидели с лицами непроницаемыми совершенно.

«Ну и что ты делаешь, сумасшедшая?! – возмущенно подумал Раир. Теперь ещё кричи на каждом углу, что это тебя Шегдар вызвал! А как, интересно, потом доказывать каждому будешь, что ты – не Реда? Ты же в такое дерьмо вляпаешься, что мало никому не покажется! А вытаскивать тебя мне потом придёся? Ах ты, нечисть! Ну и дальше что? Не рот же ей затыкать! Верго его всё забери!»

Ёваск смотрел совершенно ошалело, потом спросил:

– Что ты имеешь в виду?..

– Опиши мне Реду, – вместо ответа попросила она. Ёваск пожал плечами, но послушался.

– Ну, классическую иконографию я, скажем, описанием не считаю… А вот историки… хм… если не врут, то Реда была невысокого роста, пропорционально сложена, мда… и с резкими чертами лица. Волосы, скажем, длинные, каштановые… – Ёваск запнулся. Она успела когда-то снять гребень, державший волосы, и они рассыпались по плечам и спине, ловя красноватые отблески огня… Купец продолжил. – Только кожа… мм… необычно темная. Скулы… – Ёваск снова запнулся. Реана была первой виденной им девушкой с загорелой кожей и выступающими скулами: в этом мире практически не встречался этот тип лица, а загара тщательно избегали. Но он продолжил. – Ну и глаза, соответственно, зеленые…

Она повернула голову и подняла глаза, мерцающие холодной зеленью морской бездны. Ёваск отшатнулся. Реана засмеялась – горько и жутко, потом вдруг, судорожно вдохнув, замолчала и опустила голову на обхватившие одна другую ладони. Руки приятно холодили лоб, а три пары удивлённых глаз давили на макушку. Минуту… или две.

– Извините, – тихо сказала она, поднимая голову. – Я лучше пойду… посплю.

Остальные молча смотрели, как она встала, прошла по комнате и закрыла за собой дверь. Несколько секунд ещё было тихо, потом Ёваск спросил:

– Ну и как это… гх-м… понимать?..

«Хор-роший вопрос! – подумал Раир. Очень хороший! Я и сам бы у кого-нибудь с огромным удовольствием то же самое спросил! Только единственная, кто на этот актуальный вопрос ответить в состоянии, благополучно ушла. А расхлёбывать мне теперь, разумеется, кто бы сомневался! Нашел себе занятие на ближайшую пару сотен лет: вытаскивать эту девчонку из всевозможных неприятностей, которые она с энтузиазмом себе отыскивает! „Ну и как это понимать?“, вот уж действительно!»

– Не знаю, – честно сказал он. – Позвольте, в качестве извинения, рассказать, как на самом деле нас троих свела Тиарсе.

«Валяй», – чётко было написано на лице Ёваска, и Раир рассказал. Что Дракон вызвал не ту, что втроём они сбежали, что переждали месяца полтора в горах, а потом на старой дороге услышали драку…

– Но сейчас-то зачем она это… мм… устроила? – спросил Ёваск.

– Я сразу сказал, что этот вопрос не ко мне, – пожал плечами Раир.

– Ты выбирай теперь, – внезапно сказал Ликт Ёваску с неопределенной интонацией, – кому верить: официальном императорскому заявлению или троим незнакомцам.

– Кому верить: трем незнакомцам, спасшим, значит, мне жизнь, или Дракону, о котором, соответственно, я знаю слишком много, чтобы ему… хмм… симпатизировать… – усмехнулся Ёваск. – Не самый сложный выбор в моей жизни, поверь уж! Таким вот образом… Уже поздно, – добавил он. – Давайте разбредаться по спальням.

– Да, – кивнул Раир. – Завтра нам нужно уходить: если по городам уже кричат такие новости, нам лучше нигде не задерживаться.

– Как скажете, – согласился Ёваск, вставая. – А ты здорово врёшь, парень, – вдруг весело подмигнул он Ликту. – Из тебя неплохой купец вышел бы!

Раир осторожно постучал.

– Не заперто… – тихо послышалось из-за двери через несколько секунд. Раир вошел. Девушка сидела на ковре, обхватив колени руками и исподлобья глядя в пол перед собой. Раир присел рядом.

– Что с тобой такое? Ты весь вечер сидела сама не своя. Зачем было просить Ёваска рассказывать о Реде, если не можешь спокойно о ней слушать? И что это за сольное выступление под конец?

Она подняла голову.

– Ты помнишь, как мы выбрались из замка? Случайно, – она криво усмехнулась, – да, совершенно случайно! – я нашла потайной ход, который никто не открывал после Реды, и о котором даже и не знал никто… А открывается ход вот этим… – Она разжала ладонь, Олинда скользнула вниз и закачалась на цепочке. – Милая маленькая безделушка из светлого металла, и две капельки по кругу, втекающие одна в другую… Ты ведь слышал Ёваска, что он рассказывал? – Она посмотрела на Раира, тот молчал, глядя на покачивающийся медальон… – И, так же случайно, я нашла себе меч – случайно, первый, попавшийся под руку… Его тоже, правда, никто после Реды не видел, хотя искали ведь, наверняка! А я случайно наткнулась через триста лет… Ты ведь помнишь мой меч? Совсем уж ерундовая деталь: ты же хорошенько мой меч рассматривал, а ты не заметил, там ничего не было написано? На самом видном месте, у основания клинка, четыре строчки… Можешь не отвечать, я и так знаю, что не заметил, и Ликта если спросить, он тоже не видел – никто на мече Реды не видит надписи, кроме… меня!.. Здорово, правда? – Она криво и жалко усмехнулась и, сжав кулаки, вскочила на ноги, не в силах сидеть спокойно…

– Триста лет эти полулегенды лежали смирно, в них даже не верил никто толком, а стоило мне появиться, как – пожалуйста, вот они, выползли! Ну почему именно я?! Что я такого сделала, ну почему меня этот гад, этот помешанный колдун-недоучка высвистал хрен знает куда, и какого дьявола вся эта дрянь, трёхсотлетней паутиной заросшая, липнет ко мне, как кот к сметане?! А ты молодец, удивительно просто, ведь сразу понял, кто я!.. – И она рассмеялась странным, похожим на рыдания, смехом, каким никогда раньше не смеялась, а потом вдруг поняла, что не может остановиться.

– Виктория, – мягко сказал Раир, – не говори ерунды. Все это не причина сходить с ума…

– Виктория? – рассмеялась она. – Не-ет, ты обознался, это не мое имя, я ж ведьма, мертвая, трехсотлетней выдержки!

– Прекрати! – скомандовал Раир, встряхнув её за плечи. – Ты – это ты, что бы ни вытворяли всякие помешанные колдуны-недоучки! И никакая ты не ведьма, просто у тебя истерика, но от этого не умирают, слава пяти стихиям, не то в мире давно бы уже никого живого не осталось…

– И отлично бы, спокойнее было бы, – буркнула Реана. – И, слушай, хватит меня трясти, я же не погремушка!

– Вот и хорошо, – удовлетворённо сказал Раир.

– Что хорошо? – недоумённо спросила Реана. – Что я не погремушка?

– И это тоже! – рассмеялся Раир. – Но я, вообще-то, о твоем возвращении в мир вменяемых людей.

– Ох, Раир, мне стыдно… – смущённо сказала она. – Если это была истерика, то первая в моей жизни… и последняя, надеюсь! Я так устала… – добавила она, обессилено примостив голову на плечо Раиру.

– Ничего, – сказал он, – это всё неважно.

– Важно, – грустно возразила Реана. – Это ведь правда всё. Да и Шегдар, если на то пошло, не помешанный колдун-недоучка. К сожалению.

– Что «к сожалению», это верно! – хмыкнул Раир. – Но все проблемы потерпят до завтра. А вечером и умные мысли спать хотят. Пока постарайся лучше хорошенько отдохнуть, – посоветовал он. «Не бойся! Мы с Эглитором что-нибудь придумаем!» – мысленно пообещал он, стараясь убедить себя, что и правда есть способ избавиться от Реды не только самым простым и радикальным методом, который сразу приходит в голову…

– Ага, – зевнула Реана. – Хорошо бы…

– Ну, тогда спокойной ночи, – сказал Раир, выходя.

– Спокойной ночи, – пожелала Реана закрывшейся двери, ещё раз зевнула… Она вдруг сообразила, что ей действительно в кои-то веки выпал шанс как следует выспаться, торжественно пообещала себе использовать этот подарок судьбы по назначению и направилась выполнять обещание.

VII

…весёлым взглядом мир окину,
отчизной ставший для меня.
…Прошу я Господа мне дать, —
побольше странствий, встреч опасных,
в лесах подальше заплутать…
В. Набоков

Погода завтрашним утром была бы куда более кстати в первые сентябрьские дни, чем в самом конце осени, но зато отменно соответствовала настроению Реаны, которое, в свою очередь, больше напоминало состояние студента, только что расправившегося с сессией, нежели нормальную растерянную хандру человека, не понимающего, что он, где он и что со всем этим делать…

Улыбнувшись такой солидарности, Реана встала, с удовольствием потянулась и доверительно сообщила нарисовавшейся в дверном проеме служанке о своём намерении умыться и одеться. Сей незамысловатый заказ был с готовностью выполнен, потом Реана навертела косу вокруг головы, на чём утренний процесс приведения себя в порядок завершился, и девушка радостно позволила увести себя вниз: завтракать.

И всё время завтрака (на котором Ёваск отсутствовал по причине крайней занятости – подготовки гостей к выпроваживанию) настроение у неё было бессовестно прекрасным, несмотря на все гипотетические неприятности. И плевать хотелось на вероятность вернуться в Кадар в качестве пленницы с похвальной целью доказать Шегдару, что его столько-то-тамлетний труд увенчался полным провалом, и попасть под горячую руку в результате. Думать обо всех этих малопривлекательных перспективах Реане было совершенно неохота, а в голове настойчиво кружилась одна только совершенно сумасшедшая мысль, что хоть таким, не слишком приятным способом, оказалась в центре событий и внимания, этакой важной персоной оказалась – хорошо-то как! Реана тихо рассмеялась.

– В чём дело? – поинтересовался Раир.

– Не знаю, – честно сказала она. – Просто подумала, как дёшево приходит известность: ничего ведь ровным счётом не сделала, а обо мне кричат на всю страну… и не на одну даже!

– Нашла о чём радоваться! – фыркнул Раир. – Я бы куда больше обрадовался, если бы обо мне все забыли. Хоть на годик. Так, знаешь ли, удобнее: никто под ногами не путается, никто внимание не обращает – делай себе свое дело спокойно…

– Так уж и обрадовался бы? – недоверчиво спросил Ликт. – Если бы все забыли – обидно ведь! Скажешь нет?

– Не скажу, – улыбнулся Раир. – Более того, первые двадцать лет своей сознательной жизни я именно известность считал доказательством, что живу не зря. Хотя потом я в этом убеждении не слишком укрепился, но… С голыми руками идя на бой с вооруженным конником, надеешься всё же хотя бы услышать за это «спасибо». А в самом процессе высовывания головы под вражеские стрелы, что бы ни говорили некоторые умники, никакой прелести нет. Другое дело, что быстро привыкаешь, так что потом любая другая жизнь кажется просто скучным и бестолковым способом убить время. Быть неизвестным действительно куда удобнее, чем покоиться на лаврах, связанным собственной известностью по рукам и ногам, но хочется ведь иногда и лавров…

– И того, и другого, и можно без хлеба, – рассмеялась Реана. – Да нет, ничего, – пояснила она двум парам недоумевающих глаз. – Это я так с ума схожу, у меня бывает!

– Когда есть с чего сходить, это уже неплохо. Ты только возвращайся иногда, – серьёзно посоветовал Раир.

– Хорошо. Буду, – торжественно пообещала Реана. – А пока я смоюсь отсюда паковать чемоданы, хотя у вас же тут нет чемоданов, значит, их паковать не удастся… Одним словом, я собираться пошла, а вы тут пируйте, пока есть, что есть.

Засим она и удалилась.

Вещей, которые можно было бы паковать, у неё по-прежнему было огромное количество: оружие, походная аптечка, «чай» (разнообразная душистая ерунда растительного происхождения, предусмотрительно выклянченная у Бабушки) да кремень и огниво, которыми Реана научилась-таки пользоваться за время «отпуска в горах». Хотя нет, ещё прибавилась небольшая посудина из какого-то лёгкого металла, которая могла при необходимости служить кастрюлей, чайником или тарелкой, ежели в таковой обнаружится необходимость. Даже сковородкой – у посудины были невысокие стенки. Как бы то ни было, всего этого для наполнения чемодана было несколько маловато, особенно если учесть, что оружие равномерно развешивалось по поверхности его обладательницы, мешочек с травами и чаем хорошо смотрелся на поясе, а кремень и огниво отлично умещались рядом в навесном кармане – вроде тех, что не так давно вошли в моду на родине некоей Вики… Таким образом, перспектива пакования грозила только посудине, одеялу, да еде, а потому сборы не заняли много времени.

Когда Реана снова спустилась вниз, то обнаружила, что Раир как человек опытный куда-то подевался с целью что-то там подготовить, Ёваск как хозяин направился «лично проследить» и выбрать коней для отъезжающих (несмотря на упорные отнекивания гостей, он всё-таки решил сделать им этот щедрый подарок), Ликт как человек хозяйственный тоже нашел себе кучу дел, а девушка могла пока с чистой совестью бездельничать, чем охотно занялась. По её мнению, лучшим местом для такого ответственного мероприятия был порог дома Ёваска, потому как оттуда просматривалась площадь со множеством экзотических любопытностей, да и свежий воздух казался Реане куда приятнее, чем уютные, но закрытые помещёния.

Улица не слишком отличалась чистотой, там и сям валялись предметы не всегда понятного происхождения, но определенно отслужившие свой век… и ещё пару веков сверх того. Площадь выглядела поаккуратнее – может быть, из-за того, что была просторнее, и смотрела на неё Реана издалека… Площадь, в отличие от улочки, куда выходила дверь Ёваскова дома, не так пустовала: виднелись какие-то сомнительные личности, похожие на драных котов, да пару раз за четверть часа проезжали солидные господа в окружении охраны, эскорта, свиты или как оно там по научному.

Метрах в двадцати от Реаны к площади примыкал небольшой скверик за символической оградой, а внутри скверика – такое же сооружение, какие ей уже встречались: ну да, «тагал». Девушка подумала и пошла туда. Узорную цветную плитку покрывала снежно-грязевая каша. На тёмно-сером с зелёными прожилками камне тагала, в его основании, красовался высеченный портрет давешнего франта. Лейнид? Лейтид? Вика дурашливо фыркнула от неожиданного желания пририсовать франту турецкие усы, густые ресницы до бровей, пару бородавок, пирсинг в каждую бородавку… Почесала бровь, воровато оглянулась и вытащила нож, присаживаясь на корточки на основание тагала.

Затея провалилась при попытке реализации: камень процарапываться не желал. «Чтоб тебя!» – раздосадованно подумала Вика и строго уставилась на кончик ножа, царапая им в нос неподатливого портрета. «Ну!»

Медальон под курткой неожиданно вспыхнул теплом – нож вдавился в камень, провернулся легко, как в пластилине. Снег, попавший под лезвие, растаял и зашипел, испаряясь. Вика охнула и отдёрнула нож. На выгравированном носу красовалась замечательная круглая бородавка. Девушка осторожно протянула палец – камень был горячим. Хмыкнула и продолжила. Напоследок ещё и подписалась под своим художеством: «Здесь была Реана», – ничуть не сму-

щаясь тем, что умеет писать незнакомой иероглификой. И вернулась на крыльцо – за полминуты до того, как на горизонте нарисовались парни в сопровождении Ёваска и парочки мордоворотов, ведших в поводу трёх осёдланных коней. Ёваск распростился со своими гостями тут же, по просьбе Раира: уходить надо было всё-таки быстро и тихо, а не с помпой, чтобы весь город запомнил.

– Ну и чего ты такая счастливая? – весело спросил Ликт, когда они отъехали за угол. – Неужели так безумно успела по нам соскучиться?

– Вот ещё! – ехидно сказала Реана. – Я просто старалась в полной мере насладиться вашим отсутствием, и не успела ещё сменить выражение лица…

– Постойте, – неожиданно строго сказал Раир. – Вокруг тебя магии больше, чем воздуха, – обратился он к Реане, порядком ошалевшей от такого заявления. – Незачем хлопать глазами и тем более незачем пугаться, – хмыкнул Раир. – Убивать тебя я пока не собираюсь (он усмехнулся со странным выражением), скармливать Дракону – тоже… Что ты здесь успела натворить?

– Д-да ничего… – ошарашено сказала Реана. – Понятия не имею… Ну, я и правда не стояла тут столбом, но…

– Вот это «но» и расскажи по пунктам, – попросил Раир.

Реана пожала плечами и рассказала. Ликт ржал, как сумасшедший.

– Ты хоть иногда понимаешь, что делаешь? – спросил Раир, которому тоже не вполне удалось сохранить серьёзное выражение лица.

– Обычно, как мне кажется, да, – буркнула Реана, ещё не решившая, присоединиться к Ликту или пообижаться на Раира немножко.

– Ты, выходит, камень магией плавить умеешь? – встрял Ликт, давясь остатками смеха.

– Умею?.. – переспросила Реана, задумываясь. – Откуда, хотела бы я знать!..

– Я тоже! – снова перебил Ликт.

– Да нет, я же не умею, я же понятия не имею, как это… – пробормотала она, снова пожимая плечами.

– Ну, теперь, значит, умеешь, – сказал Раир. – Только, во имя Хофо, я бы не повторял на твоем месте экспериментов с магией. Не буди лихо… – негромко но весомо проговорил он.

Реана удивленно посмотрела на него, потом, поняв, вздрогнула. Ликт покосился на неё, на Раира и обреченно вздохнул, поняв, что объяснений не последует.

«Хватит с нас совпадений! – думал Раир, не надеясь, впрочем, что совпадения закончатся. – Шегдар вовсе не так глуп, как хотелось бы, и никаких ошибок, вызывая Реду, не допустил, а её это открытие впечатлило куда меньше, чем стоило бы… Всё-таки, есть два выхода… Решить проблему одним махом, до того, как проснётся Реда или до неё доберётся Шегдар. Или… Уничтожить Реду, и не навредив при этом Вике? Чушь собачья. Первый выход прост, как удар Тго, хоть прямо сейчас… Второй – не выход даже, а несбыточная мечта поклонника иле Выбор бессовестно очевиден, забери его Врго!» Но вслух он сказал совсем другое: **а Э е** [11]

– То, что ты сделала, пришлось, конечно, по вкусу Отцу Ветров, однако глупость исключительная. Мы вообще-то скрываемся, ты позабыла? – поинтересовался он у Реаны. – А по моему скромному разумению, скрываться и вопить на всех углах о своём присутствии – не вполне одно и то же. [12]

Реане, рот открывшей уже минуты две как, удалось, наконец, озвучить свое возмущение:

– А чего ты, собственно, придираешься? Ну, подписалась я, так Шегдар же этого моего имени не знает!

[11] богиня тумана, снов и мечтаний

[12] Клре, бог-жулик **и**

– Не знает. Но он не особенно глуп, как это ни печально. Думаешь, много на свете таких, что от скуки развлекаются магией? А это твое имя, между прочим, можно перевести не только как «бродяга», но и как «возродившаяся», на что…

– Раир, ты что, опять?.. – встрял было Ликт, но Реана остановила его жестом.

– …на что ты внимания, конечно же, не обратила, – невозмутимо продолжил Раир. – Намёк, сдаётся мне, не слишком туманный получился.

– Не слишком, – эхом повторила порядком сникшая Реана. – Но он же не может быть уверен, ведь мало ли что!..

– Мало, – заверил Раир. – И он, как человек осмотрительный, проверить не поленится.

– И что нам теперь делать? – деловито спросил Ликт, который успокоился, поняв что цапаться никто пока не собирается.

– Вот это хороший вопрос, – кивнул Раир. – Поторапливаться надо. У нас не больше пяти дней до того, как ищейки Дракона появятся в Кунене. Хорошо бы, они не нашли ничего, а для этого нам надо быть тише воды и ниже травы, уж сделай милость, – прибавил он, покосившись на Реану.

– Сделаю, сделаю, – буркнула она, но тут же улыбнулась, сверкнув зубами. – Поторапливаться – это именно то, чего мне сейчас хочется. Поехали! – весело сообщила она Ликту, едва они миновали городские ворота с сонно моргавшими привратниками, и пустила коня вскачь по пустынной дороге.

«Тише воды!» – хмыкнул Раир вслед двум всадникам, наперегонки взбивавшим мелово-белую пыль дороги. И припустил следом.

По мере удаления от города ограничивавшие дорогу холмы подступали все ближе друг к другу, белея сыпучим известняком сквозь редкую желтую траву. Часа через два пути долина кончилась и дорога запетляла, как заячий след, то обвиваясь вокруг подножия, то спускаясь в ложбину, то снова карабкаясь в гору, и тогда порой открывалась широкая панорама неровной, как застывший океан, земли. Холмы, холмы, до самого горизонта, безлесые, лишь кое-где грустили одинокие деревца или – редко – группы по два-три.

Не больше, чем через полчаса после того, как стены города исчезли из виду, Ликт предпринял первую осторожную попытку вытянуть хоть какую-то информацию из Реаны: загадочный совет Раира не экспериментировать с магией надёжно засел в его голове, быстро обрастая домыслами и предположениями разной степени невероятности. Когда он задал свой вопрос впервые, Реана быстро сменила тему, а на все последующие попытки упорно отмалчивалась, с какого бы боку Ликт ни пытался подобраться. Единственное, что ему удалось вытянуть, так это положительный ответ на вопрос, связано ли это с Редой.

«Вот уж спасибо, а то я бы не догадался!» – подумал Ликт, порядком разобиженный и всё более изнывающий от любопытства.

Честно говоря, Реана и сама уже не рада была тому, что пообещала Раиру молчать. Сперва она тоже не хотела поднимать эту скользкую тему, но Ликта было проще убить, чем заставить отказаться от расследования, и скоро ей начали казаться неимоверно глупыми эти попытки сохранить служебную тайну – тем более, от Ликта, который, если разобраться, тоже вполне мог бы придумать какой-то выход из положения. В отличие от неё самой. Она-то о магии не знала ничего вовсе, потому что слышанные когда-то сказки вряд ли могут служить серьезным источником информации, а другого в её мире не было вовсе, если не принимать в расчет книжонки вроде «Большой энциклопедии магии и колдовства», виденной Викой однажды на каком-то лотке. Единственный выход, который, приходил Реане в голову – найти кого-то «великого и ужасного», кто в два счета решит все её проблемы и отправит домой, да заодно ещё подарит перед тем мозги и смелость – очень мило с его стороны было бы…

Раир, в отличие от своих спутников, в магии понимал очень даже неплохо. Он ничуть не приврал, говоря о своей известности. Более того, скорей уж поскромничал: значительная

часть населения этого мира сочла бы Лаолийца тем самым «великим и ужасным», кто может практически всё, а если чего-то и не может, то лишь потому, что оно ему даром не надо. Причём это был тот редкий случай, когда большинство ошибалось незначительно. Но Раир не мог ничем помочь своей нечаянной спутнице. В глубине души он полагал совершенно невозможным уничтожить Реду, не повредив при этом ни тела, в котором она затаилась до поры, ни сознания девушки, в которое она проникла. И у него были все причины сомневаться в осуществимости этого финта ушами. Но всё-таки он допускал (очень хотел допускать), что какой-то другой выход может быть известен одному из трех, о ком он говорил с самого начала: Эглитору (Мастеру храма Нори-ол-Те, давнему другу Раира, с которым, собственно, он и собирался поговорить о несколько неожиданном исходе операции), Шегдару (скорей Рраг раскается, чем он вздумает уничтожать Реду!) и Нанжину (Мастеру Арна, с которым Раир был знаком в пределах «добрый день, как дела?» – «благодарю, хорошо»). Да, расклад получался не слишком обнадёживающим. Но пока Реда спит, а значит, ещё есть время. э

После обеда холмы стали ниже и немного расступились и подул легкий ветерок, который быстро крепчал, так что часа через три путники уже начали ёжиться под его резкими порывами. Солнце светило по-прежнему, но холодный ветер не давал согреться, напоминая, что осень закончилась и зима вот-вот заявит о себе.

На ночь они устроились в ложбине, где склоны холма хоть немного защищали от ветра. Но костёр то и дело норовил погаснуть, бешено плясал и стлался над землей. Хмурые лица замёрзших Ликта и Реаны представляли разительный контраст с утренним их весёлым сумасшествием.

– Лучше бы я согреваться чудесным образом умела, а не камень плавить! – ворчала Реана, кутаясь в плащ и придвигаясь к огню.

– Во-первых, собой управлять всегда труднее, – заметил Раир. – А во-вторых, тебе вообще не стоит пока экспериментировать в этой области…

– Так. Хватит! – сказал Ликт. – Меня вконец достали ваши перемигивания, заговорщицкие рожи и загадочные реплики. И никому нет дела, что один любопытный парень ночами не спит, над вашими секретами голову ломая! Колитесь, короче!

– Да я бы давно раскололась, если бы не этот конспиратор! – пожаловалась Реана.

– «Давно»! – хмыкнул «этот конспиратор». – Это утром сегодня, что ли? Ладно, уговорили, будем колоться. Пожалуй, расскажу я, чтобы вышло коротко и ясно. Если что напутаю – поправь, – попросил он Реану.

Ликт показал себя благодарным слушателем: внимал, раскрыв рот. И то и дело переводил взгляд с Реаны на Раира и обратно, ожидая, когда же она начнет возмущаться. Но Реана молчала: все излагалось добросовестно, куда последовательней, чем она сама рассказала бы, и она только теперь, наконец, начала понимать, что с ней, собственно, приключилось. Раир объяснял, что для возрождения Реде нужно было другое тело взамен того, что триста лет назад пришло в негодность по независящим от хозяйки обстоятельствам. И такое тело нашлось, только в нём уже обитала некая девчонка по имени Виктория, а «новорожденная» – вернее, «нововозрожденная» – Реда была ещё слаба, и ей ничего не оставалось, как покорно заснуть где-то в уголке сознания. Вот пусть и спит дальше, до тех пор, когда удастся усыпить её навеки.

Ликту на протяжении рассказа оставалось только хлопать глазами и кивать головой.

– Ну дела, – только и протянул он, дослушав до конца. – Ну ты и влипла! – сочувственно сообщил он Реане. – Одержимость это тебе не насморк, – назидательно изрёк он, – и если Реда пока спит, то на кой пес её будить! Скорей уж наоборот, колыбельную петь.

– С моим слухом только петь, – хмыкнула Реана. – А фокус в том, что я поручиться ни за что не могу: уж если моя дурацкая утренняя выходка – колдовское действо, то мне даже моргать противопоказано, мало ли, что в следующий раз колдовством окажется! Это ж, выхо-

дит, по дурости колдую! Если б я хоть чуть опытнее была, знала бы, как колдовать – вернее, как не надо делать…

– Ты чего это? – спросил вдруг Ликт. Реана удивленно посмотрела на него. Ликт обращался к Раиру. – Никак сказать что-то умное хочешь?

Вопрос был очень своевременным: Раир сидел с лицом Ньютона, которому на голову только что свалилась очередная антоновка.

– Хочу. Но не сейчас, – зловредно улыбнулся Раир. – Все вопросы утром.

– Почему? – вразнобой заныли Ликт и Реана.

– Потому что иногда надо ещё и спать, – изрек Раир. – А если вы сейчас прямо не заснете, то потом и пытаться будет поздно: через два с половиной часа я разбужу первую жертву (он покосился на Реану), а оставшийся будет сидеть караулить под утро. А сонные рожи нам завтра ни к чему: нужно поторапливаться, пока ещё есть время. Всё, спать! Живо! – скомандовал он, так что Ликту и Реане волей-неволей пришлось послушаться. Тем более, что спать им давно уже хотелось, хотя любопытство ещё минут десять не давало уснуть.

Раир, выполнив свою угрозу относительно безжалостной побудки, заснул сам и прекрасно успел выспаться, хотя снова открыл глаза ещё за час до рассвета. Было совсем темно: на равномерно черном небе ни следа лунно-звездной иллюминации, и, даже привыкнув к темноте, глаза Лаолийца едва-едва различали очертания деревьев на склоне. Костер чуть теплился, и его красноватого света как раз доставало, чтобы разглядеть отчаянно клюющего носом Ликта и свернувшуюся калачиком Реану. Решив, что спать лежа Ликту будет удобнее, Раир сообщил ему эту гениальную мысль. Не похоже было, чтобы тот что-то толком понял, но улёгся и заснул мгновенно.

Раир сидел неподвижно, смотрел, слушал и думал. Всё-таки это безумие. Чистейшей воды. Его подопечным, разумеется, план этот – научить Реану магии – не покажется слишком фантастичным. А здесь повторяется та же дилемма, что и с фехтованием. Учить её магии – значит будить чужие воспоминания, просто потому, что «вспоминать» девочке будет легче, чем начинать учиться с нуля. И воспоминания эти она опять не сможет отличить от своих, как не может сейчас отличить от своих чужие умения: от знания языков до способностей к фехтованию. Будить то, что с самого начала ставил целью уничтожить… И невозможно представить, что будет. Скорее всего, это действительно будет похоже на одержимость. Можно ли надеяться, что девочка победит Реду? – Вот потому-то я и хочу её научить! Чтобы она стала сильнее, опытнее, и тогда, быть может… – А быть может, и нет! – Ну и где же тогда выход? – Не знаю. Только один.

Раир посмотрел на спящую. Да, клянусь Хофо, самый простой выход! Самый логичный, самый безотказный и до смешного простой в исполнении. Врго его всё забери! …А впрочем, это бессмыслица. Я отлично знаю, что убивать её не хочу и не могу. И не стану. Потому что нелепо убивать ни в чём не виноватую девчонку просто за компанию! К тому же, мечом она владеть научилась – и ничего страшного пока не произошло. – Научилась? Кому ты лжёшь? Учатся не так. В двадцать лет, не имея за спиной ни единой тренировки, за две луны стать почти вровень с учителем… Который по праву, смею надеяться, известен как один из лучших мечников Равнины и у которого опыт боёв никак уж не две луны… За такой срок, как она, невозможно научиться, возможно вспомнить. Почти полностью восстановить навыки, забытые, но копившиеся полвека. – Лучше так, чем если вспомнит сама. – Лучше, если не вспомнит. С каких пор ты стал таким трусом? Признай, ты не можешь её контролировать, да и с самого начала не мог. – Тем хуже. – Значит, позволишь Реде проснуться? Ты представляешь, чем рискуешь? Во что может превратить этот мир Возродившаяся, только потому, что ты сейчас пожалеешь девочку? – Иди ты к Верго! Плевать мне! …Нет, не плевать, разумеется. Но убивать её я действительно не буду. А значит, выход остается только один: если сама она не сможет уничтожить Реду, то и никто не сможет. Вот и всё. – Чудесно! Пойдёшь на поводу собствен-

ной прихоти, и падай всё пеплом, так выходит? Какое ты имеешь право пренебрегать логикой и долгом? **е**

Ответить Раир не успел. Он вдруг насторожился: что-то приближалось. Почти одновременно вдруг проснулась и села Реана, удивлённо и тоже насторожённо оглядываясь. «Нюх на опасность никуда не денешь», – мимоходом отметил Раир.

– В чём дело? – шёпотом спросила Реана.

– Увидим. Тихо.

Реана кивнула. Потом скорчила вопросительную рожу и взглядом показала на Ликта. Секунд пять спустя все трое насторожённо пытались выудить из темноты хоть какую-то определённую информацию. По дороге, совсем рядом с ними продвигались на восток всадники, человек тридцать, не меньше, в багрово-коричневой форме императорской гвардии.

– Как у себя дома, сволочи! – душевно прошипел Ликт. – Куда Нанжин смотрит!

Все бы ничего, но отряд самым подлым образом собирался остановиться как раз напротив затаившихся. Из троих только Раир понял в чём дело: он успел прочитать мысли одного из гвардейцев и выяснил, что коричневые ехали всю ночь и только теперь собрались остановиться на ночлег, а ложбина слева от дороги показалась командиру отлично для этого подходящей. Та самая, которая вчера вечером показалась удобной Раиру. К тому же, искали их, беглецов: Лаолийца и возродившуюся ведьму. Раир ругнулся про себя. Похоже, Лейнтлд куда быстрее, чем надеялись, сообразил, что к чему, и воспользовался птичьей почтой, чтобы высвистать гвардейцев из Арны. Раир сжал рукоять меча…

– И что это ты собираешь делать? – задушевным шипом отреагировала Реана.

– Напасть первыми пока они нас не обнаружили. А что нам ещё остается?

– Идиотизм! – от души высказалась Реана. – Нас трое, а их три десятка. Тебе, извини за банальный вопрос, что, жить надоело? Удирать надо, пока нас не обнаружили, а не нападать!

– Боишься? – ехидно спросил Ликт (вообще-то Ликт склонен был признать, что она права, но слово «удирать» очень уж ему не понравилось).

– Да, – спокойно отвечала Реана. – Это самоубийство. А я, знаешь ли, не люблю, когда меня или моих друзей убивают. Давайте лучше поторопимся!

– Ладно, – выговорил Раир, испытывая сильное желание наградить себя подзатыльником. – Быстро и тихо!

И они постарались «быстро и тихо» (ведя коней в поводу и молясь, чтобы они не фыркали и тем более не заржали) скользнуть в овраг, обогнуть невысокий гребень, так что он оказался между ними и гвардейцами. И что самое интересное, это им удалось. Только потом, когда трое уже обогнули холм, они смутно услышали позади некоторое шевеление: очевидно, это обнаружили их ещё тлеющий костер, – но преследовать троих никто не собирался, в чём не сомневались Ликт и Реана. Раир их оптимизма не разделял, и торопил вперед, подальше от места неприятной встречи – и заодно в сторону от дороги. Может, особо опасаться и не стоило: хотя уже рассвело, в тумане всё равно почти ничего не разглядеть, так что гвардейцы, похоже, сочли поиски бессмысленными. Но потом, когда туман рассеется, они вполне могли бы отправиться следом, так что Раир вёл дальше от дороги, на юго-запад, загадочным образом не теряя направление в молочно-белой каше, жавшейся по низинам. Через пару часов он всё чаще стал останавливаться и напряжённо оглядываться по сторонам: объяснил, что боится пропустить в тумане тропу. Но туман поднялся и растаял, а они всё так же двигались шагом, и никакой тропы не было в помине. Ликт первым обнаружил, что голоден, поделился этой новостью с Реаной, она ответила полной взаимностью, но Раир ехал и ехал вперед, поминутно оглядываясь, и не похоже было, чтобы он помнил, что людям свойственно иногда завтракать. Ещё через час снова поднялся ветер, хотя и без него было вполне пакостно: холодно и сыро, но Раир, наконец, нашел свою тропу и соизволил остановиться и поесть. После чего Ликт вспомнил о вчерашнем обещании Раира рассказать гениальную идею и не отстал, пока тот (не особо

и упиравшийся) не поделился ей с общественностью, опустив неуверенность и сомнения, разумеется. В цензурной редакции вышло что-то вроде «если Реана научится и станет сильнее, то сумеет, наверное, противостоять Реде, пока не обнаружится кто-то, кто решит это маленькое недоразумение».

– Здорово! – восхитилась Реана. – Я внимательно слушаю всеми четырьмя ушами: что изучать будем?

– Изучать будешь ты, – сказал Раир. – Словами тут помочь невозможно, я могу дать не рыбу а удочку, с который ты, может быть, пойдешь на рыбалку. А может, и не пойдешь.

– Ясно, – хмыкнула Реана. – Практический курс прикладной магии.

– Вот тебе задание, – Раир проигнорировал выпендрёж, – постарайся согреться.

Задание поступило вовремя: воздух был сухим и морозным, снова поднялся ветер – резкий и колючий, ошалело носившийся взад-вперёд по долине. К тому же, снег усиливался.

– Как это, интересно, я буду греться? – скептически полюбопытствовала Реана.

– У каждого свой способ. Кто-то призывает Таго, кто-то воображает себя на жарком летнем солнце или в меховой шубе, кто-то приказывает себе согреться, кто-то воображает тепло, расходящееся волнами от сердца… – Раир улыбнулся (довольно зловредно). – День долгий, успеешь попробовать все… и ещё парочку новых придумаешь. [13]

И она попробовала. Пробовала, пробовала – до посинения, – в прямом смысле: к тому времени, когда они отправились дальше, снег, замешанный на резком ветру, лишь чуть-чуть не дотягивал до звания метели. Мороз сам по себе не слишком радует, если до ближайшего жилья два дня пути (деревушка на краю Кадарского леса была единственным хотя бы слегка населённым пунктом в этих краях). Но если к нему добавляется ещё взбесившийся ветер, накидывающийся то спереди, то сбоку, то сзади, то снизу, забирающийся под плащ, пытаясь содрать, хлещущий по щекам, забивающий снегом глаза… Плащи да куртки были тёплыми, но ветер пробирал насквозь, и скоро Реана уже не могла думать ни о чём, кроме слезящихся глаз и вмёрзших в уздечку пальцев. Согреться не получалось. До обеда она успела вспомнить все предложенные Раиром способы (без толку), вспомнить пару шедевров матерной речи, разочароваться во всём, пожалеть себя всласть, попробовать по второму кругу… потом по третьему… ещё разок… Ликт маячил рядышком такой же убитый, а Раир, кажется, от души плевал на взбунтовавшуюся погоду, вообще не обращая внимания на такую ерунду, как климатические недоразумения. Он бдительно всматривался-вслушивался, тем больше сил прилагая к этому бесплодному занятию, чем дальше они продвигались: отряд, с которого началось их утро, не давал Раиру покоя. Лаолиец был совершенно уверен, что гвардейцы (если не все, то по крайней мере часть их) направились к западу, по дороге на Лиато, а значит от мельтешащей белой каши справа можно ожидать любых неприятностей. Особенно после обеда, когда тропа и дорога встретятся у моста на Ютои…

Ликт замерз ещё утром, отогреться с тех пор пока не довелось, и поди угадай ещё, когда такая счастливая возможность представится. Нет, он и не думал сожалеть о том, что сбежал из Даз-нок-Раада, он и сорокаградусный мороз предпочел бы общению с Шегдаром или даже со своим непосредственным начальником. Но зачем было уходить из гостеприимного дома Бабушки, он определенно не понимал. Зачем тащиться куда-то в такую погоду, когда можно бы спокойно сидеть в тепле и задушевно трепаться о всякой ерунде, уж что-то, а это все трое умеют, слава Килре, или, на худой конец, остановиться сейчас, разжечь костер, хоть чуть отогреться, пообедать… Пообедать, может, и доведется, но костер, скорее всего, останется недосягаемой мечтой, Раир явно уверен, что все коричневые поголовно встали на след, на пятки

[13] зд. огненный дракон

наступают уже, судя по тому, как он насторожился… Да уж, ещё пару деньков такой жизни, и нервы точно ни на кой пес не сгодятся: от каждого шороха… [14]

Ликт вздрогнул: ему померещился мягкий звук позади, звук копыт, приглушенный снегом. Раир резко остановился, поднял руку, привлекая внимание. Скорее всего, их в таком месиве не заметили, но осторожность не помешает, и трое быстро и тихо – похоже, им теперь все придется делать «быстро и тихо», – сошли с тропы в сторонку, за очень кстати подвернувшийся кустарник. Минут десять они ждали, но ничего не происходило, только напряжение росло. А Раир оставался спокоен, как дохлый удав (он просто не мог позволить себе роскоши расслабиться настолько, чтобы занервничать). Когда, наконец, они отправились дальше – ещё осторожнее, – по сторонам оглядывались уже все трое, причем мандраж у двоих Раировых подопечных проходить и не думал.

Обед прошёл торопливо и напряженно, с постоянным оглядыванием, словно ели они ворованные яблоки прямо на месте преступления. Потом путешествие сквозь снег продолжилось, тропа с трудом протискивалась между холмами, изгибаясь самым замысловатым образом и чуть ли не пересекая сама себя. После очередной серии подозрительных поворотов Реана поняла, что ещё немножко, и она или закоченеет напрочь, или заработает нервный тик, а может, и то, и другое разом, чтоб не скучно было. Одним словом, она отвлеклась от параноидальных затравленных оглядываний, предоставив эту увлекательную обязанность двум своим спутникам, а сама возобновила попытки согреться. Нельзя сказать, чтобы она так уж легко отключилась от происходящего: на протяжении следующих трех часов ей было и страшно, и холодно, и уже хотелось, чтобы эти чертовы гвардейцы вынырнули откуда-нибудь прямо сейчас, чтобы они стали реальной, ощутимой, видимой неприятностью, с которой можно и нужно бороться. Ага, сейчас! Щас! Чертов мир! Чертов мир, чертов Шегдар, чертова Реда, ненавижу!!!

А потом вдруг стало всё равно. Реана расслабилась (насколько это возможно сидя в седле и закоченев) и махнула на все рукой. И замечталась о горячей ванне. Может, и правда навязчивая идея, но как бы сейчас здорово зайти в нормальную человеческую ванную, белый кафель с бежевыми разводами, как дома, а на полу жесткий коврик, теплый и колючий под ногами. И вода прозрачно расходится кругами от капли из крана – плимпк! – а от воды поднимается едва заметный легкий пар. И пахнет цветочным мылом. Перешагиваешь через бортик, и сначала вода кажется слишком горячей, и кожа покрывается пупырышками, но потом становится так тепло и спокойно, уютно…

Реана вздрогнула и сфокусировала взгляд. До нее вдруг дошло, что и на самом деле стало тепло, и даже озябшие пальцы оттаяли и немного ноют.

– Раир! – крикнула она. Тот обернулся, как ужаленный, останавливая коня и выхватывая меч.

– Чего ты вопишь, сумасшедшая?! – вполголоса возмутился он, убедившись, что никого пока не убивают. – Что такое? – спросил он мягче, увидев, как счастливая рожа сменилась обиженной. – Только на тон тише, ради Хофо, не надо никого сюда приглашать!

– Ладно, ладно, – буркнула Реана и замолчала.

– Нет, правда, что такое?

– У меня согреться получилось, – решила всё-таки признаться Реана.

– То-то я смотрю, ты уже не синяя! – усмехнулся Раир. Всё было тихо, никто на её крик не прибежал, значит, жить можно. – Ну и темпы у тебя, Хноар! – он покачал головой, отправляя меч назад в ножны. – С первой же попытки! э

– Ничего себе «с первой»! Весь день мучилась!

– Некоторым и недели мало, – заверил её Раир. – А сейчас тоже тепло?

[14] зд. покровитель ораторов

Реана прислушалась к ощущениям. Пожалуй, всё-таки лучше, чем час назад, но уже не так тепло, как только что было. Как будто зашла куда-то погреться, а потом снова выскочила на мороз. Но сказать она ничего не успела, потому что сзади вдруг послышались голоса: кто-то что-то командовал, приближаясь. Раиру тоже ничего говорить не пришлось, все и без слов заторопились вперед – по возможности, быстро и тихо, разумеется. Сворачивать тут было некуда: на крутой осыпающийся склон и в хорошую погоду не особо заберешься. Но метров через тридцать, как они ни торопились, пришлось спешиться: дорога была ни к черту, к тому же она круто забирала вверх, так что даже в поводу кони пробирались с трудом. Ещё метров двадцать спустя наступающие сзади гвардейцы уже показались в белой мути, а впереди замаячил мост – полудохлый висячий мостик, повизгивающий на ветру. Холмы по-прежнему сжимали тропу с обеих сторон, они и у самой реки не расступались, образую высокие крутые берега. По закону подлости перед мостом, разумеется, маячили всё те же гвардейцы – вторая половина отряда. Беглецы остановились. «Слава Богу, хоть не надо больше прятаться, дергаться от каждого шороха…» – подумала Реана с облегчением.

– Реана, бросай коня и кыш с тропы, а мы постараемся их задержать, – скомандовал Раир.

– С чего вдруг? – вскинулась она. – Трое против тридцати – это, конечно, не ахти, но всё-таки лучше, чем двое!

– У меня не будет времени ещё тебя оберегать! – раздраженно сказал Раир.

– Ерунду ты говоришь, – вдруг выступил на стороне Реаны Ликт. – Если дело в этом, то прогонять ты меня должен: Реана дерется лучше меня, раз уж на то пошло, сам знаешь! И никто ни у кого под ногами путаться не будет.

Про себя Раир отметил, что дело не в этом. Он почему-то чувствовал себя в ответе за неё, хотя сперва сработал скорее рефлекс: девушку нужно защищать, а сама она сражаться не может. Лаолиец боялся за неё. Кроме того, он их обоих с удовольствием прогнал бы от греха подальше. Но вслух, впрочем, все это излагать не стал: времени не было.

– Здоровый прагматизм и никаких предрассудков! – усмехнулся Раир. – Ладно, трое, так трое!

Но и трое, спина к спине, против трех десятков – тоже не слишком весело. Впрочем, сперва гвардейцы подобрались поближе и, не тратя времени на выспрашивание имен-паролей-явок, посоветовали сдаться. Вернее, один из них зачитал приказ сдаться, сооруженный из таких громоздких, как мастодонты, выражений, что…

– Какой ужас! – сказала Реана. – Такое откровенное издевательство над языком! Неужели они всегда так разговаривают?

– Нет, только когда зачитывают официальные бумаги, – успокоил Раир. – В остальное время они разговаривают нецензурно.

– Мы матом не ругаемся, мы на нем разговариваем, – задумчиво вспомнила Реана.

– Сдавайтесь! – прокричали теперь со стороны моста, не дождавшись ответа.

– А в рот тебе не плюнуть жёваной морковкой? – осведомилась Реана. Ликт расплылся в улыбке, но ни заржать, ни прокомментировать не успел: гвардейцы без дальнейших заморочек перешли к активным действиям.

Минуты через полторы Реана к своему удивлению поняла, что не боится: на такие мелочи просто не хватало времени. Думать, впрочем, тоже было некогда. Как и удивляться.

Раир успел краем глаза заметить, что его подопечные держатся очень даже неплохо, но коричневых было ровно вдесятеро больше, а шансов на удачное завершение этой истории во столько же раз меньше желаемого. Тем не менее, никого их троих пока даже не ранили, узкая тропа не позволяла гвардейцам навалиться разом, и медленно отступающим удавалось пока отбиваться. Хорошее слово «пока»: не мытьем, так катаньем… Прошли ещё несколько минут. Трое помаленьку выматывались. В рядах коричневых, наоборот, наметилось оживление.

Как-то внезапно оказалось, что наступили сумерки. Почти в тот же момент, когда осознал этот незамысловатый факт, Раир вдруг увидел, что от моста их отделяют всего два человека и четыре метра. «К мосту!» – мысленно скомандовал он своим подопечным, убедился, что они услышали и одним рывком сшиб одного из загораживающих дорогу. Ликт не удивился, услышав «голос» Раира прямо в сознании: он ни на минуту не забывал, что связался с «этим Лаолийцем», магом и вообще… Реана, напротив, совершенно ошалело похлопала глазами, но оба они послушно ломанулись следом, тем более, что план Раира поняли и одобрили: спать хотелось, а не умирать тут смертью храбрых!

К тому времени, когда они подоспели, Раир уже справился и со вторым гвардейцем, пропустил Ликта и Реану вперед на мостик с напутствием: «Живо на ту сторону!», а сам притормозил ненамного, чтобы задержать остальных. Потом, когда оба его подопечных перебежали на противоположный берег Ютои, он совершенно фантасмагорическим прыжком (Реана поклялась бы, что такое невозможно без спецэффектов) перемахнул чуть ли не весь шестиметровый мостик, легко соскочил на землю и двумя ударами перерубил канаты слева. С двумя другими канатам расправилась слегка пришедшая в себя Реана, и мостик с треском ухнул вниз. Из гвардейцев туда же последовал только один, коротко вскрикнул, звучно приводнился и тут же пропал из виду – то ли под водой, то ли за пеленой снега.

– Пойдём, – Раир явно не считал зрелище вроде коричневых, отчаянно ругающихся и размахивающих холодным оружием на холодном ветру заслуживающим внимания. Кони остались на том берегу, а с ними вся еда и запасная одежда.

Прежде, чем они нашли место для ночлега, прошло часа два, совсем стемнело и стало ещё холоднее. Костер зажигать они не решились, но заснули сразу, совершенно вымотанные ещё и финальной ходьбой по пересеченной местности в полной темноте: минут за десять до того Раир свернул с тропы и увёл их куда-то в сторону, чтобы хоть отчасти обезопаситься от нежданных гостей. Ликт и Реана являли собой такое жалкое зрелище, что Раир не стал даже напоминать им, что кому-то надо стоять на страже, взяв эту почетную обязанность на себя. Реана провалилась в сон мгновенно, успев только подумать, как хорошо бы проснуться дома.

VIII

…Мне триста лет, я выполз из тьмы.
«Машина Времени»

– Доброе утро, – вдруг негромко сказал кто-то совсем рядом. – Наконец-то! – Голос был ехидным и очень знакомым.

– Что, я сильно заспалась? – сквозь сон пробормотала Вика. – Ох, Иришка, – улыбнулась она, поворачиваясь на бок и потягиваясь, – какой интересный мне сон…

Открыла глаза и окончательно проснулась. Она лежала на одеяле поверх лежанки из лапника, завернувшись в плащ. Рядом тлел костер, из-за чего левый бок оставался куда теплее правого. По другую сторону огня дрых Ликт, Раира в пределах видимости не обнаруживалось. На земле тонким слоем лежал снег, мелкая снежная крупа сыпалась с высокого ватного неба и не спешила таять, попадая на кожу. Было холодно. Светало.

Реана вздохнула, встала, отряхнув снег, и немного попрыгала на месте, пытаясь согреться и размяться. И проснуться. Она не слишком огорчилась, когда в очередной раз не удалось проснуться дома, хотя вчера чуть не плакала и искренне ненавидела этот мир. Но сейчас она не знала толком, в какую реальность ей хотелось бы проснуться. Когда послышался голос Иришки, она уже жалела, что это был только сон и этот сон закончился. Несмотря на то, что холодно, страшно и даже на минуту нельзя расслабиться, несмотря даже на эту чёртову Реду…

– Ну зачем же так грубо? – вдруг снова сказал тот же спокойно-насмешливый голос. Нет, он вовсе не походил на Иришкин. Всё равно знакомый. Очень. Но Реана не представляла, где и когда могла его слышать: уверенный, негромкий, но очень четкий голос, с едва заметной хрипотцой, не отражающий никаких чувств, кроме холодной иронии. Подскочившая от неожиданности Реана не могла даже понять, с какой стороны он доносится.

– Кто ты? Где ты? – спросила она, нервно оглядываясь.

– Да здесь я, здесь, – насмешливо сказал голос, но идентифицировать это «здесь» не представлялось возможным.

– Кто ты? – снова спросила Реана, немного спокойнее: ничего страшного пока не происходит, раз можно потрепаться, не исключено, что все будет путём… – Зачем ты прячешься?

– Вовсе я не прячусь, – сказал голос. – Однако ты очень упорно отказываешься меня замечать…

– Что?.. Кого замечать? – сердито спросила Реана. – Скажи по-человечески, кто ты такая?

– Будто сама не знаешь! – засмеялась она. Смех был похож на холодные и колючие искры бенгальского огня: Реана почему-то чувствовала его, а не слышала.

– Не знаю! – зло сказала Реана. – Хватит дурью маяться!

– Да знаешь ты, знаешь, – насмешливо тянул голос. Не извне доносящийся, а звучащий внутри сознания, как будто разговариваешь сама с собой. – Но упорно не хочешь признаться.

– Назови имя, ч-чёрт возьми! – Реана все больше злилась, боялась и злилась, и она вовсе не хотела услышать это имя…

– Имя? – снова рассмеялся голос. – Которое?..которое?.. – слова отдавались эхом… – Выбирай: Лэн, Кхадер, Спома, Тги… Я – Реда! Реда, Реда-реда-ре… **а а а** [15]

– Замолчи! – не выдержала Реана, зажимая уши ладонями.

– Сама спросила имя, – сказала Реда. – А что ты дёргаешься? Тебе не обязательно меня бояться: тебя признали мой меч и мой медальон…

---

[15] Лэн, сокращение от Лэнрайна, первое, детское имя Реды, а позже официальное имя императрицы; Кхадера – «зеленоглазая ведьма», ст. им.; Сапома – «рысь», ст. им.; Таги – под покровительством Таго, бога войны, ал.

– Они тебя признали, а не меня! – сердито сказала Реана, опуская руки.

– А есть разница? – насмешливо поинтересовалась Реда.

– Есть! – выкрикнула Реана. – А нет, так будет! – неожиданно твёрдо добавила она.

– Что будет? – послышался за спиной голос Раира. Он поднимался от ручья, вытирая мокрое лицо. – В чём дело? – озабоченно спросил он, увидев перепуганную Реану.

– Кажется, я схожу с ума, – жалобно сказала она. «Не смей ему говорить, идиотка!» – прошипела Реда. «Сама заткнись!» – зло подумала Реана. «Вот на такой громкости и продолжай, – неожиданно отозвалась Реда. – Вслух говорить ни к чему, я и мысли твои прекрасно слышу…»

– Раир, я всё-таки свихнулась, – чуть не плача проговорила Реана. – Я её слышу! («Замолчи, идиотка! Он же нас убьет!») Со мной Реда разговаривает!

«Ну вот, – подумал Раир. – Доигрался. Если и дальше пойдёт такими темпами, мы и до Нори-ол-Те добраться не успеем! Ну и что теперь делать?»

Реана смотрела на него, понемногу успокаиваясь: Раир и глазом не моргнул, и лицо оставалось совершенно спокойным. Его, кажется, вообще невозможно выбить из колеи. Он никогда не сомневается и всегда точно знает, что делать. Конечно, он найдет способ уничтожить эту дрянь. Обязательно.

«Ага, – саркастически усмехнулась Реда. – Убить меня Лаолийцу проще простого – с тобой, чтоб мне не скучно одной на мост Кеила идти. А это в твою голову пустую не приходило, конечно же. Только тело у нас одно на двоих. Какого Верго ты ему обо мне сказала? [16]

В смерти ничего приятного нет, поверь уж моему опыту!»

– Раир, я так долго не выдержу! – пожаловалась Реана. – Слишком уж она действует мне на нервы! Что мне делать?

«Хороший вопрос, – подумал Раир. – Своевременный. Только с какой стати ты думаешь, что его мне задавать надо? Я-то тут при чем?! Никогда не числился экспертом по ожившим ведьмам! Ох, чует мое сердце, Эглитор так же рад будет…»

– Раир! – мяукнула Реана. – Что мне делать? Не молчи! Мне страшно! Что мне делать?

«Чтоб я знал!..» – подумал Раир, но озвучивать свои сомнения не стал, потому что девочка и так была перепугана до головокружения.

– Постарайся не обращать на неё внимания. Не слушай её.

Реда усмехнулась, Реана поёжилась.

– Как это, интересно? – спросила она. – Уши заткнуть? Пробовала, не помогает, она же внутри!

Раир сочувственно посмотрел на неё.

– Потерпи! Немножко потерпи, до Нори-ол-Те только, а потом, надеюсь, всё будет в порядке. Три дня ещё, ладно?

– Надеешься? – переспросила Реана, невесело усмехаясь. – Я тоже надеюсь… Потому что трёх дней мне вполне хватит, чтобы сойти с ума. Но, надеюсь, до Нори-ол-Те я дотерплю…

– Ну и что у вас такие постные рожи? – спросил вдруг Ликт, просыпаясь и вскакивая. – Только не смейте говорить, что Реда проснулась – не знаю, как она, но я ещё не настолько проснулся, чтобы такие новости выслушивать!

– Ладно, не будем отвечать, – буркнула Реана. «Всё-таки, до чего он…»

«Как он меня раздражает иногда!» – сообщила Реда.

«Заткнись! – мгновенно окрысилась Реана. – Не смей так говорить о моих друзьях!»

«Я не говорю, – отозвалась Реда, – я думаю. Ты и сама именно это собиралась подумать, не отнекивайся, детка».

«В любом случае, это тебя не касается! Не трогай моих друзей!»

---

[16] зд. умирать

«Учту на будущее, что о твоих друзьях только тебе позволено думать гадости», – покладисто сказала Реда.

«Не лезь не в свое дело! – возмутилась Реана. – И не смей мои мысли подслушивать!»

«А то что?» – ослепительно улыбаясь, осведомилась Реда.

«По башке дам!»

«Это по твоей? По пустой? Валяй».

Ликт тем временем проснулся окончательно и ошарашено уставился на Реану.

– Ты серьёзно? Ладно, по лицу вижу, что серьёзно… И что теперь делать? – это уже к Раиру.

– Поторапливаться в Нори-ол-Те, – сказал он. – Есть другие предложения? Тогда давайте завтракать.

Поторапливаться в понимании Раира следовало настолько быстро, что ни для чего другого у двоих его спутников сил уже не оставалось. Весь день они шли, шли, шли – с одной короткой остановкой в середине дня, чтобы перекусить. Трое почти не разговаривали, только Реана сначала всё порывалась завязать какой-нибудь беспредметный трёп. Не столько, правда, из желания пообщаться, сколько потому, что боялась возможного разговора с Редой, буде ни с кем другим говорить не станет. К полудню она уверилась, что всё не так страшно, как померещилось спросонья, и панический ужас перед Редой, раздвоением личности и другими классическими проявлениями сумасшествия понемногу сошел на нет. А, уверившись, продолжала идти уже молча, потому что от болтовни сбивалось дыхание, хотя совершенно заткнуться у неё не вышло, и время от времени прорывались замечания то о пейзаже, то ещё о какой-нибудь ерунде, попавшейся на глаза. Ближе к вечеру Реда снова нарисовалась в пределах слышимости; её реплики были редкими, но меткими – и едкими, – а уж случай поржать Реана редко упускала, так что ещё до того, как трое остановились на ночлег, она перестала дёргаться каждый раз, когда в сознании раздавался сдержанно ироничный холодный и уверенный голос. А когда они, наконец, остановились, поужинали и устроились на ночь, Реана заснула быстро и с удовольствием, и никакие тяжёлые предчувствия и расшатанные нервы ей не мешали.

Раир караулил перед рассветом. Выспаться он успел – давняя привычка спать помалу, – но смотрел по сторонам не слишком внимательно. Потому что занимало его другое… другая, вернее. Эта другая спала, свернувшись на левом боку клубочком – холодно, – скрестив руки и сжав край плаща левой рукой – исцарапанная кисть с просвечивающими венами и ссадиной на косточке у основания большого пальца. Растрёпанная девчонка. Реда.

«Помоги мне Хофо!..»

Реана выплыла из глубины сна, но просыпаться окончательно, открывать глаза или, тем более, другие какие-то телодвижения совершать ей совершенно не хотелось. Она все же чуточку приоткрыла глаза, почувствовав на себе чей-то взгляд, и увидела Раира, неподвижно сидящего метрах в двух, задумчиво глядя на нее. Под полузакрытыми веками девушки промелькнуло, как, в ответ на её улыбку, улыбнется Раир и посмотрит так тепло-тепло…

«Точно, влюбилась», – лениво констатировала Реда прежде, чем глаза Реаны действительно открылись, так что улыбка её увяла, не успев толком наметиться. «Не твое дело, – огрызнулась Реана, не открывая глаз. – Достала!»

«Что, скажешь, я не права? – усмехнулась Реда. – В твоих мыслях только полный дурень не разберется…»

«А ты не суйся в мои мысли! – разозлилась Реана. – Сколько раз говорить!» – Она с удовольствием сменила тему: это замечание Реды порядком её разозлило. Более того, Реда произнесла слово «влюбилась» таким тоном, что Реане стало даже как-то стыдно: словно её застали за подглядыванием в замочную скважину или ковырянием в носу, или ещё каким-то банальным, всеми презираемым безобразием.

«Сложно не соваться в то, что окружают со всех сторон, – сказала Реда и наверняка пожала бы плечами, если бы плечи Реаны её слушались. – Да и без чтения мыслей ясно, что ты влюблена в этого Лаолийца по уши. Жаль, не видно твоего лица: я бы полюбовалась на глаза сердечками при одной только мысли о твоем „прекрасном принце“…»

«Замолчи! – прикрикнула Реана, смущенная и злая. – Ну и пусть, ну, сердечками, только тебя это не касается!»

«Сам факт – возможно, – неожиданно легко согласилась Реда. – В отличие от его последствий. Ты ведь обычно не такая уж дура, хоть со стороны и незаметно».

«Это почему это?»

«Потому что голову твою проще отвинтить, чем вбить в неё элементарную осторожность! Не надо морщить лоб, зачем зря напрягаться. Лаолиец твой спит и видит, как бы злобную ведьму уничтожить. И тебя заодно, потому что тело у нас с тобой общее, и смерть, выходит, тоже одна на двоих. Теперь дошло?»

«Тебе-то откуда знать?»

«Научилась смотреть и видеть».

«А против Раира ты меня не восстановишь, я, может, и правда идиотка, но не до такой же степени!»

«Не до такой, ещё больше, – раздраженно сказала Реда. – Нельзя уничтожить одну из нас, не задев другую – всё переплетено слишком тесно. Иначе я бы сама уже справилась».

Реда замолчала: зло и колюче. Реана зажмурилась…

«Не может Раир так со мной поступить!» – сказала она, но голос дрогнул и прозвучал вовсе не так уверенно, как ей хотелось бы.

«Хотелось бы надеяться, – мрачно проговорила Реда. Помолчала, и потом заговорила чуть живее. – Предлагаю послушать, о чём он думает».

«Это ещё зачем?» – подозрительно спросила Реана.

«Чтобы узнать, о чём он думает, – объяснила Реда. – Приоткрой глаза слегка – осторожно только, пусть думает, что мы спим, – посмотрим: наверняка он сейчас мыслит сосредоточенно… Ага, так и есть, послушная детка… Сейчас осторожно поглядим, что он пока надумал – надо же ведь быть в курсе вражеских замыслов… Ладно, ладно, не вражеских, дружеских – всё равно полезно!»

«А ты трепло ещё похлеще Ликта», – несколько удивленно резюмировала Реана.

«Не всегда, детка, и не со всеми, – отозвалась Реда. – Просто очень уж приятно снова быть живой. Да и таких собеседников, с которыми можно было бы не следить за каждым словом, у меня и вовсе, кажется, не было. Так что ты – единственная в своем роде».

«Вот уж счастье привалило…»

«Ты давай лучше соглашайся насчёт ознакомления с тяжкими Раировыми думами», – поторопила её Реда.

«А с чего ты взяла, что я соглашусь?»

«А почему нет?»

«Потому что подслушивать – свинство. Да и не верю я тебе», – сказала Реана.

«А чего ты боишься? Если ты своему Лаолийцу веришь больше, чем мне, значит просто докажешь себе и всем прочим, что я ошибаюсь. Или ты ему всё-таки не веришь?»

«А как ты себе вообще представляешь это „ознакомление“? – спросила Реана, помолчав. – Я же не умею читать чужие мысли».

«Я умею», – снова пожала бы плечами Реда, если бы они у неё были свои.

«Что, выходит, мне тебя надо отпустить на свободу?» – хмыкнула Реана.

«Пока необязательно, – терпеливо сказала Реда. – Я просто подскажу, что делать, а дальше ты и сама справишься».

«Ну, валяй. Подсказывай».

И Реда «подсказала». Собственно, слово не очень удачное: говорить что-то было бесполезно. Она скорее показала, подтолкнула в нужном направлении, и Реана вдруг с удивлением поняла, что всё просто, она прекрасно «слышит», о чём думает Раир. Но она вовсе не готовилась услышать это…

«…нет выбора. И мне остается только убить её, иначе Реда вернется, и все её преступления будут на моей совести! Но как же Реана?.. Бедная девочка…»

Ещё пару секунд она морщила лоб, прежде чем поняла, что Раира больше не слышит. Словно кто-то щелчком по кнопке заткнул рот телевизионному диктору. Примерно полминуты она пыталась осмыслить услышанное, это у неё не слишком хорошо получалось…

«Реда! – позвала она. – Как же это так? Он же не может, он же знает, как я ему верю… верила… Я ж почти влюбилась в него, черт возьми! Ты слышишь? Хоть ты меня слышишь?!»

«Слышу, „бедная девочка“, – отозвалась она. – Что делать-то собираешься теперь?»

«Что делать?! Это я у тебя спросить хотела, что нам теперь делать! Ты же у нас специалист по кольцевой обороне… да и по предательствам тоже…»

Реда усмехнулась.

«Это что-то новенькое! Ты у меня совета спрашиваешь? А с каких это пор ты мне веришь, детка?»

«А я не верю, – сердито сказал Реана. – Я хочу лечь и спокойно поплакать, и никому больше никогда не верить. Одна цель у нас с тобой действительно общая: биологическую нашу составляющую сохранить в целости. Шкурку нашу непродырявленной сохранить. Я же против Раира двух минут не выстою, если он от построения планов к делу перейти решит!»

«Ну, положим, не две минуты, а четверть часа, я думаю, – серьёзно сказала Реда. – Фехтуешь ты очень даже неплохо. А если меня выпустишь – так и вовсе…»

«И не надейся!»

«К тому же, – как ни в чём не бывало, продолжила Реда, – в экстремальной ситуации человек легко прыгает выше своей головы метра на три в среднем. Но четверть часа нам не помогут, а победить Лаолийца тебе пока ещё действительно не по зубам».

«Спасибо, успокоила!» – буркнула Реана.

«Не дёргайся так, – снисходительно сказала Реда. – Дела не слишком плохи – пока. Я думаю, до Нори-ол-Те можно жить спокойно, Лаолиец наверняка хочет прежде с тамошним Мастером пообщаться. А вот после того лучше бы осторожничать в полную меру».

«А может, – подумала Реана, – после Нори-ол-Те тебя уже не будет, может, Эглитор знает, как от оживших ведьм избавляться. Тогда и осторожничать уже ни к чему будет…»

«А я всё равно тебя слышу, – беззаботно сказала Реда. – Ты совершенно не умеешь скрывать свои мысли, может, научу как-нибудь, если договоримся не врать друг другу… Нет такого способа, ни у Эглитора, ни у Нанжина, ни у Шегдара. Неважно, сколько веков прошло: разделять сознания невозможно. Максимум, что можно сделать, усыпить меня снова, но это сложно и ничего не решает – вечно я спать не буду».

В этот день они выбрались, наконец, из холмов, хотя на равнину окружающая местность походила немногим больше. Тем не менее, дорога уже не столь напоминала козью тропку, а большей частью вела себя прилично, не грозя путникам на каждом повороте переломанными конечностями. Со стороны рельефа это было очень мило и, главное, своевременно: небесная канцелярия, наконец, перешла на зимний режим, и невнятная снежная пыль сменилась крупным снегом, который, вкупе с глинистой почвой, быстро превратил обычную ходьбу в экстремальный вид спорта. Через несколько часов, когда похолодало, а небо разродилось настоящим снегопадом, дорога, до сих пор ведшая прямо на запад, подошла вплотную к границе Кадарского леса и свернула вдоль его кромки на северо-запад. Ещё немного позже, когда глинистую землю уже скрывал ровный слой снега, поселок Воила был уже не дальше, чем в полутора часах ходьбы. Дорога неуверенно, но напрямик протискивалась между Кадарским лесом слева

и Ютои справа, когда метрах в ста пятидесяти впереди, на дереве возле самой дороги обнаружилось привязанным некое разнообразие в пейзаже.

– Человек, – сказал Ликт, приглядевшись. Человек был привязан к стволу придорожного дерева и признаков жизни не подавал.

Раир молчал, пока Реана не переключилась на вторую крейсерскую, взяв курс на эту живописно темнеющую деталь пейзажа.

– Куда это ты? – подозрительно спросил Раир. Реана удивлённо на него посмотрела.

– Как это «куда»? Он же ещё живой, может быть. Я проверю, и если да, то постараюсь в таком состоянии его и сохранить…

– А ты не в курсе, что так оставляют обычно грабителей и убийц? – осведомился Ликт. – Ты бы думала немножко, прежде чем кидаться на помощь.

Реана споткнулась, честно попыталась разобраться в своих побудительных мотивах.

– Я почему-то уверена, что его нужно спасти. Я, правда, понятия не имею, почему… Но это почему-то слишком отчётливая уверенность, чтобы я её могла проигнорировать. И чего вы, собственно, окрысились? Раир, разве не ты совсем недавно всё рвался на помощь тогда ещё совершенно незнакомому Ёваску? Тебя ведь не терзали сомнения? И вообще, я абсолютно уверена, что убить человека куда проще, чем оживить, так что лучше сначала разобраться, а потом уже выносить приговор!

– Не в том дело, – качнул головой Раир. – Вы что, не видите: это же нашда. Ликт, неужели ты не заметил оранжевые манжеты и воротник? Наверное, и колпак где-то рядом валяется. **а**

– Ох, действительно, – сказал Ликт, несколько даже смущенно. Они за время разговора подошли ощутимо ближе, так что три пятна вопящего оранжевого цвета на бело-сером фоне зимнего леса не заметить было довольно сложно. – Тогда и правда говорить не о чём…

– Как это «не о чем»? – возмутилась Реана. – Потрудитесь мне объяснить кто-нибудь, в чём дело! (Реда с объяснениями тоже не лезла, и чужие воспоминания не появлялись, но сейчас Реану это приятное обстоятельство обидело до глубины души). Или вы оба просто терпеть не можете оранжевый цвет настолько, что подойти ближе противно?

– Не говори ерунды, – сказал Раир. – Нашада – это человек, у которого в роду были клятвопреступники. Они неприкасаемые, хуже прокаженных…

– Тем не менее, чтобы привязать этого беднягу, прикоснуться к нему всё-таки не побоялись, – язвительно сказала Реана. – Ладно, ваши предрассудки – это ваше дело, но следовать им меня никто не обязывал! – с вызовом сказала она, подходя вплотную к дереву.

«Не смей!» – вдруг подала голос Реда. Реана от неожиданности снова споткнулась, обнаружила в голове почему-то всплывшую цитату «И ты, Брут!», – и удивлённо усмехнулась: и извилистым путям неконтролируемых ассоциаций, и бунту на корабле заодно. И тому ещё факту, что одновременно с Редой высказал точно такую же идею Раир.

– К нашада нельзя даже прикасаться не потому, что это кому-то так захотелось, – голосом учителя в школе даунов объяснял он, – а потому, что тебе передастся его проклятие: с нарушением клятвы умирает душа. Зачем тебе брать на себя чужие проклятья?

– К тому же, – добавил Ликт, – ты ведь и сама станешь тогда нашада. Как мы дальше общаться будем? Ты что, хочешь и на нас проклятие перенести?

Реана оторопело на него посмотрела. «Так, я ещё и эгоистка выхожу по этой логике! Бред собачий». Заговорила она раньше, чем успела обдумать слова.

– А я из другого мира, и на меня эти ваши законы природы не распространяются. А если вы предпочитаете думать иначе… Расставаться будет действительно жалко… – и она отвернулась, не обращая внимания на злую донельзя Реду, рычавшую что-то о Таго, Верго, нечисти и чьей-то умственной несостоятельности. Реда, очевидно, к здешним «законам природы» относилась куда менее легкомысленно – тем более, что она-то, в отличие от Вики, была из этого

мира. Ликт и Раир немного помедлили, прежде чем направиться следом. Они молчали, а вот Реда упорно продолжала пропаганду, и заткнуть её возможным не представлялось.

Кроме подошедшей троицы привязанным пока не успел заинтересоваться никто, только один предприимчивый ворон уже поглядывал искоса с ветки, но с приближением Реаны птица поспешно сделала ноги… то есть, крылья, наверное.

Развязывать его вышло бы слишком долго и холодно, поэтому Реана просто перерезала веревки, позволив потерпевшему сползти на землю рядом с идиотского вида колпаком, который действительно валялся под деревом.

При ближайшем рассмотрении «потерпевший» оказался невысоким, но крепким мужчиной средних лет, который поразил Реану тёмным – абсолютно чёрным – цветом кожи. Настолько тёмную кожу она до сих пор видела только по телевизору: в России негров всё-таки почти нет, особенно в глубинке… Пока голова думу думала, руки проявили значительно больше мудрости, вплотную приступив к оказанию первой помощи (причём Реда ни с того, ни с сего вошла в роль научного консультанта, основательно пополняя скудные Реанины медицинские познания и ничем свое поведение не мотивируя). Свинцово-серый неизвестный постепенно приобрел свой нормальный живой цвет, открыл глаза и даже умудрился выдать непослушными губами реплику – не блистающую оригинальностью и глубиной мысли, правда.

– Я уже помер? – прохрипел он на эрлике.

– Это ты всегда успеешь, – оптимистично заверила его Реана. – Но лучше подожди лет ещё этак несколько.

– А чё эт ты со мной возишься, барышня? – неизвестный пришел в себя настолько, чтобы включился рефлекс удивления. – На рожу, что ли, приглянулся?

– Рожа как рожа, – усмехнулась Реана, мимоходом окинув её взглядом. – Ты молчи лучше, тебе же ещё говорить трудно. Побереги легкие!

– Не, я, конечно, в восторге и все такое, но я же нашада, неприкасаемый! Или ты рабыня?

– Ещё чего! – возмутилась Реана. Впрочем, припрятать до лучших времен усмешку она не удосужилась, так что возмущение вышло не слишком впечатляющим. – На, выпей, – сказала она, протягивая фляжку с «общеукрепляющим». Нашада с удовольствием приложился, прокашлялся и заговорил уже нормальным голосом, хотя и низким все равно.

– Меня Таогом звать, – сообщил он, осторожно ощупывая шею. Имя было под стать внешности: с происхождением его разобраться не получалось, ни на один из известных Реане языков это не походило. – Я из кочевников, – пояснил Таоэг, словно подслушав её мысли. – То есть, как: родители мои с юга, а сам я тут уже родился в Арне. э

Реана тем временем вспомнила-таки, что кочевники бродили на юге, между Великими горами и Белой пустыней.

– Я – Реана, – представилась она, не спеша называть имена Раира и Ликта, наученная горьким опытом. «Захотят – сами представятся, не захотят – делать больше нечего, только из суеверия опровергать. И вообще, человек имеет право верить во все, что ему нравится».

– Чем трепаться, попробуй лучше встать, – посоветовала она Таоэгу. – Ходячий больной – очень в данном случае желательный выход, потому что на себе я тебя далеко не утащу, а эти два скорее утопятся, чем рискнут своей загробной жизнью, – всё-таки съехидничала она, кивнув на двоих своих спутников, хмуро наблюдавших за её медицинской практикой.

«Брось ты его!» – без особой надежды снова посоветовала Реда, глядя на то, как со скрипом садится Таоэг. Но он встал и даже сделал несколько шагов, причем на его лице ясно отразилось удивление, когда он обнаружил, что не утратил ещё способности переставлять ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.